

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

10
1987

Илья Чавчавадзе

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ — 150

Верный, как Автандил.

3

ПОЛИФОНΙΑ ПЕРЕВОДА

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. Матери - Грузин.

Переводы Зураба Габуния, Сергея Гандлевского, Елены Моховой, Валентина Никитина, Льва Озерова, Исаака Розовского, Владимира Саришвили, Ларисы Фоменко, Виктора Широкова . . . . .

6

ГЕОРГИЙ ЦИЦИШВИЛИ. Художник, мыслитель, общественный деятель . . . . .

18

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. О журнале «Сакартвелос моамбе». Внутреннее обозрение. Девятнадцатый век. Статьи . . . . .

31

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. Стихи. Перевод Камиллы Коринтэли . . . . .

54

10

1987

ГУРАМ МАМУЛИА. О политическом идеале Ильи Чавчавадзе. По неопубликованным материалам из архива писателя

ШАЛВА СААКАДЗЕ. Русские революционные демократы и Илья Чавчавадзе.	88
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ. Книги — о своем владельце	101
ЛУИДЖИ МАГАРОТТО. Поэтика «взгляда» в поэме Ильи Чавчавадзе «Отшельник»	110
АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Илья. Фрагменты из романа. Перевод Аллы Перим	116

ПРОЗА

РЕВАЗ ИНАНИШВИЛИ. Лара. Рассказ. Перевод Зураба Ахвледиани	153
КАРЛО ТАБАТАДЗЕ. Прогулка к морю. Рассказ. Перевод Лианы Татишвили	159

ПУБЛИЦИСТИКА

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. «...Время не теряет времени...»	195
--	-----

ИСКУССТВО

АННА ФАЛИЛЕЕВА. На сцене — Илья	214
---------------------------------	-----

КОНТАКТЫ

ЛЕВАН ДОЛИДЗЕ. «Грузия подарила мне долголетие и неиссякаемую фантазию...»	218
--	-----

ХРОНИКА	87, 100, 152, 194
---------	-------------------

На 2-й стр. обложки — Илья Чавчавадзе.
20/VII-1895 г.

Верный, как Автандил...

ЕСЛИ бы у «Вепхисткаосани» не было столь прекрасного заголовка, как по-другому можно было бы назвать поэму! Конечно, сама мысль об этом кощунственна, но иной раз для доказательства возможного допускаешь невероятное. Руставели воспевает бескорыстную дружбу, возвышенную любовь, героические деяния, чувство долга, победу добра над злом, благородство, красоту, жизнь... И все-таки: можно ли одним словом выразить суть поэмы, ее дух, существует ли такое слово!

Скорее всего, словом этим могла бы быть верность! Верность другу, верность любимой, верность добру, верность героическому, верность красоте... Никто не возносил столь возвышенного гимна верности.

Многие поколения воспитывались в руставелевском духе верности, но, думается, никто не был столь сильно проникнут этим духом, как достойнейший сын Грузии — Илья.

Не будучи ничьим последователем и подражателем, Илья стал воплощением всего того, чего достигла эпоха в сфере мышления и духовности. Он до конца оставался самим собой — необыкновенно цельный человек, верный, как руставелевский Автандил, грузинской литературе, мышлению, всему национальному.

Не было большего предательства, чем убийство Ильи — убийца поднял руку на духовного отца нации!

В истории каждого народа есть личности, на которых жизнь возлагает необычайную миссию. Есть такие и в истории Грузии, но даже из их числа можно особо выделить некоторых.

Для консолидации Грузии, для формирования грузинской нации необходим был некий объединяющий культурный феномен, которым стала грузинская письменность. Эту историческую миссию выполнил царь Парнаоз — в 284 году до нашей эры он ввел грузинский алфавит. Не колхский и не иберийский, — общегрузинский. Помимо культуры, силой, призванной сплотить грузинские племена, должна была стать и единая вера, идеология, спо-

собная выделить Грузию из языческого и маздеанского окружения. И в 337 году царь Мириан объявил христианство государственной религией.

Вскоре грузинский язык утвердился и в церкви, в связи с чем наш далекий предок отмечал: «Грузией считается обширная страна, в которой служат вечерню и исполняют все молитвы на грузинском языке».

Единство культуры и религии было достигнуто, но это еще не означало политического единения страны. Высочайшую миссию эту история возложила на Давида Строителя. Еще более усилилась политическая мощь Грузии в эпоху царицы Тамар — в сфере влияния царского двора оказалась и Трапезундская империя, населенная грузинскими племенами. Настал «золотой век» грузинской государственности и культуры — эпоха Руставели.

И все-таки с трудом достигнутое единство было нарушено, ослабевала сплоченность. Века ушли на то, чтобы политическое единство нации закрепить ее духовным единением. Время же пыталось разрушить достигнутое, время было против...

Одной из причин краха, который потерпел выходец из народа Георгий Саакадзе, являлось непонимание того, что без духовного единства невозможно добиться единства политического.

Постепенно, на протяжении шести веков, вместе с разделением и раздроблением Грузии на маленькие царства и княжества, происходил распад грузинского духа, который, превращаясь в картлийский, кахетинский, имеретинский, мегрельский, эриставовский, бараташвилевский, орбелиановский, дадиановский — в дух княжеских родов, дух семейственности, постепенно замирал и наконец впал в спячку. Еще немного и, казалось, ничто не в силах будет спасти его.

Беличайшую миссию — пробудить грузинский дух взял на себя Илья Чавчавадзе. Илья сумел духовно сплотить грузинский народ, преодолеть разрозненность, раздоры, создать основы для сегодняшней единой нации.

Вот кем был для нас, грузин, Илья, вот почему мы ставим его рядом с Парнаозом, Мирианом, Давидом Строителем. Он был не только великим писателем, не только мыслителем, деятелем, великим патриотом и интернационалистом, он был отцом, папашей, вождем, совестью и надеждой народа. Ни до Руставели, ни после никто не оказал столь большого влияния на грузинскую литературу, как Илья, несмотря на то, что и до и после него в нашей литературе были великие поэты и прозаики: Сулхан-Саба Орбелиани, Давид Гурамишвили, Николоз Бараташвили, Акакий Церетели. Важа Пшавела, Галактион Табидзе. Илья сыг-

рал особую роль в истории литературы. Он был признанным предводителем поколения «тергдалеули» («испивших воды Терека»), утвердивших в нашей литературе критический реализм. Немало усилий вложил Илья в дело внедрения норм нового грузинского литературного языка, который он освобождал от влияния чуждой ему восточной культуры, от поэтики церковной литературы, сближая его с живой народной речью. Он сделал литературу истинно народной.

Наша история помнит немало замечательных ученых и мыслителей. Достаточно назвать таких просвещенных деятелей древности, как Эвтиме и Георгий Атонели, Эфрем Мцире и Иоанн Петрици. Но ни один из них не проникал во все сферы духовной жизни народа, как это сделал Илья, и деятельность ни одного из них не вызвала столь явственного качественного скачка в национальном самосознании, как деятельность Ильи.

Практическая деятельность выдающихся личностей нашей истории в области литературы, культуры, политики или народного хозяйства не имела столь жизненно важного значения, как деятельность Ильи — редактора, основателя и руководителя многих обществ.

Илья был глубоко принципиальным, требовательным и строгим человеком и при этом проявлял удивительную отзывчивость, доброту. Он был верен своему делу, семье, друзьям, отчизне... Илья был и остается образцом истинной человечности, патриотизма и интернационализма. Его уважение и любовь к русской культуре, его дружеское расположение к армянским и азербайджанским братьям по перу могут служить высоким примером, более того — он живо интересовался судьбами итальянского, испандского и других народов мира.

Большими торжествами отмечает наша страна 150-летие со дня рождения Ильи Чавчавадзе. Это не только юбилей писателя, но праздник всей Грузии. Чествование Ильи — это чествование нации. Поэтому его юбилей превратился в праздник всех народов нашей страны, в праздник нашего братства и единства.

ილია ჭავჭავაძე

ქართველის დედას

აწმყო, შობილი წარსულისაგან,
არის მშობელი მომავლისა.

ლევინიცი

ქართველის დედაო! ძუძუ ქართველისა
უწინ მამულსა უზრდიდა შვილსა;
დედის ნანასთან ქვითინი მთისა
მას უმზადებდა მომავალ გმირსა...
გაჰქრა ის დროცა!.. დიდმა ნაღველმა,
კირთების ქვეშე დაჩაგრულ ბედმა,
სრულად მოვიკლა სიცოცხლის ძალა,
თვით შენი შვილიც ჩრდილად შესცვალა.
მითხარ, — სადღაა მამა-პაპური
მხნეობა, ხმალი, მკლავი ქველური,
სახელისათვის ამაყი თრთოლა,
მამულის მტერთან მედგარი ბრძოლა?
მას ნულარ ვსტირით რაც დამარსულა,
რაც უწყალოს დროთ ხელით დანთქმულა;
მოვიკლათ წარსულ დროებზედ დარდი...
ჩვენ უნდა ვსდით ეხლა სხვა ვარსკვლავს,
ჩვენ უნდა ჩვენი ვშვათ მყოობადი,
ჩვენ უნდა მივსცეთ მომავალი ხალხს...
აქ არის, დედავ, შენი მაღალი
დანიშნულება და საღმრთო ვალი!
აღზარდე შვილი, მიეც ძალა სულს,
საზრდოდ ხმარობდე ქრისტესა მცნებას, —
შთააგონებდე კაცთა სიყვარულს,
ქმობას, ერთობას, თავისუფლებას, —
რომ სიკეთისთვის გული უთრთოდეს
და მომავლისთვის ბედთანა ბრძოდეს...
მენდე, მიიღებს ნერგს, შენგან დარგულს,

და მოგვცემს ნაყოფს, ვით კაცი, კაცურს.
დედავ! ისმინე ქართველის ვედრება:
ისე აღზარდე შენ შვილის სული,
რომ წინ გაუძღვეს ჭეშმარიტება,
უკან ჰრჩეს კვალი განათლებული.

15 დეკემბერი, 1858 წ.
პეტერბურგი.

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц.

Мать-Грузия!

Прежде (ты) растила детей для отчины;

Колыбельная матери и вторящий ей плач гор

Готовили (воспитывали) будущего героя...

Ушло то время!.. Глубокая печаль,

Доля угнетенных

Убила (в тебе) силу (жажду) жизни,

А сына твоего превратила в тень.

Скажи (ответь), где унаследованные от предков

Бодрость, сабля (сила), доблестная десница,

Гордый трепет стремления к славе,

Ярое сражение с врагом отчины?

Не будем оплакивать то, что похоронено (умерло),

Что утонуло по воле немилосердного времени;

Перестанем (не будем) горевать по прошедшим временам...

Мы должны сегодня (сейчас) искать другую звезду,

Мы должны создавать наше будущее,

Мы должны принести народу грядущее...

В этом, мать, твое высокое

Назначение и священный долг!

Воспитаи сына, дай ему силу душевную,

Пусть станут для него духовной пищей заповеди Христа, —

Внуши ему любовь к людям,

Братство, единство, свободу, —

Чтоб сердце его билось для добра
И боролось за грядущее...

Верь мне, примется саженец, тобой посаженный (взойдет то,
что ты посеешь)

И даст плод сильный (мужественный).

Мать, услышь мольбу Грузии:

Воспитай своего сына (дух сына своего) так,

Чтоб вела его по жизни истина,

И за ним оставался светлый след.

15 декабря 1858 г.

Петербург

КАРТВЛИС ДЭДАС

Транскрипция

Картвлис дэдао! Дзудзу картвлиса

Удин мамулса узрдида швилса;

Дэдис нанастан квитини мтиса

Мас умзадэбда момавал гмирса...

Гахкра ис дроца!.. Дидма нагвелма,

Киртэбис квешэ дачагрул бедма,

Срулад могикла сицоцхлис дзала,

Твит шэни швилиц чрдилад шэсцвала.

Митхар, — садхаа мама-папури

Мхнэоба, хмали, мклави квелури,

Сахелисатвис амаки тртола,

Мамулис мтэртан медгари брдзола?

Мас нугар встирит, рац дамархула,

Рац уцкалос дрот хэлит данткмула;

Мовиклат царсул дроэбзэд дарди...

Чвен унда всдиот эхла схва варсквлавс,

Чвен унда чвени вшват мкообади,

Чвен унда мивсцэт момавали халхс...

Ак арис, дэдав, шэни магали

Данишнулеба да сахмрто вали!

Агзардэ швили, миэц дзала сулс,

Сазрдод хмаробдэ Кристэса мцнэбас, —

Штаагонэбдэ кацта сикварулс,

Дэмобас, эртобас, тависуплебас, —

Ром сикетиствис гули утртодэс

Да момавлиствис бедтана брдзодэс...

Мендэ, мингебс нэрге, шэнган даргулс,
Да моговцэмс накопс, вит каци, кацурс.
Дэдав! Исминэ картвлис ведреба:
Исэ агзардэ шэн швилис сули,
Ром цин гаудзгвес чэшмаритэба,
Укан рчес квали ганатлебули.

Зураб ГАБУНИЯ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Матерь иверов, надежда грузина,
Прежде отчизне растила ты сына,
С песней твоею рыдали и горы,
Так с колыбели мужали герои...
Славные годы прошли, миновали,
Гнет и насилие и тяжесть печали
Ты испытала и стала несчастной,
Сын же — былого лишь тенью безгласной.
Прежняя доблесть давно уж не снится,
Где же та удаль и крепость десницы?
Подвиг и слава в смертельных сраженьях,
Смелость, отвага и ожесточенье?
Полно нам плакать о том, что уж было,
То, что безжалостно время сгубило,
Скорбь о минувшем лишь бремя для чада,
К новой звезде устремиться нам надо.
Будущность светлая — наша забота.
Лучшую участь добыть для народа...
Смысл и значение, матерь, всей жизни,
Долг твой пред богом и перед отчизной —
Вырастить сына могучим и смелым,
Чтоб доброта с милосердьем в нем зрели,
Сердцем, горящим любовью к собрату,
Несущим свободы и братства лампаду —
Чтобы он к благу стремился всечасно,
Мог бы за счастье бороться отважно.
Верь мне, то семя взойдет, расцветая,

Станет твердыней родимого края.
Мать иверов, моление грузина:
С самого детства так пестуй ты сына,
Чтобы за истиной шел, непреклонный,
Чтобы оставил он след озаренный.

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц.

Мать-Грузия! Давно ль твои сыны
Опорой были для родной страны?
В лад колыбельной вторил плач вершин
Окрестных гор — и рос героем сын.
Так было встарь. Где эти времена?
Теперь забита ты, угнетена,
Желанье жить теряешь что ни день,
И где твой сын? Он превратился в тень.
Опомнись, от дурного сна воспрянь!
Где честь твоя, где доблестная длань,
Отпор врагу, выносливость в беде,
Преданья предков? Где все это, где?
Что проку плакать, прошлое прошло.
Все временем жестоким унесло.
Но, если мы с минувшим не в ладу, —
Найдем сегодня новую звезду
И вслед за нею двинемся вперед,
Чтоб увидал грядущее народ.
Мать-Грузия, отныне в этом твой
Священный долг, иди за той звездой.
Пусть совесть сына будет впредь чиста,
Вскормленная учением Христа,
И пусть людей свобода и родство
Святынями пребудут для него,
Пусть добрым сердцем род любя людской,
За будущее борется с судьбой!
Верь, саженец такой не пропадет,
Со временем он даст прекрасный плод.

Мать, лишь к тебе взывает отчий край.
Так сына вырасти и воспитаи,
Чтобы за истиной он шел вослед,
И следом этого пути был свет.

Елена МОХОВА

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Сынов растя своих,
Ты для Отчизны вскармливала их.
Плач матери был повторен горой —
Рос в колыбели будущий герой.

Все миновало! Мрак страну одел,
Удел рабов — отныне твой удел.
Иссяк источник жизни до конца,
И каждый сын всего лишь тень отца.

Скажи, где сабля — предков гордый дар?
Готовность к схватке, доблестный удар?
Где цель святая — славу заслужить
И в яркой битве голову сложить?

Ни слез не надо мертвому, ни слов,
Все беспощадно время унесло.
Что горевать по прошлым временам...
Искать звезду иную надо нам.

Грядущее должны мы созидать,
Для будущего жизнь свою отдать...
Мать! Долг исполнить время настает,
Святое назначение твое!

Дай сыну сил, чтоб духом возрастал
И заповеди исполнял Христа:
Чтобы людей, как братьев, возлюбил,
Единым с ними — и свободным был.

Пусть, сердце для добра открыв, с судьбой
Выходит за грядущее на бой.
Из семени, поверь, взойдет побег,
Родится добрый, сильный человек.

Всей Грузии мольбу ты слышишь, мать?
Таким должна ты сына воспитать,
Чтоб Истина в судьбе его вела
И светлый след оставили дела.

Валентин НИКИТИН

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Грузия-мать! Ты, вскормив сыновей,
Встарь для Отчины растила детей;
Плач твоих гор, колыбельная песнь
Благословляли героя на крест...
То достославное время прошло!
Бремя неволи, как гроб, тяжело,
Цвет твоей жизни злой рок умертвил,
И уподобился тени твой сын.
Где ж твоих витязей, Грузия-мать,
Бодрость и доблесть, сила и стать?
К славе стремленье, презревшее смерть,
Чтоб супостатов страны одолеть?
Но мы не будем оплакивать то,
Что бездной времени поглощено;
Ныне вздыхать о былом ни к чему...
Надо иную искать нам звезду,
Свет невечерний узреть на пути,
Дабы народ его мог обрести...
В этом, о мать, что презрела покой,
Предназначенье и долг твой святой!
Сына наставь, пусть заветы Христа
Станут закваской души и ума, —
И идеалы свободы внуши
Ради единства и братства в Любви!
Сердце сыновье отверзни Добру, —
Да превозможет самую судьбу...
Верь мне, твой саженец примется, мать,
Чтобы сторицей плодами воздать.

Ныне молењю грузина внемли:
Сына взлелей для грузинской земли,
Чтоб его Истина в жизни вела,
Светлым был след и счастливой стезя...

Лев ОЗЕРОВ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Ты сыновой вскормила.
Их подняла родительская сила.
Все песни те, что напевала мать,
Их продолжали в битву поднимать.
То время утекло... Остались были.
В тебе стремленье к жизни погубили
Твоя нужда, твой подневольный день.
Твой сын родимый превратился в тень.
Скажи, где переданная отцами
Отвага, закрепленная делами,
И сила, и достоинство, и честь,
И недругов карающая месть?
Оплакивать не будем то, что было,
Что время так немилосердно скрыло,
Как рану, бередить свою беду, —
Другую мы должны искать звезду.
Грядущее должны найти мы в сущем,
Должны напомнить людям о грядущем.
Мать, в этом нынче миссия твоя,
Неоценимый подвиг бытия.
Дай сыну ты духовные основы,
Пусть заповеди в толк возьмет Христовы,
Любовь ему глубокую внуши,
Свободу, братство, широту души.
Чтоб сердце сына для добра созрело,
Решилось бы на праведное дело.
Пусть саженец, что посадила ты,
Со временем нам принесет плоды.
Мать, слушай Грузии мольбу-молитву:

Дух сына закали на мир, на битву,
Чтоб с правдою он шел дорогой лет
И чтоб за ним его светился след.

Исаак РОЗОВСКИЙ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Рождала ты сынов,
Не ведавших ни страха, ни оков!
И песнь твоя, усилилась эхом гор,
Питала кровь героев с давних пор.

Но время славы минуло, рабу
В удел оставив горечь и мольбу.
Иссяк источник жизни и любви.
Тенями стали сыновья твои.

Скажи — где гордый подвига полет?
Где вера, что храним из рода в род?
Где доблесть предков? Блеск и мощь клинка,
Без промаха разящего врага?

Что толку плакать после похорон?
Все исчезает в омуте времен.
Пусть свет погасших звезд нельзя вернуть,
Нам новая звезда укажет путь.

Нельзя в минувшем вечно смысл искать.
Грядущее должны мы создавать.
Вести народ к победе над судьбой,
Мать-Грузия — вот долг священный твой!

Твой сын впитает проповедь Христа
И будет ясен дух, душа — чиста.
Пусть станет высшей целью для него
Любви, единства, братства торжество.

Пусть сердце сына бьется для Добра.
Судьба вернет, что отняла вчера.
И мужество, что ныне сеешь ты,
Должно, поверь, дать щедрые плоды.

Мольбе страны истерзанной внемли,
Свой дух отдай сынам родной земли,
Чтоб истина по жизни их вела
На славный труд, на светлые дела.

Владимир САРИШВИЛИ

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Младенец в колыбели,
Что щедрым вскормлен молоком твоим,
Героем рос, глаза его горели,
Но время спело «Реквием» над ним.
И ныне тенью скорбной и бесплотной
Витает он над горькою землей.
Коварный враг железною пятой
Жестоко подавил народ свободный.
Где наша доблесть, где суровый меч,
Неужто сердце ярости не скопит,
Чтоб от ошибок нас предостеречь?
Бег времени минувшее утопит.
Бессильны слезы. Новая звезда
Уже горит в туманной тяжкой гуще.
Народ родной! Наш путь ведет — туда,
Во имя славы в вечности грядущей.
Священный долг исполни. Ты чиста
Пред нами, мать народа — исполина,
Лишь ты, заветам следуя Христа,
Взрасти, вскорми поверженного сына.
Его счастливой долей награди,
Благословив на битву за свободу,
Любовью неизбывною к народу
И сердцем, пламенеющим в груди,
И знай, что ныне хрупкие ростки
Крепки корнями и дадут побеги.
Плоды побед, добытых по-мужски,
Сладки сегодня, завтра и вовеки.
Ты сына в тайну истин посвяти...
Мать-Грузия! Скажи, терпеть доколе?
Пусть он оставит на своем пути
След просвещения, мудрости и воли.

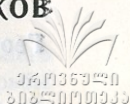

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Тебе не нов удел
 Растить своих сынов для ратных дел;
 Ты даже в колыбельной с давних пор
 Всех отпевала под рыданье гор,
 Кто пал в бою суровою порою,
 И пестовала нового героя...
 Увы! Прошло то время. Рабства доля —
 Печаль и стыд — в тебе сломили волю.
 Безжизненно плетутся дни за днями,
 Твои сыны становятся тенями.
 Не нам ли предки отдали в наследство,
 Врагов отчизны обращая в бегство,
 И бодрый дух, и твердую десницу,
 И право к славе трепетно стремиться?
 Не будем плакать над могильным прахом
 И клясть немилость времени со страхом,
 Не время горевать сегодня нам
 По славным и бесславным временам.
 Нам надо, возрождая волю к жизни,
 Грядущее, как долг, вернуть отчизне.
 Мать-Грузия! Признай свое призванье!
 Лишь на тебя теперь все упования.
 Пускай твои святейшие уста
 Велят сынам жить верою Христа:
 Свободой, братством и любовью к людям,
 Грядущим днем, в котором вместе будем
 Мы пожинать плоды твоих забот.
 Что ты посеешь, мать, то и взойдет,
 И возмужает в будущей борьбе.
 Мать-Грузия! Мы молимся тебе —
 Внуши сынам, что истина есть свет;
 Кто свет несет, оставит светлый след.

МАТЕРИ-ГРУЗИИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

Мать-Грузия! Растишь ты сыновей
Не только ради радости своей;
Плач колыбельной вместе с эхом гор
Героя окрыляли с давних пор...
Ушло то время!.. И сегодня жаль,
Что жажду жизни извела печаль,
И доля угнетенного вконец
Утишила биение сердец.
Скажи, где бодрость предков?

Стойкий дух

Неужто окончательно потух,
И ни в одном грузине на найдем
Желания помериться с врагом?
Оплакивать не будем в этот час
То, что ушло заведомо до нас;
Не забывая прошлого, в виду
Должны иметь мы новую звезду,
Чтоб не свернуть с заветного пути
И счастье вновь в грядущем обрести.
Мать-Родина, не в том ли высший долг,
Чтоб сына воспитать для тех дорог,
Дать силу заповедную души
И чистоту заоблачных вершин,
Любовью братской к людям одарить
И мужеством, и волей наделить,
Чтоб сердце билось только для добра
И жизнь была воистину сестра...
Поверь, подобный саженец взойдет,
И в срок поспеет долгожданный плод.
Мать-Грузия, внемли моей мольбе,
Готовь питомца к яростной борьбе,
Чтоб истиной влеком в итоге лет
Оставил он надолго светлый след.

ХУДОЖНИК, МЫСЛИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В ДУХОВНОЙ жизни каждого народа, достигшего определенной ступени общественно-культурного развития, время от времени, особенно в переломные моменты его истории, обязательно появляются выдающиеся, обладающие исключительными качествами и способностями личности, которые, благодаря умению глубоко вникать в требования современной им действительности и предвидеть основные тенденции ее развития, направляют по новому руслу жизнедеятельность широких масс, открывая тем самым новую эпоху в интеллектуальной жизни своего народа, а иногда и всего человечества.

В истории богатейшей грузинской культуры, уходящей своими корнями в седую древность, такой выдающейся личностью является Илья Чавчавадзе — великий грузинский писатель, гуманист и интернационалист, негибаемый борец против социальной несправедливости и политического гнета, поистине духовный вождь нации.

Человек редчайшей одаренности, поразительной разносторонности, необычайной твердости духа и железной настойчивости в достижении намеченной цели, Илья Чавчавадзе был прирожденным лидером, способным воодушевить, поднять и повести за собой широкие массы. Редкий эрудит, талантливый организатор, прозорливый политик, гибкий дипломат, красноречивый оратор, блестящий публицист, искусный полемист, он владел умами своих современников и воистину был «некоронованным самодержцем» своего отечества и всего своего народа.

Илья Чавчавадзе сыграл исключительную роль в судьбе

Грузии. Как признанный вождь национально-освободительного движения грузинского народа он первым поднял знамя борьбы за национальную и социальную свободу, за справедливый общественный строй, за «царство труда, братства и равенства».

Его художественное творчество явилось вершиной т. н. новой грузинской литературы — литературы XIX столетия. Непревзойденный мастер грузинской беллетристики, создавший эпохальные полотна, реалистически отображающие национальную действительность, он вдохнул новую жизнь в грузинскую поэзию, обновил и осовременил ее. Он продолжил линию грузинских романтиков на полное освобождение от рецидивов эпигонского подражательства устаревшим традициям восточной литературы и твердую ориентацию на западную культуру, т. е. курс «европеизации» всего художественного творчества грузинского народа. Он возродил поэтический эпос, столь традиционный для грузинской литературы и создал замечательные эпические произведения, которые утверждали новые идеалы и новые идейно-эстетические принципы.

Покровитель и пропагандист грузинской театральной культуры, он вместе со своим соратником, выдающимся писателем, одним из руководителей национально-освободительного движения в Грузии А. Церетели стал основоположником нового грузинского театра, который в то время являлся одним из мощных средств воспитания национального самосознания, патриотизма и интернационализма. Своими драматическими произведениями И. Чавчавадзе вернул к жизни угасающую национальную драматургию, превратив ее в действенный жанр, способствовавший расцвету грузинского театра и появлению в нем выдающихся деятелей национального театрального искусства. Статьи Ильи Чавчавадзе о театре и драматургии стали основой для развития театральной критики. По его инициативе было создано «Грузинское драматическое общество» (1881), первым председателем которого он являлся.

Илья Чавчавадзе — основоположник национальной художественной критики. Ранние образцы литературной критики встречаются уже в средневековой грузинской литературе, но как самостоятельная область литературы она прослеживается с XVI—XVII веков, хотя подлинное развитие получила лишь благодаря Илье Чавчавадзе, превратившему ее в самостоятельный и действенный жанр.

Илья Чавчавадзе как ренессансная личность проявил себя и во многих других областях культуры страны, повсюду оставив яркий след. Он был реформатором грузинского языка,

положившим начало т. н. новому грузинскому языку, и не только в качестве практика—мастера слова, но и в качестве вдумчивого и глубокого теоретика.

Илья Чавчавадзе — высокообразованный правовед, создавший ряд блистательных статей по гражданскому и международному праву. Эта сторона деятельности писателя ярко проявилась в бытность его мировым посредником, мировым судьей и членом Государственного Совета России, где он вместе с выдающимися русскими общественными деятелями смело выступал за права человека и прогрессивные преобразования.

Экономическим проблемам, в частности экономике народного хозяйства, развитию торговли и промышленности Грузии посвящены многие, особо важные для того времени, статьи и очерки Ильи Чавчавадзе. В них он с глубочайшим знанием дела рассматривает животрепещущие проблемы социально-экономической жизни Грузии той поры, решая их в соответствии с новейшими достижениями экономики и, в частности, с учетом марксистского этапа развития этой науки.

Илья Чавчавадзе был дальновзорким историком, верно ориентирующимся в сложнейших перипетиях как давнего, так и недавнего прошлого. Прекрасное знание всемирной истории, истории России и особенно Грузии, широкая осведомленность в исторической науке вообще, знание новейших ее достижений предопределили глубокий подход Ильи Чавчавадзе к конкретным проблемам истории грузинского народа, особенно последнего периода ее развития.

Блестящий публицист, глубокого вникающий в нужды современного ему общества и, в частности, в насущные потребности основной массы трудового народа Грузии того периода — крестьянства, Илья Чавчавадзе с особой заинтересованностью и сосредоточенностью освещал глубинные процессы народной жизни и быта, истории и культуры, общественно-политического и социального развития, просвещения и науки, торговли и промышленности, морали и религии, нравов и обычаев, семьи и брака и многие другие узловые вопросы своей современности.

Илья Чавчавадзе был энциклопедически образованным человеком, широчайшая эрудиция его поражала передовых людей не только Грузии, но и России, а также многих зарубежных деятелей. Неутомимый труженик, он внес весомый вклад в развитие и совершенствование народного просвещения, здравоохранения, правосудия. Просветитель новейшего типа, он

был создателем и вдохновителем самой прогрессивной и необходимой для Грузии того времени добровольной организации — «Общества по распространению грамотности среди грузин» и не менее необходимого «Всегрузинского земельного банка», сыгравших исключительную роль в судьбе грузинского народа. Они активно способствовали развитию образования и литературы, театра и просветительских учреждений, книгопечатания, журнально-газетного дела и многого другого.

Общественная деятельность Ильи Чавчавадзе была настолько обширной и интенсивной до самых последних дней его жизни, что можно только удивляться его энергии, пламенному энтузиазму в неуклонном стремлении к общественному прогрессу и облегчению жизненных условий народа. При этом он был на редкость бескорыстным человеком. В истории Грузии не было второго такого общественного деятеля, писателя, который по своей литературно-художественной и общественной деятельности был бы равен Илье Чавчавадзе. Он был властителем дум своего народа. Не было ни одного факта в политической, социально-экономической и духовной жизни Грузии, ни одного более или менее значительного события, которое ускользнуло бы от внимания Ильи Чавчавадзе, на которое он не откликнулся бы со всем жаром своей пылкой и любвеобильной души. Его равно трогали и интересовали как важнейшие события эпохальной значимости, так и детали народной жизни, подоплека социальных условий, проблемы нравственности и морали, стремления и чаяния широких масс, взаимоотношения с представителями народностей, проживающих в Грузии, культурно-литературные взаимосвязи Грузии с Россией, а также с другими народами Российской империи, со всеми цивилизованными народами мира.

Особо надо подчеркнуть заслуги Ильи Чавчавадзе как выдающегося организатора и руководителя грузинской периодической прессы. Он был единоличным инициатором учреждения трех крупнейших органов печати — журналов «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») в 1863 году и «Иверия» (1877—1886) и газеты «Иверия» (1886—1902), более четверти века руководил флагманом грузинской прессы «Иверией» и сделал так много для развития национальной журналистики и публицистики, как никто другой. Именно он утвердил в грузинской периодической прессе принципы, которым постоянно следовали передовые ее органы: революционно-демократические устремления, верность народности, гуманизму и интернационализму. Это помогло грузинским периодическим изданиям за-

воевать популярность среди народа, быть выразителями его чувств, нужд и чаяний.

Огромную роль сыграл Илья Чавчавадзе в развитии грузинской педагогической мысли. Будучи последователем взглядов передовых представителей мировой и русской педагогики (Я. Коменского, К. Д. Ушинского), Илья Чавчавадзе постоянно откликался на насущные проблемы теории и практики этой науки. Народное образование, соответствующее новым запросам времени, он считал самым необходимым условием нравственного и культурного развития народа, повышения его общественного, политического и национального самосознания.

Один из просвещеннейших людей своего века, достаточно хорошо владеющий иностранными языками, Илья Чавчавадзе с самого же начала своей деятельности обратил внимание на необходимость перевода произведений выдающихся западноевропейских и русских писателей. В разное время он перевел из русской литературы произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, Я. П. Полонского; из французской — Виктора Гюго, Пьера Прудона, Альфонса Доде, Андре Шенье, А. Бувье; из английской — Вильяма Шекспира, Вальтера Скотта, Джорджа Байрона, Томаса Мура; из немецкой — Фридриха Шиллера, Генриха Гейне, а также произведения писателей некоторых других стран. О его глубоком знании мировой литературы свидетельствуют его же художественные произведения, критические и публицистические статьи. Он часто цитирует, проводит параллели, ссылается на многих выдающихся представителей разных литератур.

Илья Чавчавадзе правильно понимал вредность изоляции национальной литературы, ее замыкания в собственную скорлупу, порождающего узость художественного кругозора. Он не раз подчеркивал, что художественное творчество по своей сути интернационально и немислимо без взаимосвязи с другими литературами, что взаимодействие и взаимообогащение литератур является необходимым условием их развития и совершенствования. Правильное понимание литературных взаимоотношений и их разных форм Илья Чавчавадзе считал тем рычагом художественного творчества, без которого немислимо развитие литературы как художественной летописи народа, как способа его самопознания.

* * *

Литературную деятельность Илья Чавчавадзе начал со стихов, в частности с любовной лирики. Но она у него так тес-

но переплетается с патриотической лирикой, что порой между ними трудно провести грань. Любовь в понимании Ильи Чавчавадзе — это прежде всего облагораживающее человека чувство. Любовь ценна и прекрасна тем, что она воодушевляет человека на возвышенные поступки, на патриотические деяния, воспитывает в нем гражданственность, человечность. Илья Чавчавадзе продолжает здесь исконные традиции грузинской поэзии.

Лирическая струя поэзии И. Чавчавадзе, обогатившая родную литературу замечательными художественными образцами, подняла грузинскую поэтическую культуру на более высокую ступень, сделала ее созвучной эпохе, расширила ее версификационные возможности, придала больше эмоциональности, искренности, экспрессии и открыла ей новые пути развития. С годами в лирике Чавчавадзе появились новые темы, образы, изобразительные приемы, все более усиливается социальное звучание. В ней все подчинено жизненно важным вопросам родной страны, ее настоящему и будущему, и поскольку личное и общественное в ней слиты воедино, она воспринимается как исповедь патриота, который верит в воскресение своей угнетенной родины.

Большое место в творчестве Ильи Чавчавадзе занимает сатира. Прирожденное чувство юмора, которое сквозит уже в юношеских его стихах, нетерпимость ко злу, лицемерию, ханжеству, к гражданской пассивности, к политическому ренегатству и преданию интересов родины делали Илью Чавчавадзе непримиримым по отношению к своим противникам, он всегда с открытым забралом выступал против тех, кто грешил перед «богом и человеком». Поэтому так остра его обличительная сатира, срывающая маски с реакционеров и ретроградов.

Одним из высочайших образцов грузинской эпической поэзии, насчитывающей более чем двенадцативековую историю, является поэма Ильи Чавчавадзе «Видение» (1859—1872). Это многоплановое произведение откликается на самые жгучие проблемы прошлого, настоящего и будущего. Четкая идейная направленность, ясная сюжетно-повествовательная канва, яркие образы, осмысленные как обобщенные символы реальных жизненных явлений, поэтичность и экспрессия придают ей особое очарование и делают одним из значительных художественных произведений не только творческого наследия Ильи Чавчавадзе, но и всей грузинской классической поэзии. Илья Чавчавадзе в этой поэме поднимает проблемы своей совре-

менности, являющиеся программными для грузинских «шестидесятников».

Поэма «Мать и сын» (1860—1871)—произведение взрывной эмоциональной силы, пронизанное патриотическим чувством. Это страстный гимн свободе и миру, который должен спасти человечество от бессмысленного кровопролития.

Поэма «Несколько картин или эпизодов из жизни разбойника» (1860) — также одно из наиболее значительных произведений автора, принесшее ему широкую популярность и славу неустрашимого борца против крепостного права. Поэма разоблачает нравственный маразм крепостничества как вреднейшего и растлевающего душу социального института. Яркие характеры, убедительность поступков героев и поэтическая выразительность делают эту поэму одним из этапных произведений грузинской литературы XIX века. Илья Чавчавадзе с поразительной силой заклеил существующий общественно-политический строй и в то же время смело указал на путь активной вооруженной борьбы как на единственный выход из положения.

В 1882-83 годах Илья Чавчавадзе создает одно из самых замечательных своих творений — поэму «Отшельник». Используя в ней мотивы грузинской легенды, он искусно обобщил материал и придал эпическому произведению философскую глубину. Илья Чавчавадзе подошел к решению проблемы¹ с позиции развенчания аскетизма как вредного, антиобщественного и противоестественного явления. Противопоставив человеческой натуре, ее естеству аскетический идеал, он с верностью показал, насколько хрупок и беспомощен этот идеал перед природой человека. Но главное, он сумел показать это посредством таких живых, психологически убедительных образов, так рельефно и убедительно, что спор между девушкой и отшельником воспринимается как своеобразное отражение борьбы двух миров: реального и ирреального, естественного и неестественного. Когда отшельник, посвятивший всего себя высшей, по его мнению, цели, убеждается, что цель эта ложна, он испытывает страшное потрясение и, не выдержав его, умирает. Человек, пожелавший отвергнуть природу, сам оказывается отвергнутым ею. Тем самым Илья Чавчавадзе страстно осудил бегство от общества, от народа.

¹ Этой проблеме в свое время посвятили произведения Эмиль Золя, Анатоль Франс, Густав Флобер, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой.

Как беллетрист Илья Чавчавадзе оказал на грузинскую литературу, пожалуй, еще большее влияние, чем как поэт. Здесь с еще большей силой проявилась основная черта его могучего дарования — талант писателя-реалиста, писателя-трибуна, писателя-новатора.

Первое его прозаическое произведение — это «Записки путника» (1861). Внешне оно походит на дорожный очерк или путевые заметки, но по сути своей — это очень серьезное, в определенном смысле программное произведение, написанное в год возвращения писателя в Тбилиси после четырехлетней учебы в Петербургском университете.

Годы, проведенные в России, не прошли для Ильи Чавчавадзе даром. Это была великолепная школа, вооружившая его разносторонними глубокими знаниями и окончательно сформировавшая его как писателя и мыслителя. Одним из главных эпизодов «Записок...» является встреча писателя с грузином-горцем. Во время их беседы и вырисовывается основная проблема, к решению которой Илья Чавчавадзе подходил неоднократно и с разных сторон. Это проблема государственно-политического и социально-экономического положения Грузии в середине XIX века. Устами грузина-горца — персонажа символизированного, выражено мнение определенной части грузинской дворянской интеллигенции, остро переживающей потерю Грузией государственной самостоятельности и недовольной жесткой самодержавной политикой царизма. Следует особо отметить, что к решению кардинальных вопросов истории Грузии Илья Чавчавадзе всегда подходил с позиции существования двух России и двух культур. Но он не мог не сочувствовать грузинскому горцу, не соглашаться с ним в том, что капитализация страны, начавшаяся почти сразу же после присоединения Грузии к России, привела к упадку нравов, к уничтожению некоторых добрых традиций, ужесточению законов, к произволу чиновников, усилению эксплуатации и к тому двойному гнету, которому подверглось трудовое крестьянство — преобладающее большинство грузинского народа. В этом произведении нашли художественное воплощение все основные взгляды и концепции Ильи Чавчавадзе. Это апология действия, апология борьбы, нетерпимость ко всякому застою, безразличию; это борьба за полную перестройку общественно-политического уклада, всей социальной системы, борьба за просвещение народа, за национальную культуру и национальный язык, за демократию и гуманизм.

Многие взгляды «шестидесятников» нашли свое отраже-

ние в одном из самых значительных и высокохудожественных произведений Ильи Чавчавадзе — повести «Рассказ нищего» (1859). Писатель рассказывает в ней, как лишенный чувства сострадания жестокий барчук безо всяких угрызений совести губит жизнь преданного слуги и его невесты и сам же погибает от руки своего крепостного. И. Чавчавадзе вскрывает всю аморальность крепостного права, полнейшее разложение современного дворянства. В повести во всей полноте проявился гуманизм и демократизм великого грузинского писателя, поскольку именно любовь к человеку, вера в него, в необходимость его полного освобождения определяли позицию Ильи Чавчавадзе.

Одним из блистательных образцов грузинской классической прозы является сатирическая повесть Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» (1859—1863). Острые сатиры направлены здесь против тех, кто замыкается лишь в кругу житейских интересов, ведет паразитический образ жизни, забывая о высоком предназначении человека. Сатира писателя, преодолевая социальные, национальные и временные рамки, приобретает широко обобщенный характер. При этом она не переходит в гротеск — персонажи абсолютно реалистичны, жизненны и естественны, все произведение в целом поражает своей художественной убедительностью.

Отмена крепостного права в Грузии (1864) отнюдь не привела к устранению социальной несправедливости, наоборот, с капитализацией страны противоречия еще больше обостряются, эксплуатация трудящихся становится еще более жестокой. В рассказе «У виселицы» (1879) Илья Чавчавадзе освещает некоторые проблемы пореформенной действительности. На примере жизни двух молодых людей писатель показывает, как антигуманные условия действительности делают людей преступниками.

Каждое произведение Ильи Чавчавадзе, независимо от его жанровой принадлежности, тематики, художественной формы, внушало читателю мысль о необходимости коренной ломки существующей системы и построения нового общества.

В 1888 году Илья Чавчавадзе опубликовал одно из лучших своих произведений «Отарову вдову» — шедевр грузинской беллетристики. Эта повесть отображает жизнь грузинской деревни после крестьянской реформы, в ней показаны взаимоотношения «освобожденного» крестьянства и дворян-помещиков. Писатель поднимает проблему так называемого «сломанного моста» между этими классами и с добросовестностью ученого,

социолога и психолога исследует ее. Главный герой повести — умная, мужественная, высоко нравственная крестьянка, являющаяся образцом трудолюбия и чести. Отарова вдова прозвали ее в деревне — олицетворяет грузинское крестьянство. Ее характер аллегоричен и в то же время типичен как с точки зрения национальной, так и социальной. Из взаимоотношений Отаровой вдовы с сыном, с одной стороны, помещиком Арчилом и его сестрой, с другой, становится ясно, что мост между дворянством и крестьянством сломан, и между ними глубокая пропасть.

Как соединить «эти два берега»? — вот проблема, которой посвятил свое произведение Илья Чавчавадзе. Исходя из задач национально-освободительной борьбы, писатель упорно стремился к примирению враждующих классов и сословий, поскольку считал, что для достижения победы в освободительной борьбе необходим классовый и сословный мир. Именно это и проповедует он в «Отаровой вдове».

Илья Чавчавадзе надеялся, что просвещение, культура помогут обществу осознать необходимость классового примирения. Но именно в этом проявились слабость просветительской позиции писателя и противоречие между его методом и мировоззрением, как это было у Бальзака, у Л. Толстого. Как художник-реалист Илья Чавчавадзе видел пропасть между двумя классами, но как идеолог национально-освободительного движения, стремящийся объединить силы нации, вопреки жизненной реальности старался утвердить мысль о возможности классово-сословного мира. Трезвый художник-реалист взял верх над идеологом и теоретиком, в результате чего, вопреки желанию автора, из его произведения явствует, что восстановить разрушенный мост и соединить два берега невозможно.

Основополагающую роль сыграл Илья Чавчавадзе в области художественной критики. Он положил начало грузинской профессиональной критике нового времени. Являясь крупнейшим ее представителем, утвердил в ней новые мировоззренческие и методологические принципы. Художественно-эстетическое кредо Ильи Чавчавадзе основывалось на теоретической базе русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, принципы которых он разделял, но подходил к ним творчески, исходя из традиций грузинской литературы и ее национального своеобразия. Статьи Ильи Чавчавадзе оказали исключительное влияние на всю критическую мысль Грузии. Он рассматривал литературу и искусство как одну из форм по-

знания реальной действительности и доказывал, что они развиваются сообразно объективным законам общественного развития. Он был решительным противником лжтеории «искусства для искусства» и исходил из того, что литература и искусство обязательно должны быть общественно значимы, идейны, прогрессивны и активно воздействовать на жизнь.

Илья Чавчавадзе отстаивал принципы реалистической теории искусства. Утилитаризм, в определенной мере присущий реализму того времени, он понимал без той вульгаризации, которая была характерна для некоторых последователей реалистического метода. Сам этот метод и литературное течение, возникшее в грузинской литературе на базе этого метода, Илья Чавчавадзе возвел на еще более высокую ступень — ступень критического реализма 60-ых годов, который и предопределил новый взлет грузинской литературы.

Публицистика в творчестве Ильи Чавчавадзе занимает особое место. Не было ни одной сферы в материальной и духовной жизни Грузии, ни одного сколько-нибудь значительного явления или процесса в жизнедеятельности грузинского народа, на которые не откликнулся бы писатель, обладающий поразительным знанием действительности и еще более поразительным даром предвидения. Не меньше он был осведомлен о международных событиях и живо откликался на них, причем всегда рассматривал их сквозь призму интересов и нужд Грузии и России.

В своих публицистических статьях Илья Чавчавадзе пророчески утверждал, что «освобождение труда» — величайшая миссия человека, и хотя он не был ни последовательным марксистом, ни революционером в современном понимании этого слова, вся его жизнь и деятельность служили революционизированию масс, их пробуждению и единению. В своих публицистических произведениях Илья Чавчавадзе твердо придерживался интернационализма, был убежденным глашатаем дружбы и братства народов. Конечно же, публицистика Ильи Чавчавадзе не лишена противоречий и ошибок, но как справедливо говорится, следует удивляться не его ошибкам (каковые были следствием исторической ограниченности), а тому, что их у него было очень мало.

* * *

Мировоззрение Ильи Чавчавадзе складывалось в переходный момент истории, когда одна общественно-экономическая формация сменяла другую, когда после феодализма утверждал-

ся капитализм, когда сосуществовали и перекрещивались разные общественные и литературно-художественные течения. Освободительное движение, в котором участвовал Илья Чавчавадзе, включает в себя два этапа: демократический и пролетарский. Его деятельность в основном протекала в условиях демократического этапа, захватив отчасти и пролетарский, что, конечно, не могло не оказать на него влияния. Хотя Илья Чавчавадзе материалист и диалектик, некоторые стороны его мышления не свободны от идеалистических элементов. Многие его мировоззренческие принципы несут на себе печать просветительства, есть в них и народнические тенденции. Мировоззрение Ильи Чавчавадзе и сложно, и в какой-то мере противоречиво, однако это отнюдь не означает, что оно лишено цельности и определенности. Это своеобразная система взглядов, соответствующих целям, ради которых он жил и боролся — социальной справедливости, национальной независимости и благополучия родного народа.

Идейными источниками мировоззрения Ильи Чавчавадзе, так же, как и других грузинских «шестидесятников», являются принципы русских революционных демократов, западноевропейское просветительство и утопический социализм. Однако грузинские «шестидесятники» и в частности Илья Чавчавадзе черпали из этих источников не слепо и бездумно, а критически осваивали их. Илья Чавчавадзе не удовлетворялся и этим, хотя и своеобразно трансформированным, но заимствованием; он сделал еще один шаг вперед — положил начало грузинскому критическому реализму и грузинскому утопическому социализму.

Просветительство как своеобразная мировоззренческая форма довольно долго просуществовало в Грузии. Объясняется это тем, что у нас сравнительно поздно были ликвидированы пережитки феодального строя, поэтому задачи просветительства еще долго оставались актуальными. Известно, что просветительство имело два разветвления, два крыла: либерально-демократическое и революционно-демократическое. В мировоззрении Ильи Чавчавадзе главенствующим всегда было революционное просветительство, революционный демократизм.

Отмежевавшись от идеализма и метафизики, И. Чавчавадзе в основу своего революционно-демократического мышления положил материалистическое и диалектическое понимание действительности. Столь же решительно отмежевался он и от народничества, показав, что историю создает весь народ, а не какая-то его часть. Именно единство народа считал он главным

средством достижения свободы и установления справедливой социально-политической системы и именно потому всеми силами стремился к этому единству, к «мирному сотрудничеству» между классами и сословиями. Эта утопическая мечта развеялась в прах еще при жизни писателя. Но он все-таки успел создать программу национальной консолидации, которая довольно сильно воздействовала на грузинскую общественность и грузинскую литературу.

Известно и то, что Илья Чавчавадзе очень благосклонно и сочувственно отнесся к распространению марксизма в Грузии и с большим интересом знакомился с ним, хотя разделял не все его положения и взгляды.

Великий грузинский художник, мыслитель и общественный деятель Илья Чавчавадзе, возглавивший национально-освободительное движение грузинского народа, своим литературно-художественным творчеством и неутомимым организаторским трудом знаменовал новый этап в развитии общественной и художественной мысли Грузии, положил начало национально-демократическому мышлению и тем самым революционизированию грузинского народа. Он является ближайшим предтечей и глашатаем великих идей, осуществившихся всего через десяток лет и приведших к полнейшему преобразованию его любимой отчизны, служению которой он отдал всю свою жизнь.

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

О ЖУРНАЛЕ «САКАРТВЕЛОС МОАМБЕ»*

ЛЮБОЙ мало-мальски наблюдательный человек видит, что жизнь нынче не такая, какую была вчера, что она меняется, идет вперед и несет всему обновление. Порядок, обычаи, мысли, чувства, язык, выражающий их, — все меняется под ее могучим воздействием. То, что вчера еще представлялось непреложной истиной, что почиталось и признавалось необходимостью, сегодня, случается, кажется нам грубой ошибкою, так что мы даже диву даемся, как это можно было столь явный вздор принимать за незыблемую истину, неужели же человек был так глуп и слеп, что не мог отличить белое от черного. Происходит это, однако, не оттого, что мы стали умнее. «Нетрудно быть мудрым в чужих боях», — говорит Руставели. Будь мы столь самонадеянны и окажись в аналогичных условиях, мы, пожалуй, не избегли бы тех же самых ошибок, над которыми нынче снисходительно посмеиваемся. Только гениальный человек с его ясным умом и прозорливостью мог стать над своим временем и над своим обществом и в ослепляющем хаосе повседневности безошибочно разглядеть предмет таким, каков он в самом деле и каким ему должно быть. Руставели говорил: лишь мудрец не склоняется перед миром, остальные же — рабы его. Весь уклад того времени, мысли, суждения, течение самой жизни,

* «Вестник Грузии».

безусловно, затащили бы обыкновенного, как каждый из нас, человека в свой могучий водоворот и унесли бы за собой. несмотря на сопротивление. Волны жизни слишком сильны, а обыкновенный человек слишком слаб для того, чтобы противостоять им. И только гений способен преодолеть их натиск, для остальных — это непосильный труд. Прозорливость, власть над временем — удел и достояние только гения. В своем смелом движении вперед он лишь отряхивает пыль времени, скрывающую от нас, обыкновенных людей, суть и значение предметов, подобно вождю, идет впереди народа, освещая ему путь светом своего разума. Не надо, однако, думать, будто мы хотим сказать, что гении сходят к нам с неба. Гений — плод своего времени в такой же мере, как и остальные, только плод этот зрелый, наливной. На своих могучих плечах он выносит обычно всю тяжесть жизни, то, что составляет суть этой же жизни — ее настоящее и семена будущего. Ни один гений не говорит нам ничего нового, он лишь объясняет, что приносит течение жизни на свои берега, что выбрасывает на поверхность в неистовом кипении, поэтому порой он воплощает в себе признаки своего времени — хорошие ли, плохие — в большей степени, нежели тот, кто появляется на свет лишь для того, чтобы бесславно умереть.

Жизнь, как все молодое, растет, расцветает, приносит плоды и потом увядает, но не умирает, не исчезает бесследно. Из семени своего же плода она растит новую жизнь, которая должна идти по тому же пути, что и предшествующая, если она хочет бессмертия. У жизни, как и у природы, есть своя осень и своя весна. Живительно первое дыхание первого весеннего утра, когда небо и земля не нарадуются друг на друга. Еще более живительно первое дыхание новой жизни — новорожденного дитяти, которому бывшее должно радоваться так же, как кормящая мать — своему только что проснувшемуся младенцу. Сердце бьется как-то особенно, когда из-под нагретой солнцем земли пробивается первый зеленый росток, такое же испытываешь волнение, когда жизнь озаряет волшебный цветок новой мысли... Тем прекраснее этот цветок, что он увядает, то есть живет, и оказывается столь щедрым, что дает жизнь другому цветку, а тот, другой,

еще другому, образуя таким образом кривую исторических цветов, в которой каждый последующий еще прекраснее, если, конечно, превратности жизни не усложняют ему существования, не препятствуют его росту. Но и то утешительно — в каких бы условиях ни оказался цветок, если корень его крепок, сколько ни дави, ни топчи его, не сегодня—завтра он все же пробьется сквозь землю и выйдет на свет божий еще более прекрасным и сильным. Все может умереть, но мысль — никогда. Можно задержать время ее пробуждения, окончательно же погубить ее очень трудно. В этом бессмертии мысли заключена надежда на бессмертие человечества, потому что кривая мысли непрерывна: за одной следует другая — новая, здоровая, сильная. Вместе с тем у нее есть надежное постоянное хранилище — наука и искусство. Если к этой чудотворной надежде, которою провидение одарило человечество, прибавится бесконечное стремление человека к совершенству, то возникнет та сила, тот таинственный голос, который постоянно призывает человека: вперед! Вперед! Блажен народ, не утративший надежды на обновление, стремления к совершенству. Тот народ, та жизнь, что не развивается, что не знает своей весны и плодородной осени, старится, но плоды ее не дают прекрасных обновленных всходов, тот народ, та жизнь влачится к могиле и стирается, как пыль, с лица земли.

Что обновляет жизнь, что приходит ей на смену и — если основа ее здоровая — что движет вперед? Знание, наука — плоды самой жизни. «Древо жизни», — утверждает философ нашего времени, — и древо познания произрастают из одного корня, только цветут они в разное время. Когда на древе жизни увядают цветы, тогда на древе познания зреют плоды, и из семян этих плодов произрастают новые цветы на древе жизни».

В этом остроумном и, как нам кажется, правдивом сравнении прекрасно выражено отношение жизни к знанию и науке. Попытаемся облегчить читателю понимание этого.

Если жизнь, как мы уже сказали, в своей основе здоровая, если в ней живет стремление к совершенству и чудотворная надежда на обновление, возрождаю-

щая и самого немощного, то силы ее—в вечном движении. Они действуют неутомимо, без усталости, и как все живое на этом свете, дают жизнь себе подобному. И если что-либо препятствует извне, мешает движению, они и тогда не сдаются — уходят под землю и там, во мраке ее недр, продолжают свое дело до той поры, пока не рассеются тучи, а потом выходят на свет божий и еще шире расправляют свои крылья. Каждый взмах, каждое деяние дает свои плоды, а каждый из этих плодов имеет свой смысл и свое значение, потому что корни их — в жизни, жизнь же ничего не созидает без смысла. С каждым днем — все больше плодов, с каждым днем древо жизни украшается все новыми и новыми цветами. Собранные воедино, эти плоды и эти цветы есть суть жизни, ее урожай. Чаще всего человек не постигает значения и смысла этой сути, порой туманно догадывается о ней. Чувствует ее, но обычно то, что он чувствует, не понимает, а потому не отличает от прочих ощущений.

Наука же и искусство, неуспешно наблюдающие жизнь, чтобы постичь малейшее ее изменение, чтобы не выпустить из рук ни одного ее цветка — надо же доискаться, для чего они и что они такое — наука и искусство разными путями берутся объяснить суть жизни. Лучшие из их приверженцев, передовая часть общества, тотчас же сознают, что время меняется, тотчас же ощущают дыхание новой весны, обновления, — старая жизнь достигла своего предела, созрело все, что было посеяно и принесло плоды, пришла пора выбрать новые семена этих плодов, чтобы дать начало новой жизни, с благодарностью проводить прошлое и с радостью устремиться навстречу грядущему, дать дорогу новому. Хотя этот передовой отряд общества, чаще всего, не щадя своих сил, старается выполнить веление времени, собрать урожай, с помощью науки и искусства исследовать каждое его зернышко, определить соответствующее ему место, чтобы со временем оно дало бы новый плод, а этот плод — новое семя для новой жизни, — хотя, повторяю, эти люди чаще всего работают не покладая рук, борются со старым из любви к новому, радуются фактам, из которых извлекают новые мысли, но еще чаще, случается, они не справляются с обилием урожая. Наука и искусство

зачастую оказываются бессильными пред лицом щедрого урожая жизни. Впрочем кое-что они объясняют, кое-что растолковывают, но очень многое оценить по достоинству не могут. Тогда эти самоотверженные труженики оказываются в роли работников, подготовивших определенный материал для возведения нового здания; не имея руководства, сильной руки, они не смогли сдвинуть с места первый камень старого здания и укрепить первый же камень нового фундамента. Заложить фундамент — вот что трудно, а возводить — и они бы с этим справились. Человек, умеющий класть фундамент, обычно не заставляет себя ждать. Тогда-то и появляется гений.

Не надо понимать это так, будто гений рождается именно в тот миг. Возможно, он был рожден до этого, скорее даже — наверняка был рожден, ибо жизнь должна была вскормить его своей грудью, испытать, подготовить к тому, чтобы он смог объяснить суть ее. И если он до сих пор не заявлял о себе, то только потому, что не видел сообразного своему могучему духу дела; а лишь только оно появилось, он расправил мощные крылья и зажегся им, как солнце, осветив все вокруг себя. Его многообъемлющий ум позволяет ему охватить все, что было создано жизнью. Он собирает это воедино, пронизательным оком проникает в самую суть предмета и на каждый жизненный вопрос дает подобающий ответ, оценивает истинное значение каждого факта, каждому направлению определяет надлежащее ему русло, — словом, объясняет, растолковывает то, что было среди нас, но чему мы не могли дать объяснения. Так он разрушает старый фундамент и, заложив новый, предоставляет доделывать дело младшим работникам.

Наука и искусство — эти удивительные сокровищницы человеческого разума — законные детища гения. Лучшие их представители продолжают обычно дело, начатое гением, основываясь в своих дальнейших исследованиях, в своей деятельности т.о. развитию сознания на его новых идеях, его толковании мира. Потом уже явления, порожденные жизнью, разъясненные гением и систематизированные учеными, в виде закона и учебника будущего становятся достоянием народа. И чем более понятны они народу, тем легче

одолевают они старые понятия, вытесняя их из жизни и занимая их место. Отторгнутое жизнью вновь возвращается к ней. Всплох жизни благодаря животворности науки приносят добрые плоды, которые жизнь же и пожинает с тем, чтобы использовать их для дальнейших своих достижений. Разумеется, пока это произойдет, и народ, если не полностью, то хотя бы в большинстве своем воспримет обновление, проходит немало времени. А жизнь, обновленная новыми мыслями, продолжается, цветет, созревают новые плоды и вновь увядают, как мы уже отмечали выше. Жизнь обычно не ждет людей — «пусть они сперва возьмут и используют то, что приготовила им я не так давно и что наука и искусство постигли с помощью гения и возвели в закон». Нет, ничего подобного быть не может, жизнь неуклонно идет вперед, по пути своих завоеваний и развития, так что пока народ от мала до велика соберет ее прежний урожай, она успева-ет вырастить для него новый, поднять новые проблемы и поставить вопрос о необходимости их обработки и систематизации. И вновь придет пора обновления, вновь наука и искусство объяснят требования жизни, растолкуют «новое», и оно войдет в жизнь, неся с собой перемены. Таким образом, мы показали, что жизнь — это корень, а наука и искусство — побеги, тянущиеся из него. Приходит время, и побег, пробившийся сквозь землю, покрывается плодами, а когда они созревают, семя их вновь возвращается в землю, и образуется новый корень, который дает новые побеги. Так и побеги жизни — наука и искусство — приносят свои плоды и, когда они созревают, возвращают их жизни для зарождения новой. Таково отношение разума к жизни и, в свою очередь, жизни к разуму. И действительно: только то, что познано, обосновано, становится достоянием народа и передается другим поколениям. И лишь то, что передается другим поколениям, изменяет жизнь народа, его положение. Познанное и обоснованное, — то есть, как мы отметили, наука и искусство, — служат одному и тому же: движению мысли, выражают одно и то же: мысли народа, и если чем-то и отличаются друг от друга, то лишь тем, что по-разному действуют и по-разному выражают свои идеи. Всем, однако, известно, что нау-

ка и искусство, эти величайшие сокровищницы, пополняемые гениями человечества, — доступны далеко не каждому. К ним причастны лишь избранные, которые везде составляют меньшинство, только у них есть ключи к этим сокровищницам, только они пользуются, владеют ими, в то время как свет просвещения, таящийся в них, необходим всем, как хлеб насущный. Народ, у которого все обстоит именно так, в большинстве своем живет в потемках. Необходимо, чтобы он пользовался плодами науки и искусства, но они не доступны ему, и не потому, что он беспомощный или недостойный, а по тысяче иных различных причин, которых мы тут не будем касаться.

Правда, в любой мало-мальски просвещенной стране имеются средства, с помощью которых плоды науки и искусства несут в народ. Есть разные училища, школы, распространяющие в народе и, стало быть, в жизни, нужные и полезные знания и тем самым помогающие народу. Но они доступны столь немногим, что, по сравнению с остальной массой народа, остающейся за стенами просветительских учреждений, это — капля в море. Многие тянутся к знаниям, хотят стать образованными, умными людьми, но кто по недостатку средств, кто по дальности расстояния, отделяющего их от культурных центров, кто за отсутствием времени или из-за иных причин, лишены этой возможности. Помимо школ, училищ, необходимы такие меры и средства, которые обладали бы общедоступностью, могли бы донести до каждого жемчужины человеческого разума, чтобы тем, чем владеет меньшинство, могли пользоваться все. Эти меры и средства должны преследовать цель — держать связь если не со всем народом, то хотя бы с его большинством, быть посредниками между наукой, с одной стороны, и народом и жизнью, с другой. Эту нелегкую миссию повсюду выполняет литература.

Не так давно, почти в конце первой половины нашего века было замечено, что и сама литература как-то не спеша распространяет знания среди народа, хотя она с каждым днем и становится богаче, пополняется новыми идеями и мыслями, однако же они проникают в жизнь не столь быстро, как это требуется. Главнейшая причина заключается в том, что литературный язык

настолько отделился от народного, что народу трудно понять, что он читает. А выше мы отмечали, непонятное народу не приживается на его земле. Как только стало ясно, что воздействие литературы, благодаря печати, хотя и эффективно, но народу тем не менее трудно понимать ее, тут же возникала необходимость в такого рода литературе, которая бы как своим языком, так и способом выражения мысли облегчила упомянутое выше посредничество между знаниями и жизнью. Такая литература называется популярной или легкой, поскольку ее назначение лишь в том, чтобы облегчить собирание плодов науки и искусства для всего народа, упростить сложные понятия для всеобщего понимания и тем самым способствовать проникновению учения и знания в народ. Такого рода литература печатается в журналах, особенно в тех, что зовутся общественными журналами. Вот какую задачу ставим мы перед «Сакартвелос моамбе».

Что журнал нужен, об этом нет надобности распространяться. Журналы, как все, так и наш, не суть плод желания одного человека: захотел написать что-то и издал. Нет, такой журнал не может быть долговечным. Мы уже отметили, всякая потребность исходит от жизни. К ней не привьешь того, что ей не требуется. Только то дело, корни которого заложены в самой жизни, надежно и прочно. Без корней оно не приносит плодов, как семя без почвы. Когда жизнь действует, и это приносит определенный результат — урожай — непонятный, однако, народу и остающийся без применения; когда в народе остро ощущается желание понять его, осмыслить; когда народ тянется к знаниям, но они не доступны ему, тогда на помощь ему, кроме всего остального, приходит журнал.

Разумеется, насколько жизнь — основа всякого дела — сильна и могуча, настолько щедр и велик ее урожай. Если он слишком обилен и может оказаться не под силу одному журналу, то появляются и другие. Эти журналы по-разному подходят к жизненному материалу, по-разному рассматривают его, по-разному понимают и тем самым отличаются друг от друга. Поэтому большое количество журналов не только не огорчительно, но и благодетельно для того, кто бескорыстно любит свой народ и печется о его счастье. Боль-

шое количество журналов свидетельствует о том, что народ мыслит и для выражения различных мыслей ему нужны разные журналы.

Бедный наш «Моамбе» не успел и родиться, как его уже встретили в штывки. Что и говорить, тот, кто сам с головы до ног вывалян в грязи, не может, коснувшись другого, не запачкать его. Даже старший брат «Моамбе» — «Цискари», который, казалось бы, более всех должен был радоваться рождению собрата, помощника, стал запугивать «Моамбе» тем, что у него не будет читателя. Мы, естественно, и ухом не повели бы на это безрассудное, неприятное пророчество, если бы трусливый «Цискари» несколько раз публично не высказывал бы своих внутренних опасений и постыдных мыслей.

Что бы ни твердил потерявший от страха разум «Цискари», мы в ответ скажем, что в данном случае он походит на корыстолюбивого брата, который опасается, что за рождением младшего брата последует раздел имущества. Напрасно тревожится «Цискари», у нас и в мыслях нет что-либо делить с кем-то или враждовать. Наше дело — жизнь нашего народа. Улучшить ее — наше первое и последнее желание. Мы не собираемся менять жизнь на свой лад — храни нас бог от подобного нахальства. Мы не настолько глупы, чтобы думать, что сможем диктовать жизни свои условия. Жизнь обычно сама утверждает свой порядок, сама устанавливает себе закон — нужно только понять его, довести до сведения каждого и по возможности устранять препятствия на его пути. Поэтому основной задачей нашего «Моамбе» будет отражение текущей жизни во всей ее полноте. Сможет ли наш журнал выполнить ее — покажут время и наши возможности. Все проверяется делом. Мы пока ничего не можем сказать, кроме того, что хотим проникнуть в гущу сегодняшней жизни, откликаться на ее глухие призывы, постичь ее суть, законы развития. Это отнюдь не значит, что журнал непременно ограничится кругом сегодняшних проблем. нет, как и всякий умный журнал, он будет обращаться к будущему. Настоящее, рожденное прошлым, дает жизнь будущему — утверждает философ. Вот каково значение нынешней жизни для нашего журнала, ибо она содержит не

только сегодняшний урожай, который надо собрать немедленно, в ней зреют и семена будущего, как в прошлом зрели семена настоящего. Именно они и интересны нашему журналу, их мы и хотим собрать для завтрашнего дня. Чем глубже мы заглянем в сегодняшнюю жизнь, тем, нам кажется, будет лучше и долговечнее наш журнал.

Исходя из этого, журнал должен зорко следить за текущею жизнью, если он хочет добросовестно выполнить свое трудное дело. Он должен способствовать развитию мысли, все замечать и на все находить ответ, делать все возможное для улучшения жизни. И в этом нелегком своем деле руководствоваться достижениями науки и искусства. Выше мы отметили, что все познается именно с помощью науки и искусства, и лишь познанное способно изменить и улучшить жизнь. На науку и искусство мы смотрим как на средства усовершенствования жизни. Пусть иные книжники, воображающие себя учеными, маются в поисках правильного написания иероглифа на той или иной египетской пирамиде, упражняют свой ум в погоне за ускользающей истиной; пусть какой-нибудь беспомощный виршеплет, воображающий себя поэтом, отвращается от жизни народа и, уставясь подслеповатыми глазками в седьмое небо, глупо разливается соловьем. У нас нет ничего общего с ним. Они идут по проторенной дороге в одну сторону, мы же — в противоположную. От науки и от искусства мы ждем хлеба насущного, испеченного жизнью, способного утолить наш голод. Наука должна помочь нам объяснить и понять жизнь, дать прямой ответ на каждый требуемый вопрос. А все то, что прямо отвечает смыслу жизни, пригодно для нее, — более всего необходимо нашему журналу. Отвлеченные споры не имеют для нас никакого значения, пользы из них не извлечь. Оставим их тем, кто получает наслаждение в упражнениях праздного ума. И от искусства потребуем зеркального отражения жизни. Из-под его волшебного пера мы должны выйти такими, какие есть, со всеми нашими плохими и хорошими сторонами. Пора искусству перестать «витать в облаках», заниматься «блуждающими в небе страдающими помытухою звездами», молить луну передать любимой, что за девятью горами по ней тоскует и про-

ливаает горячие слезы несчастный поэт. Пришло время искусству прекратить безвкусное гримасничанье и выдавливание слез; пришло время проникнуть в истоки реки жизни и в них черпать свои мысли. Там, в недрах жизни, оно найдет множество жемчужин и еще больше грязи. Оно не должно бояться изображать ни то, ни другое; ни то, ни другое не должно устрашать и наш журнал. И грузину нечего оскорбляться, если наш «Моамбе», наряду с остальными, с помощью искусства безжалостно выставит на всеобщее обозрение грязь нашей жизни. Не надо обвинять нас в не любви к соотечественнику, если мы во всеуслышание заявим, что в нем худо и отвратительно. Если в Грузии найдется несколько человек, искренне любящих своих соотечественников, то мы в их числе будем не последние. Должны, однако, признаться, что в грузине мы любим лишь доброе начало, зло везде отвратительно — будь его носителем грузин или англичанин, нам безразлично — обоих следует выбросить за борт. Много среди нас таких, кто пытается утаить зло нашей жизни из слепой любви к грузину, забывая о бытующей в нашем народе поговорке: друга брани в лицо, недруга — за глаза. Они, эти невежественные наши ближние, предают проклятиям и гонениям тех, кто не может долее оставаться в отвратительном болоте, пытается вырваться из него, хотя бы для того, чтобы предостеречь других: обойдите болото, не то задохнетесь в его зловонных испарениях. К счастью, есть среди нас и такие, кто не хуже нас знает: тот, кто отмечает пороки ближнего, возможно, руководствуется желанием исправить их. И чем беспощаднее обнажает он зло и несовершенство жизни, тем порой нестерпимее его жажда изменить ее к лучшему, тем горячее жар его сердца. Кто ненавидит зло, тот всей душой любит добро, — это неоспоримо. Не зря ведь написано это стихотворение:

Обо мне твердят: «Он о грузине говорит худое,
Нашу грязь не скрывает, — это ведь явная ненависть!»
Глупцы говорят это, а доброе сердце сразу же чувствует,
Сколько в этой ненависти любви!

¹ Из стихотворения И. Чавчавадзе. Подстрочный перевод.

Только бы искусство не изменило собственным своим законам, а наука — истине, пусть они не стыдятся разоблачать, порицать то, что в нас есть дурного и достойного порицания. Пусть они окунутся в реку жизни, ищут в ней жемчужины, и ежели вместе с ними вынесут на поверхность ил и грязь — ничего не поделаешь! Ил удалим, грязь смоем, и останутся у нас одни жемчужины во славу нашей жизни.

Да простит нам читатель, что науку и искусство — величайшие эти явления — мы упомянули лишь вскользь, походя. Нас интересовало не выявление их сущности во всей полноте, к чему наш «Моамбе» не раз вернется в дальнейшем, а их назначение, то есть то, что они, на наш взгляд, суть средство и способ, с помощью которых можно вывести жизнь из потемок к ясному свету. Жизнь, искусство и науку, составляющие предмет всякого журнала, мы упомянули постольку, поскольку они помогают очертить путь, по которому пойдет наш «Моамбе». Возможно, наша статья покажется читателю насыщенной метафорами, за что еще раз приносим свои извинения. Мы лишь преследовали цель как можно ясней выразить свою мысль и прибегли ко всем средствам для достижения этого. Если нам это удалось, значит труд наш не напрасен.

Нелишним будет коротко повторить то, о чем мы говорили выше. Мы хотели показать читателю, что жизнь своенравна, она не может течь по намеченному человеком руслу; хоть она и старится, но опыт своего старения она использует для самообновления и последующего расцвета; наука и искусство — не плод выдумки человека для праздных упражнений его ума — они рождены самой жизнью и существуют для жизни; уровень науки и искусства определяется уровнем жизни, который впоследствии, в свою очередь, становится зависим от первого; все познание и обоснованное наукой и искусством является достоянием народа, изменяет его жизнь. Основная задача нашего «Моамбе» — облегчить понимание этих непреложных истин. Чем серьезнее будет его отношение к этому трудному делу, чем более чутко будет прислушиваться он к биению пульса жизни и замечать малейшие его изменения, чем лучше разберется в накопленном жизнью материале и каждую ее проблему сумеет вы-

светить для всех с помощью творческого воображения и света просвещения, тем более уважаем он будет в обществе и необходим для нашей жизни. Наш «Моамбе» определил и избрал себе путь. Будущее покажет, как он справится с поставленными задачами. Дай бог ему много сотрудников, которые во имя любви к своей стране и народу братски поддерживали бы друг друга и не забывали, что все соотечественники наши — высокого ли, низкого происхождения — наши ближние, и, по возможности, каждый должен стараться помочь журналу...

И ежели все мы в самом деле собратья, вспомним, как учил нас Руставели относиться к другу и ближнему своему: ведь в нүжде бывает нужен человеку друг и брат.

1862 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

(МАЙ 1881 ГОДА)

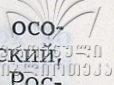
В России повеяло свежим ветром, когда на трон взошел блаженной памяти император Александр II. Слепая и глухонемая до тех пор, она прозрела и заговорила. Разумеется, это произошло не вдруг и не по воле одного человека: это принесла с собой жизнь, которая никогда не стоит на месте. Новое время заявило о себе тем, что, познав себя в той или иной мере, стало отвечать своим же требованиям.

Вновь прозревшая Россия, разумеется, поначалу обратила взгляд вовнутрь, взгляделась в себя и увидела: иные жизненно важные ее органы находятся в стадии разложения. Она принялась выяснять причины этого и пришла к заключению, что корень беды кроется в общественном строе, раз и навсегда установленном и никогда не обновлявшемся. Тогда она отринула этот строй, отринула все, что поддерживало его. Это отрицание началось в той части общества, которая жи-

вет умственным трудом. Она — зачинщик всех прогрессивных начинаний, надежда и упование каждой нации. Вот и теперь всю свою энергию эти люди направили на порицание и осуждение старого, на проповедь нарождавшегося нового. Лучшие представители — в области поэзии, публицистики, науки — стали неумолимыми последователями этого благородного дела. Благодаря им нигилизм овладел умами России и превратился в определенную общественную силу. Предводителем нового направления явился славный «Современник».

Известно, что старое без борьбы и сопротивления никогда не уступает место новому, так и тут. Во-первых, у старого, отжившего, всегда находятся сторонники, прекрасно использующие его в своих целях. Во-вторых, измученные жизнью люди настолько сжимаются со своими привычными горестями и бедами, что предпочитают их новой неизведанной радости. И третье, главное, заключается в том, что все старое уже так упрочилось в человеческой жизни, что вольно или невольно признается большинством как незыблемое, вечное. Поэтому у старого, установившегося порядка никогда не переведутся сторонники. Да и само новое, призванное занять место старого, не бывает от рождения настолько зрелым, что только клади в рот и ешь. Одинаково трудно разглядеть и плесень на старом и набухшую почку нового, для этого нужен трезвый прозорливый ум.

Таким образом, Россия разделилась на два огромных лагеря: с одной стороны — сторонники существующего, старого, с другой — предводители нового, отрицающие старое. Первый лагерь стал называться «лагерем отцов», второй — «лагерем детей». Эти понятия родились в России и не отражают предмета спора между консерваторами и либералами в Европе. «Отцы и дети» — только внешняя сторона вопроса. Она в какой-то степени дезориентировала многих и в России и у нас. Старость одних и юность других послужили достаточным основанием для многих глупцов, чтобы разместить их по разным лагерям, независимо от разделяемых взглядов. Может показаться, что лагерь «отцов», с одной стороны, и лагерь «детей», с другой, соответствуют консерваторам и либералам в

Европе. Но это не так. Если русский либерализм, особенно последнего времени, напоминает европейский то о русских консерваторах этого не скажешь. В России на сегодняшний день не существует подлинного консерватизма. В любом культурном обществе существуют две системы взглядов на жизнь, определяющие его развитие. Одна из систем — действующая, ее определила жизнь, вторая же — та, которую требует действительность, остро нуждающаяся в ней. Противоборство этих двух систем постоянно. Когда умами большинства членов общества овладевает та система взглядов, которую требует действительность, она становится главенствующей, вытесняет первую и занимает ее место. Разумеется, пока идет эта борьба, жизнь развивается своим порядком и выставляет уже новые требования. Поэтому возникает новый строй мыслей, противопоставляющий себя победившему и выступающему в роли действующего. Так и течет жизнь, и течение это бесконечно. История человечества есть не что иное, как смена взглядов на жизнь.

Сторонники первой системы в Европе зовутся консерваторами, второй — либералами. Первые являются защитниками, охранителями уже утвердившегося порядка, вторые — инициаторами, приверженцами нового. Но несмотря на это, первые признают далеко не все старое, и далеко не все новое желают внедрить вторые. Ревностные консерваторы и жизни не пожалеют за некоторые новшества, а рьяные либералы ни за что не поступятся тем, что им нравится в старом порядке. Освобождение Ирландии от Англии — дело новое, но ирландский консерватор может и голову положить за это дело. Так называемая «Великая хартия» Англии очень стара, но истинный английский либерал не откажется ни от одной ее буквы.

Подлинный консерватизм охраняет и защищает то, что, по его искреннему убеждению, еще может пригодиться, что необходимо для жизни. Если порой он и грешит против себя, то только тем, что защищает устаревшее, но безвредное, не уступающее, однако, место новому. Он стоит на своем, пока не убедится, что новое принесет только добро. Так же и истинный либерал, он отвергает только то, что изжило себя, что мешает обществу идти вперед. Вместо этого старого

он хочет утвердить новое, ибо оно будет способствовать улучшению жизни. Где есть обвинитель, должен быть и защитник. Только в этом случае может восторжествовать истина — человечеству известен лишь этот единственный путь к истине.

Возле консерваторов и либералов, справа и слева, толкалась масса людей с различными мнениями и суждениями, и если мы упомянули только о двух системах взглядов на жизнь, то только потому, что они отражают тенденции общего развития общественной мысли.

В России мы наблюдаем совершенно иное. Тут «отцы» рьяно защищают все старое, не разбирая, что хорошо, а что плохо, и охаивают, преследуют все новое. Они упрямо стоят на своем, не уступая позиций. Примером тому могут служить «Русский вестник» и «Московские ведомости» — оплот «отцов», знаменосцы борьбы за старое. Еще вчера «Московские ведомости» вещали: зачем судить виновных, их надо просто вешать, насмехаясь тем самым над нынешним сводом законов, за утверждение которого покойный император только с благодарностью может быть помянут в истории. Ни один европейский консерватор не унился бы до подобного, не был бы столь бесцеремонен по отношению к такому нововведению, каким является новый правопорядок.

Упрямото «отцов» ожесточило «детей», разожгло, обострило борьбу между ними и довело последних до того, что они стали отрицать не только то, что заслуживало отрицания, но и то, что было дорого любому истинному либералу российскому. Таким образом лагерь «детей» занялся только отрицанием, оставив в стороне введение нового. Последним борцом этого почти все отрицавшего движения был весьма яркий и талантливый писатель Писарев. Неумеренный нигилизм его привел его к отрицанию творчества Пушкина, Шекспира, которому нигилисты предпочитали хорошую сигару. Этот располагающий к себе, красноречивый молодой писатель увлек и слепо подчинил себе большинство молодежи. Влияния Писарева не избежало и наше молодое поколение.

Это увлечение, разумеется, нельзя объяснить только личными достоинствами Писарева. Тут сыграли

роль смелость и отвага, присущие нигилизму вообще, которые и увлекли юные сердца. Ничто так не импонирует молодости, как смелость и отвага. Неудивительно поэтому, что эти замечательные черты привлекли к нигилизму молодежь, которая не всегда понимает — не все золото, что блестит. Малое дитя ведь безотчетно тянется к пламени свечи. Мы имеем в виду ту часть молодежи, которая еще не доросла до понимания сути этого движения. Мы не хотим сказать, что нигилизм не принес ничего хорошего. Он заставил умолкнуть поэзию, бессмысленную, как пение соловья, уничтожил слепое поклонение авторитетам, признал предметом истории жизнь нации, а не великосветских бездельников, увидел человека в рабе и освободил его.

Мы говорим о том, что многое в этом движении, по милости Писарева, вспыхнуло и с треском, как солома, сторело, а наша незрелая молодежь, как мотылек на огонь, слеталась на этот пожар. Другая же часть молодежи, более опытная и зрелая, отвергнув пустую трескотню, усвоила то хорошее, что было в этом движении.

Так или иначе писаревский нигилизм был в большой моде у слепцов. Тот, кто хотел перенять эту моду, должен был заучить несколько фраз, таких, как например: поэзия и искусство вообще — не занятие для умного человека, всему творчеству Шекспира предпочтительнее пара сапог; непризнание авторитетов; история — это сказка; только крестьян можно считать людьми, дворян же — нет. Заучив эти фразы, можно было считать себя либералом. Вот в такого рода либерализме погрязло большинство нашей молодежи. Приглядитесь к нашим доморощенным либералам, понаблюдайте за ними и убедитесь, что они к месту и не к месту твердят эти заученные фразы, в разной последовательности и разных вариантах, выставляя себя на всеобщее посмешище.

До поры, пока во главе движения, которое потом стало называться лагерем «детей», стоял славный «Современник», отрицание старого и введение нового направлялось зрелым умом и наукой. Когда Тургенев создал образ отрицавшего все и вся Базарова, «Современник» не признал его своим, посчитал это унижением для себя, хотя истинно либеральное движе-

ние, нигилизм возглавлялись именно им. Писарев же с восторгом принял Базарова. Почему это произошло? Да потому, что к отрицанию «Современник» подходил разборчиво: отвергал плохое, оставляя за положительным право на жизнь. Другое дело — Писарев и Базаров, отрицавшие все без разбору. Таким образом, Писарев пошел не дальше либералов, а свернул куда-то в сторону. Его учение потерпело поражение. Устарело и проповедуемое им новое, но до наших либералов, к сожалению, это еще не дошло.

Сегодня Россия ушла далеко вперед, хотя российский консерватизм — не чета консерватизму европейскому, он постепенно превратился в ретроградство. А либерализм уцелел и, обогатившись, стал на свой истинный путь. В лучшую сторону изменился и взгляд русских либералов на искусство, поэзию, на крестьян и на господ, даже на авторитеты. Суждения обо всем этом стали шире, обрели научную основу.

Хотя наша молодежь слепо последовала за борьбой «отцов и детей» в России, перенеся ее на грузинскую почву, к чести ее надо отметить, что часть ее скоро осознала свои ошибки, вышла из этого движения, выделившись в особую группу. С тех пор наша молодежь разделена на два лагеря: в первом оказались те, кто кроме вышеупомянутых четырех фраз ничего не вынес из русского нигилизма, во втором же — сторонники новой группы. Приглядевшись к действительности, эта группа поняла, что у нашей страны иные проблемы, что нам грозит иная опасность. Они убедились, что наш сегодняшний день предъявляет совсем другие требования, другие запросы, и поэтому наши либералы должны направить все свои силы на достижение совершенно иных целей, и если уж нам не суждено избежать борьбы между «отцами» и «детьми», то предметом ее должно стать это нечто другое. А заключается оно в возрождении нашего национального духа, в ограждении его от всяческих возможных опасностей. Что опасности возможны и мы сегодня не гарантированы от них, яснее ясного каждому.

Все свои силы новая группа направила на это дело. Она подчинила себе всю нашу бедную литературу. «Сакартвелос моамбе», «Мнатоби», «Дрозба», «Иверия» забили тревогу, привлекая к этому вопросу об-

пественное внимание. Лучшие представители поэзии слагали на эту тему стихи. Правда, для возрождения нашего национального духа эта группа сделала не очень много, поскольку она отставала в науках и знании. необходимых для изучения данной проблемы, но довольно уже и того, что она встала на этот путь, привлекла к нему внимание общественности. Довольно и того, что она может заставить скептически настроенных наших деятелей пересмотреть свой взгляд на этот вопрос, убедить всем миром заняться его решением. То, что не смогла сделать новая группа, доделают другие, только бы это движение обрело силу, пустило корни, было бы действительно, пока того требует необходимость.

Всякий истинный либерал, болеющий за свой народ, должен быть последователем этого движения. Не надо думать, что этот вопрос в силу своей давности устарел, и, поскольку он устарел, либералу унизительно и оскорбительно им заниматься. Пусть так думают те, кто заучил «необходимые» для «либерала» пресловутые четыре фразы, мы же считаем, что новое движение будет новым до тех пор, пока наш национальный дух не окажет должного воздействия на нашу жизнь, не станет основой ее основ. У истинного грузина нет сейчас более важного и тяжелого дела. Все, кто способен на что-либо, должны по-братски действовать в этом направлении, должны предпочесть это дело остальным. Школа, банк, театр—все должно служить ему. Назначая человека на какую-либо должность — директором банка ли, учителем, или еще кем-нибудь, — мы должны в первую очередь исходить из его отношения к данному вопросу. Вот задача истинного либерала в нашей стране. Те же, кто прикидывается глухим, не хочет слышать о наших проблемах, суть ретрограды. Можете называть их «отцами» или «детьми», это не имеет значения, важно, что это не наши люди.

Славяне свою национальную самобытность отстаивали в борьбе с многочисленными врагами. Самоотверженных героев, не пожалевших и жизни для этого святого дела, они почитают и молятся на них, как на святых. Либерализм лучших представителей славян в том и состоит, что они заняты только этим делом, жи-

вут им, жертвуют ради него жизнью. И разумеется, они не бросят его, пока не достигнут своего.

С целью возрождения национального духа они воскресили свое прошлое, взвешивая золотниками, измеряя вершками все и вся, чем только могли гордиться, все, что определяло их самобытность. В поэзии они вернули к жизни великолепнейшие образы героев старины, воспели их самоотверженность во имя родины, отвагу, мужество. Они напомнили народу забытое прошлое, восстановили, очистили и развили родной язык, в силу исторических обстоятельств поруганный и оскверненный. Таким образом они возродили почти обреченную на вымирание нацию. Народ узнал о своем происхождении, узнал, кем он был, кем стал, какие надежды у него на будущее. Это придало ему сил, окрылило его. Между прочим, примером тому могут служить и чехи.

Вот вам предмет, вот вам и путь к его постижению. Вот к чему должна готовиться наша молодежь, вооруженная, словно щитом и мечом, знаниями и опытом всей европейской истории, вот круг ее действий. Но для этого недостаточно заучить и щеголять ходячими фразами, услышанными в парижских кабаках, молодежь должна усердно и настойчиво овладевать знаниями, как можно основательнее изучить европейскую науку, постичь европейский опыт и во всеоружии приступить к делам нашей страны. Без этого на том поприще, о котором говорилось выше, не ступить и шагу, который мог бы принести пользу обществу.

На наш взгляд, для нашей молодежи, на которую мы возлагаем все надежды, нет ничего достойнее этого предмета и этого пути, уже испытанного другими. Мы должны постоянно помнить об этом, пока царят такие времена. «Не до жиру, быть бы живу», — говорил один патриот-славянин. Истинный грузин, болеющий за свою страну, как завет должен помнить эти слова, не прельщаясь никакими заботами. Мерилом для каждого из нас — будь то литератор или общественный деятель — должен быть наш вклад в это святое для нас дело. Все другие оценки лживы и всякий другой путь бесполезен: он будет подражанием другим, а не нашей насущной потребностью.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

04935940
2023000033

В ОТ и настал первый день двадцатого века. О новом веке не скажешь пока еще ничего, кроме того, что, вступив в свои права, он благословил нас. Прошлый век, уступивший сегодня путь нынешнему, дал миру многое. Чудес, которые в минувшем веке свершила наука, славы и величия, которых достигли люди просвещенных стран, не видели все предшествующие восемнадцать веков. Разумеется, когда бы не деятельность предшествовавших веков, и девятнадцатый не был бы столь плодотворным, потому что предшествовавшие века сеяли, слава же и величие девятнадцатого в том, что он снял урожай, щедрый настолько, что удивил бы наших предков.

Бэкон, английский философ, говорил, что прогресс человечества не что иное, как последовательное — день ото дня — преодоление граней непостижимого. Если взглянуть на вклад девятнадцатого века с этой точки зрения, он и впрямь поразителен. То, что нашим отцам казалось недостижимым, стало возможным сегодня. Расстояния между странами почти уничтожены железными дорогами, телеграфом и телефоном. Врачебное искусство достигло того, что в строе человека не осталось ничего не разгаданного и тайного, ничего, что нельзя было бы вылечить, исцелить. Сейчас внутренности живого человека просматриваются так, словно это обычный предмет. От многих недугов, уничтожавших людей, найдено лекарство, и есть надежда, что вот-вот откроют эликсир жизни, который столь настойчиво искал и продолжает искать всепобеждающий человеческий разум. Наука уже нащупывает средства и способы омоложения, и кто знает, быть может, мы скоро станем свидетелями того, что и на этом пути она докажет свое могущество. Человек стал умнее, нравственнее, богаче духом, резко повысился и уровень жизни, нравственное, духовное и имущественное богатство достигло высот, каких не знали предшествовавшие века. Сильнее стало доброе начало в человечестве, раздоров, нападений, нашествий друг на друга народов стало гораздо мень-

ше. К примеру, нынешняя война между Англией и Трансильванией показала нам яркий пример отрицательного отношения человечества к покорению сильным слабого, недовольство несправедливыми действиями.

Кто сочтет все блага, принесенные человечеству девятнадцатым веком! Одно из значительнейших и славнейших дел его, между прочим, то, что он дал прочную основу и открыл путь человеколюбивому учению, по которому всякий человек, на какой бы ступени сословной лестницы он ни стоял, является человеком и как человек — равен всем и наравне со всеми заслуживает утешения и сострадания. Правда, истоки сего учения идут из давних времен, но минувший век это учение углубил, усилил, расширил и, подведя под него научное обоснование, обратил в опору бедных и неимущих.

Девятнадцатый век идеалом социального строя провозгласил «уничтожение собственности и неравномерного распределения благ между людьми, уничтожение всякого классового господства и, по мере возможности, классовых различий, поддержку классов трудящихся». На этом поприще все, предшествовавшие девятнадцатому, века, вместе взятые, не сделали столько, сколько сделал он во славу себе.

Словом, во всем, что окружает нас, мы замечаем успехи и движение вперед. Правда, как писал Шекспир, в мире еще много такого, что и не снилось нынешним ученым, но то, что уже сделано по сей день, свидетельствует о мощи человеческого разума, и в этом смысле неисчислимо много заслуг у века старого, благословившего вчера путь нового века, побуждая его использовать и свои силы в этом именно направлении.

Еще раз скажем — много добра принес минувший век человечеству, но вот в чем вопрос — стал ли нынче человек от этого счастливее? Не думаем. Правда, сегодня человек — беден он или богат — лучше устроен, ему легче ездить, поддерживать контакты, взаимосвязь с окружающим. Сегодня человек лучше одет и обут, лучше ест, но до счастья ему еще далеко. Сегодня между бедным и богатым, сильным и слабым граница резче, чем была когда-либо раньше,

и в этом корень той боли, исцелить которую девятнадцатый век завещал веку грядущему. Наука, прогресс человеческого разума, взлет нравственности еще послужат человечеству, но не найдется завета высшего и достойнейшего, нежели гот, что начертан на знамени века девятнадцатого.

31 декабря 1899 г.

* Статьи «О журнале «Сакартвелос моамбе» и «Девятнадцатый век» публикуются в новых переводах. Статья «Внутреннее обозрение мая 1881 года» на русском языке публикуется впервые, с незначительным сокращением в последней ее части.

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

* * *

Подражание Гейне

Да, родина была и у меня!..
Любовь царила там, мечту даря,
И благостна ко всем была судьба...
Теперь же это все — далекий сон!

Сверкая счастьем, дни текли,
Рождались рыцари-богатыри,
И небеса сияли, так чисты...
Теперь же это все — далекий сон!

19.I.1859

Петербург

НОЧЬ

Когда стихает гул дневной
И голос злобы умолкает,
И спят селенья под луной, —
Ночь южная, ты взор мой услаждаешь!

1857—1861

* * *

Слышу, слышу звук отрадней
Разбиваемых оков!
Громче, громче голос правды,
Пробуждающий рабов!

Голос правды — светоч жизни,
Он и мне надежду шлет..
О, когда ж в моей отчизне,
Боже, этот час пробьет!

29.VII.1860.

Павловск

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

В архиве Ильи Чавчавадзе хранятся материалы по истории создания конституционал-демократической партии грузинских автономистов.

В 12-ом номере журнала «Цискари» за 1985 год была опубликована (на грузинском языке) значительная часть этих материалов, написанная Ильей по-русски.

Предлагаем вниманию читателей первую полную публикацию всех текстов программы созданной Ильей Чавчавадзе политической партии с интерпретацией историка Г. С. Мамулия, не исключающей, однако, возможности и иной их трактовки.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИДЕАЛЕ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

В начале XX века, в период обострения социальной и политической обстановки в Российской империи, в Грузии возникают различные политические партии: местная организация РСДРП, революционная партия социалист-федералистов и организация социалист-революционеров как часть аналогичной партии России. В тот же период обостряется борьба между грузинскими социал-демократами и общественными деятелями, во главе которых стоял Илья Чавчавадзе. В сложившейся обстановке Илья предпринимает попытку создания национал-демократической партии¹, основное требование которой состояло в создании Грузинской автономии в рамках Российской конституционной монархии.

В декабре 1904 года последовал Указ Николая II относительно необходимости коренных реформ государственной

¹ Она же национал-либеральная и конституционал-демократическая партия грузинских автономистов.

жизни России, а в начале февраля 1905 года грузинские национал-либералы подают «Памятную записку» Председателю комитета министров С. Ю. Витте. Так как идейные истоки программы национал-демократической партии грузинских автономистов непосредственно восходят к этой «Записке», есть смысл ознакомиться с ней. В «Записке» сказано:

«Грузинские царства и княжества (Карталиния и Кахетия, Имеретия, Мингрелия, Гурия и Абхазия), начиная с 1801 года, одно за другим связали свою судьбу с судьбою Русского государства, вступив под его протекторат на основании известных договоров. По смыслу означенных договоров и ходу исторических событий, сопровождавших это переходное время грузинской жизни, грузины, вступая добровольно под покровительство России, имели главнейшей целью, избавившись от постоянных кровопролитных войн, заняться мирным развитием своих духовных сил и упорядочением материального своего благосостояния.

Прошло сто с лишним лет со времени вступления грузин в состав Российского государства и за все это время надежды грузинского народа терпели полное разочарование [...]. Русская власть, повторяем, после этого постепенно стала пренебрегать главнейшими мотивами вступления грузин под покровительство России и, забыв торжественно данные обеты, не только не способствовала развитию национальной жизни грузинского народа, но, напротив, стала преследовать их самобытность, их язык. Она изгнала грузинский язык из школ и тем искажила воспитание грузинского юношества; она изгнала его из церкви и тем оскорбила религиозное чувство грузинского народа; она изгнала его из судебных и административных учреждений — и тем сделала эти последние чуждыми для грузинского населения.

Фактически превратив грузин из свободных граждан, только на известных условиях добровольно отдавшихся Русскому государству, в бесправных рабов, как бы покоренных силой оружия, русская власть не сумела или не захотела приобщить их даже к тем правам и преимуществам, какие давно дарованы русским подданным центральных губерний России, и тем создала пропасть между русским и грузинским обществами в прямой ущерб насущным интересам обоих народов.

Таким образом, существующий режим по управлению Кавказом привел грузинский народ к полному застою в развитии его национальной жизни, его интеллектуальных и ма-

териальных сил. Гонения на родной язык, система преднамеренного обрусения края, пренебрежение к экономическим и духовным интересам населения привели наш богатый край не к умиротворению, желательному в общегосударственных интересах, а, наоборот, к раздражению страстей, к недовольству общества и ко все более и более учащающимся волнениям народных масс. Отсюда ясно, что настоящий режим одинаково вреден как для развития духовных и материальных сил грузинского народа, так равно и для нормального спокойного течения государственной жизни.

А посему, в интересах установления более нормальных и искренних отношений между центральной властью и населением Кавказского края, мы, нижеподписавшиеся представители различных слоев грузинского населения, обсудив всесторонне настоящее положение вещей, постановили довести до сведения Комитета министров о некоторых из неотложных своих нужд, которые формулированы нами в нижеследующих пунктах:

Отмена всех исключительных законов по управлению Кавказским краем, тормозящих правильное и мирное развитие общественной жизни, и организация гражданского управления на тех же основаниях, на которых будет преобразовано управление внутренних губерний России.

Введение в крае земских учреждений на началах полного самоуправления, сообразно тому, как они будут преобразованы в губерниях, пользующихся ныне благами земского самоуправления.

Реформа городского самоуправления в смысле его демократизации и полного освобождения его от вмешательства административных властей.

Приближение суда к местному населению и восстановление его поколебленного в народе авторитета путем введения института присяжных заседателей и выборных мировых учреждений, а равно отправления правосудия в местных судебных установлениях, наравне с государственным, и на родном, понятном населению языке, дабы, таким образом, общеимперская юстиция, очищенная от всех искажающих ее истинный смысл регрессивных наслоений последних десятилетий, могла иметь должное и действительно облагораживающее влияние на нравы и обычаи страны.

Устранение из постановки дела народного образования в крае ныне действующей системы насильственного обрусения туземцев, вызывающей глубоковраждебное отношение населения к государственным школам, а посему обязательное допу-

щение в начальных школах и в среднеучебных и иных заведениях обучения на единственно доступном населению грузинском языке и преподавание государственного языка как обязательного предмета; серьезная постановка преподавания грузинского языка, грузинской истории и литературы в учебных заведениях в крае; учреждение университета и высшего специального заведения в городах Тифлисе и Кутансе; введение всеобщего обязательного и дарового народного образования; предоставление широких прав частной инициативе по открытию школ и учебных заведений, а равно всякого рода просветительских учреждений.

Устранение из религиозного быта грузин всех стеснений, преследующих не религиозные, а политические цели, как то: постепенное изгнание грузинского языка из церковного богослужения в различных местностях Грузии; закрытие высших ступеней иерархии грузинского экзархата лицам грузинского происхождения; внесение превратно понятой политики обрусения в дело заведывания церковно-приходскими школами Грузии и в систему преподавания в духовных учебных заведениях и вообще тяжелый гнет, тяготеющий при господствующем церковном режиме на грузинском духовенстве и лишаящий его свободного общения и необходимого влияния на население.

Отмена установленных административною практикою ограничений, коими лицам грузинского происхождения затруднен доступ на общественную и государственную службу и введение для лиц, находящихся на государственной службе, обязательности знания языка населения.

В интересах сохранения жизни и здоровья лиц грузинского происхождения, привлекаемых к отбыванию воинской повинности, необходимо восстановление старого порядка, согласно которому из местных новобранцев формировались особые воинские части, расположенные в пределах Закавказья. Ныне практикуемая система отправки их во внутренние губернии России влечет за собою чрезмерную смертность и заболеваемость среди них в местах их службы, вследствие сурового для южан климата и необычной вообще обстановки. А это обстоятельство делает отбывание воинской повинности особенно тягостным и даже губительным для населения, которое при более благоприятных условиях службы охотно и радостно несло бы возложенную на него государством повинность.

Окончательная ликвидация остатков крепостной зависимости в Грузии (в Кутаисской и Тифлисской губ.) и уравнение крестьян в правах с прочими сословиями.

Предоставление малоземельному и безземельному грузинскому населению права селиться на свободных казенных землях в пределах Закавказья и устранение всех искусственно созданных препятствий к осуществлению этого необходимого права.

Распространение на грузинское население Закавказья всех мероприятий и узаконений, имеющих целью гарантии законности в управлении, неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, свободы слова и печати (как на русском, так и на грузинском языках), свободы стачек, собраний и союзов, а равно всех мероприятий и узаконений, клонящихся к улучшению быта фабрично-заводских и промышленных рабочих как путем расширения фабричного законодательства, в целях защиты прав трудящихся, так и введения государственного страхования рабочих»¹.

Уже в апреле 1905 года корреспондент газеты «Сакартвело» подметил, что в вышеприведенной «Записке» вычерчивается программа нарождающейся партии грузинских национал-либералов, но реальным толчком к созданию этой партии явился манифест 17 октября 1905 года. Непосредственно после издания манифеста с целью организации национал-демократической партии Илья Чавчавадзе созывает собрание, в котором участвует более восьмидесяти человек, среди них — Эквтиме Такайшвили, Васо Кипиани, Нико Тавдгиридзе, Павле Туманишвили, Георгий Гвазава и другие известные общественные деятели Грузии той эпохи. Председателем будущей партии собрание предложило избрать Илью Чавчавадзе, но он отклонил это предложение, сославшись на свой преклонный возраст.

После ряда заседаний была выработана программа конституционал-демократической или иначе — национал-демократической партии Грузии, опубликованная сперва в газете «Цнобис пурцели», а затем изданная отдельно тиражом в 10 тысяч экземпляров. В период революции 1905 года и последовавшей за ней реакции эта партия утвердиться не смогла. По сведениям Ал. Асатиани, «в 1905 году устраивались совещания во главе с Ильей Чавчавадзе, на которых решилось создание политической партии под названием национал-демократической. Была выработана и напечатана программа партии и ее устав, но дело, по существу, дальше этого не пошло»².

¹ Газ. «Русь», 16.2.1905 г., № 40.

² Ал. Асатиани. Старое и новое наследие, 1929 г., стр. 124.

О создании национал-демократической партии Грузии сообщает и Арчил Джорджадзе¹. Он пишет, что в 1905 году в пору разгоревшихся между грузинскими социал-демократами и федералистами споров по вопросу автономии Грузии, к «грузинским политическим партиям прибавилась еще одна новая партия, которая была названа грузинской демократической партией, или конституционал-демократической партией грузинских автономистов». Эта партия выработала собственную программу, часть которой Арч. Джорджадзе и цитирует в своей работе.

Материалы программы партии грузинских национал-демократов, или иначе — конституционал-демократической партии грузинских автономистов, хранящиеся в архиве ее основателя Ильи Чавчавадзе (Инст. рукописей им. К. Кекелидзе, фонд И. Чавчавадзе № 1015—1016), проливают свет на историю происхождения программы и вклад, который внес Илья в создание этого документа, четко отразившего его политическое кредо.

Учредительные собрания по созданию национал-демократической партии созывались в основном в ноябре 1905 года. Сперва был рассмотрен проект создания партии, написанный Ильей на русском языке. Илья назвал партию «национал-демократической партией грузинских автономистов», но позднее он собственноручно вносит в текст проекта поправку и называет ее «партией грузинских конституционал-демократов».

В проекте создания партии Илья писал:

«Манифестом 17-го октября хотя и возведены некоторые права граждан Российской империи на началах свободы слова, печати, сходок, стачек и неприкосновенности личности и жилищ, но эти вольности не вполне соответствуют и не вполне удовлетворяют требованиям и стремлениям лучшей и передовой части русского общества.

В независимой печати, как русской, так и грузинской, уже указывается, что и после 17-го октября много чего остается неопределенного, невыясненного, недосказанного: пройдены почти полным молчанием коренные вопросы об ответственности министров, о всеобщем избирательном праве; не дано даже юридического имени устанавливаемому манифестом новому

---

¹ А. Джорджадзе. Сочинения, кн. 1, 1911 г., стр. 230—231.

порядку. Все это указывается как в речах, так и в печати.

Объясняя этот, вольный или невольный, пробел в лучшем его смысле, надо полагать, что вопрос о возмещенных вольностях и о гарантии их установления и упрочения в виду незыблемого закона еще впереди, что он предоставлен решению первого представительного учреждения — будет ли оно Учредительным собранием или Государственной Думою — с функциею Учредительного собрания.

А созыв представительного собрания в том или ином виде не так скоро предвидится, и наступающая реакция может еще дальше отодвинуть время его созыва, а жизнь не ждет и чуть не ежечасно порождает те или другие требования, выдвигает те или другие вопросы, без немедленного удовлетворения и решения которых уже стало немыслимо спокойное и мирное житее населения нашей родины.

Ввиду не только постоянного колебания правительства то в ту, то в другую сторону, но и всяческого уклонения его под разными предлогами от священной своей обязанности идти навстречу справедливым требованиям лучшей и передовой части русского общества о немедленном созыве народного представительства. нам, грузинам, как и всем прочим гражданам империи, неумоготу уже оставаться в настоящем своем положении. Мы обязаны позаботиться о дальнейшей нашей судьбе; этого требует естественное, всем живым существам присущее чувство самосохранения. Под властным побуждением этого чувства мы обязаны принять меры к ограждению нашей многострадальной родины от смут и кровопролитий, предвещааемых надвигающимися событиями, порождаемыми переполнением чаши народного долготерпения.

А потому мы, ниже сего подписавшиеся, собравшись в качестве отдельных лиц, принадлежащих к разным слоям грузинского народа, и обсудив положение, созданное освободительным движением вообще и манифестом 17 октября в частности, постановили: для предупреждения опасности быть застигнутыми врасплох теми или другими запросами великого освободительного движения, с одной стороны, а с другой — для указания, пропаганды и осуществления мер, могу-

щих водворить порядок, мир и спокойствие в нашей стране:

1. Образовать союз под именем Грузинской конституционал-демократической партии. 2. Присоединиться к Русской конституционно-демократической партии и на основе существенных и коренных пунктов ее программы составить свою собственную программу, вводя в нее изменения и дополнения, вызываемые особенными потребностями грузинского народа. 3. Намечать наиболее неотложные задачи в виде программы действия союза в настоящем, а равно указать на те начала, которые в будущем должны быть по ходу дел пропагандируемы, поддерживаемы и защищаемы союзом там, где надобность укажет, и 4. Опубликовав на этих основах выработанную программу, пригласить примкнуть к союзу всех, без различия сословия, пола и исповедания, лиц, сочувствующих опубликованной программе, чтобы этим путем достигнуть объединения наших разрозненных сил с целью со всей мощью единодушия направить все свои усилия к окончательному осуществлению и введению в жизнь грузинского народа как тех начал и преобразований, которые намечены в программе союза, так и тех вольностей, которые составляют предмет переживаемого нами великого исторического момента».

(Инст. рукописей им. К. Кекелидзе, фонд И. Чавчавадзе, № 1016).

Этот проект создания партии Илья Чавчавадзе составил в ноябре 1905 года. В январе 1906 года в прессе была опубликована программа конституционал-демократической партии грузинских автономистов. Проект Ильи должны были рассмотреть на первом учредительном собрании. Как мы видели, в проекте упоминается Манифест 17 октября 1905 года, в то же время, Илья, по всей очевидности, уже располагал отпечатанной программой РКДП (Российская конституционно-демократическая партия). Учредительное собрание РКДП, как известно, состоялось 12—18 октября 1905 года в Москве. Оценка Манифеста и требования созыва Учредительного собрания были внесены Ильей в проект из постановления, принятого 18 октября учредительным съездом РКДП.

Согласно проекту, грузинская конституционал-демократи-

ческая партия должна была составить собственную программу на основании программы РКДП с внесением в нее, как указывал Илья, «изменений и дополнений, вызываемых особенными потребностями грузинского народа». Текст этих «изменений и дополнений» Илья изложил по-русски в четырнадцати пунктах. Приводим его полностью:

1. Отмена всех исключительных по управлению Кавказским краем законов, указов и циркуляров и вообще явных и секретных распоряжений, направленных к ограничению прав местного населения.
2. Упразднение института полицейских стражников, введенного в крае при князе Голицыне.
3. Восстановление прав местного населения отбывать воинскую повинность лишь в пределах Закавказья.
4. Обязательное знание грузинского языка служащими в правительственных и общественных учреждениях в пределах Грузии, находящимися по роду службы в непосредственных сношениях с местным населением.
5. Введение в крае суда присяжных и института выборных судей и установление их съездов.
6. Окончательная ликвидация остатков крепостной зависимости в Грузии.
7. Закрепление за временнообязанными крестьянами их наделов и за хизанами (арендаторами — Г. М.) находящихся в их пользовании владельческих земель за счет государства.
8. Обеспечение за крестьянами права пользования ближайшими казенными лесами и пастбищами.
9. Предоставление коренному населению Грузии исключительного права заселять свободные земли в пределах грузинской территории и установление необходимых для осуществления этих прав льгот и пособий.
10. Основание в пределах Грузии университета и высшего специального учебного заведения.
11. Объединение Тифлисской и Кутаисской губерний, Батумской области, Сухумского и Закатальского округов в одном центральном грузинском земстве с подразделением их на более мелкие земские единицы.
12. Возвращение Иверской церкви автокефальных прав и восстановление Мцхетско-Иверского католикосата в прежних его пределах (губернии Тифлисская и Кутаисская, Батумская область, Сухумский и Зака-

тальский округа) во главе с католикосом, избираемым на основании канонических правил и утверждаемым верховной властью.

13. Признание за грузинами-католиками вероисповедных и церковных прав.

14. В дополнение к 24 пункту программы РКД партии необходимо только пояснить, что Грузинская автономия обнимает Тифлисскую и Кутаисскую губернии, Батумскую область, Сухумский и Закатальский округа и что компетенция автономного представительства не распространяется ни на армию, ни на флот, ни на иностранную политику государства, ни на общеимперскую финансовую политику.

Грузинская конституционал-демократическая партия, принимая всецело программу РКДП, в своих пояснениях к ней только лишь подчеркивает некоторые ее пункты, имеющие важное значение для интересов грузинского народа».

(Инст. рукописей им. К. Кекелидзе, фонд И. Чавчавадзе, № 1015).

Легко заметить, что основные пункты «изменений и дополнений» восходят к «Записке», представленной в феврале 1905 года Комитету министров, но в тексте «изменений и дополнений» содержится исключительно важный пункт, отсутствующий в «Записке», — о создании Грузинской автономии.

На основании этих положений была выработана на русском языке программа грузинской национал-демократической партии прогрессистов, которая также восходит к «Записке». Текст программы был рассмотрен Ильей на одном из заседаний, о чем свидетельствуют внесенные его рукой поправки и замечания.

ПРОГРАММА ГРУЗИНСКОЙ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПРОГРЕССИСТОВ

Мы, представители разных слоев грузинского народа, после всестороннего обсуждения положения всего грузинского населения без различия вероисповедания, пришли к единогласному заключению, что столетний бюрократическо-централистический режим, совершенно чуждый духу и национальному укладу жизни

грузин, привел грузинский народ к полному застою в развитии его национальной жизни, его интеллектуальных и экономических сил и что гонение на народный язык, система преднамеренного насильственного обрушения (превращение церкви, школы и суда в служебное орудие для политики, ограничение и фактическое лишение грузин права поступления на государственную службу), пренебрежение к экономическим и духовным интересам населения, обезземеление его привели наш богатый край не к умиротворению, желательному в общегосударственных интересах, а наоборот, к недовольству общества, к раздражению страстей и ко все более и более учащающимся волнениям народных масс. А потому, в целях как нормального, спокойного течения общегосударственной жизни, так и для мирного развития духовных сил грузинского народа и его материального благосостояния, необходимы нижеследующие наиболее неотложные преобразования:

1. Отмена всех исключительных по управлению Кавказским краем законов и указов, циркуляров и вообще явных и секретных распоряжений, направленных к ограничению прав местного населения.
2. Уничтожение всех ограничений, явных и секретных, преграждающих грузинам, без различия вероисповедания, доступ на государственную службу в крае и уравнение их в правах и преимуществах службы с лицами русского происхождения.
3. Упразднение земской стражи.
4. Восстановление прав местного населения отбывать воинскую повинность лишь в пределах Грузии.
5. Узаконение и обеспечение неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, слова, печати, собраний, товариществ, союзов и стачек.
6. Амнистия всем политическим преступникам.
7. Установление имущественной, гражданской и политической равноправности женщин с мужчинами.
8. Установление ответственности должностных лиц всех вообще ведомств, как высших, так и низших, перед судом в общем порядке судопроизводства.
9. Обязательное знание грузинского языка служащими в правительственных и общественных учреждениях в пределах Грузии.
10. Признание грузинского языка языком школы, суда,

административных и общественных учреждений / в пределах Грузии.

11. Узаконение и обеспечение независимости суда и несменяемости судей.
12. Введение в крае суда присяжных и институтов выборных судей и установление их съездов.
13. Деление районов мировых судей на более мелкие участки в видах приближения суда к населению.
14. Коренная реформа народного просвещения в смысле освобождения школы и вообще учебных заведений от служения политике и направления их к исключительно просветительским и воспитательным целям.
15. Установление всеобщего, обязательного и дарового начального обучения.
16. Предоставление широких прав частной инициативе в деле открытия школ и учебных заведений вообще явочным порядком.
17. Открытие в пределах Грузии университета и высших специальных учебных заведений.
18. Узаконение права издания газет, журналов и вообще всякого рода периодических изданий явочным порядком.
19. Окончательная ликвидация остатков крепостной зависимости в Грузии.
20. Отмена всех сословных привилегий.
21. Закрепление за временнообязанными крестьянами их наделов за счет государства.
22. Расширение землевладения крестьян всех разрядов из свободного запаса казенных земель и из земель частновладельческих, выкупаемых казной на свой счет, для распределения между нуждающимся в земле коренным населением Грузии без различия вероисповедания и национальности.
23. Обеспечение за крестьянами права пользования ближайшими казенными лесами и пастбищами.
24. (Свобода расселения грузин по территории Грузии). Предоставление коренному населению Грузии исключительного права заселять свободные земли в пределах грузинской территории и установление необходимых для осуществления этих прав льгот и пособий.
25. Узаконение права открытия и учреждения всякого рода торговых и промышленных предприятий явочным порядком.

26. Улучшение быта фабричных, заводских и промышленных рабочих путем усовершенствования, согласно современным требованиям, фабричного законодательства, введение обязательного государственного страхования рабочих от несчастных случаев, старости и болезни, установление свободы стачек, союзов, товариществ и собраний, введение 8-ми часового рабочего дня.

27. Введение земства и изменение городского положения на началах всеобщего избирательного права.

28. Объединение Тифлисской и Кутаисской губерний, Батумской области, Сухумского и Закатальского округов в одном центральном Грузинском земстве, с подразделением их на более или менее мелкие земские единицы.

Примечание: Центральное Грузинское земство учреждается в гор. Тифлисе.

29. Возвращение Иверской церкви автокефальных прав и восстановление Мцхетско-Иверского католикосата в прежних его пределах (губернии Тифлисская и Кутаисская, Батумская область, Сухумский и Закатальский округа) во главе с католикосом, избираемым на основании существующих на сей предмет правил, утверждаемым верховной властью.

30. Восстановление выборного начала при замещении архиерейских и священно-церковно-служительских мест.

31. Возвращение Иверской церкви всех свободных церковных имений, перешедших в казенное управление с целью снять с населения бремя содержания духовенства.

32. Признание вероисповедных и церковных прав за грузинами-католиками.

33. Будучи уверены, что свободное развитие грузинского народа и осуществление вышеизложенных мероприятий в своем целом немислимы при действующем в крае режиме, мы требуем признать за Грузиею, этой неотъемлемой частью Русского государства, добровольно связавшей свою судьбу с его судьбою, права на управление законами, устанавливаемыми местным представительным собранием, избираемым путем всеобщей, прямой, тайной и равной для всего населения Грузии без различия национальности и вероисповеда-

ния подачи голосов. При этом мы всецело присоединяемся к сильному голосу всей Русской земли о немедленном созыве Учредительного собрания, где свободно избранные представители всех национальностей, в том числе и грузинской, займутся решением вопроса об устройении Русского государства на началах равенства, свободы и права устанавливать требуемые нами естественные и нормальные условия свободного развития духовных и экономических сил грузинского народа».

(Инст. рукописей им. К. Кекелидзе, фонд И. Чавчавадзе, № 1015).

О том, что программа была составлена по принципам, предложенным самим Ильей, свидетельствует ее содержание. В начале и в конце ее дается оценка государственного строя царской России с позиции грузинских национал-либералов и отмечается необходимость тех социальных преобразований, которых требовали русские либерал-интеллигенты для России, чтобы поставить ее на путь европейского развития.

Изучив проект партии грузинских конституционал-демократов, мы пришли к заключению, что составители ее осуществили план, выработанный Ильей Чавчавадзе. Грузинская программа основывается на программе РКДП, требования же грузинского народа внесены в нее из «Записки» и текста «изменений и дополнений» И. Чавчавадзе.

Текст этого проекта программы по рассмотрению был отклонен, так как в нем нечетко отразилось требование Ильи о Грузинской автономии. Поэтому и был создан второй вариант проекта программы. В перепечатанный на машинке второй вариант проекта Илья собственноручно внес поправки, очевидно, в процессе его рассмотрения. Вот этот проект:

«Мы, представители разных слоев грузинского населения, после всестороннего обсуждения положения всего грузинского народа без различия вероисповедания пришли к единогласному заключению, что столетний бюрократическо-централизованный режим, совершенно чуждый духу и национальному укладу жизни грузин, как в прошлом, так и в настоящем, привел грузинский народ к полному застою в развитии его жизни, его интеллектуальных и экономических сил и что гонение на народный язык, система преднамеренного насильственного обрусения (превращение церкви,

школы и суда в служебное орудие политики, ограничение и фактическое лишение грузин права на государственную службу в полном ее объеме), пренебрежение к экономическим и духовным интересам населения привели наш богатый край не к мирному преуспеянию, желательному в общегосударственных интересах, а, наоборот, к недовольству всех вообще, как общества, так и народа, к повсеместному раздражению страстей и ко все более и более учащающимся волнениям народных масс. А потому, в целях как нормального, спокойного течения общегосударственной жизни, так и для мирного развития духовных сил грузинского народа и его материального благосостояния, необходимы нижеследующие наиболее неотложные преобразования:

1. Отмена всех исключительных по управлению Кавказским краем законов, указов и распоряжений, направленных к ограничению законных и человеческих прав местного населения вообще и грузинского в частности.
2. Узаконение и обеспечение свободы совести, слова, печати, собраний, организаций, союзов и стачек.
3. Обеспечение неприкосновенности личности, жилища.
4. Установление ответственности всех должностных лиц и учреждений как высших, так и низших, перед судом в общем порядке судопроизводства.
5. Введение земства и изменение положения на началах полного и всесословного самоуправления с допущением во всех органах земского и городского управления грузинского языка.

Примечание I: Объединение Тифлисской и Кутаисской губерний, Батумской области, Сухумского и Закатальского округов в одном центральном Грузинском земстве, с подразделением их на губернские и уездные земские единицы.

Примечание II: Центральное Грузинское земство учреждается в городе Тифлисе.

6. Независимый суд, суд присяжных и институт выборных мировых судей с допущением судоговорения на грузинском языке.
7. Коренная реформа народного просвещения. Всеобщее обязательное начальное образование. Преподава-

ние всех предметов в низших, средних и высших учебных заведениях на грузинском языке с преподаванием государственного языка как обязательного предмета. Открытие университета и высших специальных учебных заведений в пределах Грузии. Предоставление широких прав частной инициативе в деле открытия школ и учебных заведений вообще.

8. Возвращение Иверской церкви автокефальных прав и восстановление Мцхетско-Иверского католикосата в прежних его пределах (губернии Тифлисская и Кутаисская, Батумская область, часть Черноморской губернии Абхазия, Самурзаканы и Закатальский округ) во главе с католикосом.

а. Восстановление выборного начала при замещении освобождающихся мест священно-церковно-служительных, которому во всяком случае принадлежит мотивированное вето.

б. Учреждение под председательством католикоса священного при нем Синода и при епархиальных архиереях советов из духовных и светских лиц, избираемых на определенный срок.

в. Сосредоточение в священном при католикосе Синоде высшего управления всеми церквями, монастырями, духовенством, духовно-учебными заведениями и благотворительными учреждениями.

г. Возвращение Иверской церкви всех церковных имений, перешедших в казенное управление с целью снять с населения бремя содержания духовенства и всех учреждений духовного ведомства.

9. Окончательная ликвидация остатков крепостной зависимости в Грузии, уравнивание крестьян и мещан в правах с прочими сословиями и равенство всех перед законом. Имущественная, гражданская и политическая равноправность женщин с мужчинами.

10. Закрепление за временнообязанными крестьянами наделных земель без вознаграждения помещиков со стороны крестьян.

11. Расширение землевладельцев всех разрядов из свободного запаса казенных земель и свобода расселения грузин на территории Грузии с устранением всех искусственно созданных ограничений и препятствий к осуществлению этого необходимого права и с отменой всех исключительных ограничительных по землевла-

дению и землепользованию Закавказья распоряжений.
12. Улучшение быта фабричных, заводских и промышленных рабочих путем расширения фабричного законодательства, введения обязательного государственного страхования рабочих, установления свободы стачек, организаций, собраний, введения 8-часового рабочего дня, установления минимума заработной платы, участия в прибылях предпринимателей и пр.

13. Восстановление в интересах сохранения жизни и здоровья лиц грузинского происхождения, привлекаемых к отбыванию общегосударственной воинской повинности, того первоначального порядка, при котором местные новобранцы отбывали воинскую повинность в частях войск, расположенных в пределах Грузии.

14. Уничтожение всех ограничений, преграждающих грузинам доступ на государственную службу, в праве и уравнивании их в служебных правах и преимуществах с лицами русского происхождения.

15. Амнистия всем политическим преступникам, высланным из пределов края судебным и административным порядком, а также всем лицам, причастным к крестьянскому движению в Грузии.

Примечание I: Приход избирает правоспособных кандидатов для занятия мест членов причта, а духовенство и представители народа — католикоса и архиереев; избранного архиерея утверждает собор всех иерархов Иверской церкви с католикосом во главе и священный при католикосе Синод, а католикоса — верховная светская власть.

Примечание 2. По надлежащем рассмотрении дела об избрании на то или иное место кандидатов духовным при епархиальном архиерее советом, избранный утверждается и возводится в сан местным епископом.

Признание за Грузией, этой неотъемлемой частью Русского государства, добровольно связавшей свою судьбу с его судьбой, права на управление законами, устанавливаемыми местным представительным собранием, избираемым путем всеобщей, равной для всего населения Грузии, без различия национальностей и вероисповеданий, подачи голосов.

Примечание: Грузию составляют Тифлисская

и Кутаисская губернии, Батумская область, Сухумский и Закатальский округа.

Признавая однако, что указанные выше в видах установления твердого и непоколебимого правопорядка требования, в своем целом, не могут быть осуществлены при существующем ныне в России бюрократическом режиме, мы всецело присоединяемся к сильному голосу всей Русской земли о немедленном созыве Учредительного собрания на началах всеобщего, тайного, равного для всех и прямого избирательного права, где свободно избранные представители всех национальностей, в том числе и грузинской, займутся решением вопроса об устройении Русского государства на началах равенства, свободы и права и установят требуемые нами естественные и нормальные условия свободного развития духовных и экономических сил грузинского народа».

(Инст. рукописей им. К. Кекелидзе, фонд И. Чавчавадзе, № 1015).

Как мы могли убедиться, второй вариант проекта программы партии грузинских конституционал-демократов является по существу повторением первого его варианта, в котором представлены и объединены пункты, вступительная же и заключительная части в точности повторяют первый вариант проекта.

Единственная сфера, которая во втором варианте дана в более расширенном, по сравнению с первым, виде, это сфера церкви, да и то за счет малозначительных вопросов. Как и первый вариант, так и второй составлен на основе положений, выработанных Ильей. Однако и второй вариант проекта программы партии грузинских конституционал-демократов не был принят — по той же причине, что и первый.

18—19 января 1906 года в грузинской газете «Цнобис дурцели» была опубликована «Программа конституционал-демократической партии грузинских автономистов». Вот этот текст:

ПРОГРАММА КОНСТИТУЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГРУЗИНСКИХ АВТОНОМИСТОВ

I. Основные права граждан.

1. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, должны быть равны перед законом. Всякие ограничительные сословные различия и ограничительные законы, которые притес-

- няют личные и имущественные права, без различия национальностей должны быть уничтожены навсегда.
2. Полная свобода вероисповедания, слова, собраний рабочих забастовок, союзов; окончательная отмена цензуры.
3. Как частным лицам, так и группам, союзам, собраниям должно быть предоставлено право предъявлять свои требования правительству.
4. Неприкосновенность личности и жилища. Вход в частное жилище, обыск, выемка и вскрытие частной корреспонденции должны быть отменены. Подобные распоряжения могут быть отданы лишь по постановлению суда, которое в каждом отдельном случае должно быть издано особо. Каждое задержанное лицо в городах и вообще местах, где существует судебная власть, должно быть в течение 24 часов либо отдано под суд, либо освобождено полностью. Там, где нет судебной власти, задержанное лицо должно быть в течение 48 часов либо отдано под суд, либо освобождено полностью. В случае, если гражданин задержан незаконно, либо задержан более положенного срока, пострадавший имеет право требовать у государства возмещения понесенных им убытков.
5. Никто не может быть подвергнут преследованию и наказанию иначе как на основании судебного приговора и согласно закону. Должны быть навечно уничтожены чрезвычайные суды.
6. Должны быть уничтожены паспорта, и каждому гражданину должна быть предоставлена полная свобода передвижения как в своей стране, так и за границей.
7. Все эти права граждан должны обеспечиваться судебной защитой и введены в основной закон Российского государства.
8. Основные законы Российского государства должны гарантировать всем населяющим его народностям политические, гражданские и экономические права, а также свободное культурное самоопределение: должно быть установлено свободное употребление всех языков в общественной жизни, свобода основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохране-

ние и развитие языка, литературы и культуры каждого народа.

9. Русский язык должен быть языком центральных учреждений, армии и флота.

II. Государственный строй.

10. Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом.

11. Народные представители избираются всеобщей равной, прямой и тайной подачей голосов избирателями не моложе 21 года, без различия вероисповедания, пола и национальности. Парламент должен быть единственным законодательным учреждением.

12. Парламент издает законы, составляет государственный бюджет и контролирует законность и целесообразность действий высшей и низшей администрации.

13. Ни одно постановление, объявление, приказ и иное подобное распоряжение, кем бы оно ни было отдано, не будет иметь законной силы, если оно не основано на постановлении парламента.

14. Государственный бюджет, в который входят все государственные доходы и расходы, устанавливается не более, как на один год, и должен быть принят парламентом. Никакие налоги, пошлины и сборы в пользу государства, а равно и государственные займы не могут быть устанавливаемы иначе, как в законодательном порядке парламентом.

15. Членам парламента принадлежит право законодательной инициативы. Без санкции парламента его члены являются неприкосновенными.

16. Министры должны быть ответственны перед парламентом, члены которого имеют право запроса и интерпелляции.

III. Суд.

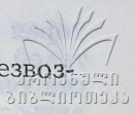
17. Должны быть пересмотрены существующие законы и изданы такие, которые соответствуют характеру, обычаям и нуждам народа.

18. Смертная казнь должна быть отменена. Объявить полную амнистию всем политическим преступникам.

19. Ввести условное наказание.

20. Обвиняемому должно быть предоставлено право иметь во время следствия адвоката.

21. Чиновники должны отвечать перед законом на общих основаниях.

22. Ввести избрание мировых судей.
23. Судопроизводство для всех должно быть безвозмездно и равноправно.
24. Судопроизводство должно вестись на родном языке.

IV. Финансовая и экономическая политика.

25. Пересмотр государственного расходного бюджета с целью уменьшения непроизводительных по своему назначению и размерам расходов и соответственно увеличения затрат государства на действительные нужды народа.
26. Увеличение прямых налогов и уменьшение косвенных.
27. Приложить все усилия к тому, чтобы полностью отменить косвенные налоги на предметы, являющиеся предметами первой необходимости.
28. Реформа прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и преимущественного обложения; введение прогрессивного налога на наследство.
29. Соответствующее положению отдельных производств понижение таможенных пошлин в видах удешевления предметов народного потребления и технического подъема промышленности и хозяйства.
30. Обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита.

V. Аграрное законодательство.

31. Земледельцу, лично работающему на земле и не имеющему достаточного количества земли, должна быть выделена земля государственная, либо удельная, либо кабинетная, либо монастырская. С той же целью улучшения положения земледельцев государство должно выкупить у частных владельцев по справедливой цене земли. Государство должно также приобрести для хизанов и временнообязанных крестьян те земли, которые они до сих пор не смогли выкупить.
32. Всеми означенными землями, кроме государственных и наделов, управляет государственный земельный фонд. Начала, на которых эти земли подлежат передаче нуждающемуся в них населению (владение, либо пользование личное, либо общинное), зависят в каждом случае от местных условий.
33. Должна быть основана обширная организация, ко-

торая будет содействовать переселению коренных жителей и их устройству на новом месте поселения, когда они из-за безземелья вынуждены будут переселиться на новые места. Ускорить и упорядочить размежевание земель и ввести новые меры для улучшения положения сельского населения.

34. Улучшение условий аренды путем обеспечения права ее возобновления; дать арендатору выкуп за произведенные на земле затраты. Учреждение примирительных камер для регулирования арендной платы и для разбора споров между арендаторами и землевладельцами. Арендатор должен иметь право обратиться в суд в случае чрезмерной арендной платы для ее уменьшения и также иметь право расторгнуть договор, если он содержит убыточные для арендатора условия.

35. Учредить законодательство для сельскохозяйственных рабочих с целью обработки земли соответственно технической возможности; назначить хозяйственную инспекцию и вменить ей в обязанность соблюдение закона, охраняющего труд в этой сфере; введение уголовной ответственности сельских хозяев за нарушение ими законодательных норм по охране труда.

VI. Рабочее законодательство.

36. Введение 8-часового рабочего дня для всех наемных рабочих.

37. Установление законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 48 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

38. Полное запрещение сверхурочных работ.

39. Воспретить ночной труд (от 9 часов вечера до 6 часов утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где непрерывная работа безусловно необходима по техническим соображениям и где эта работа будет разрешена организацией.

40. Воспретить предпринимателям нанимать на работу детей до 16 лет, а рабочее время подростков 16—18 лет не должно превышать 6-ти часов.

41. Воспретить женский труд в тех промышленных отраслях, где он вреден для женского организма. Женщины во время беременности должны быть освобождены

денежные от работы без вычета зарплаты в течение четырех недель до и шести недель после родов.

42. Устроить при всех фабриках, заводах и других предприятиях, где работают женщины, ясли для грудных детей. Дать матерям разрешение ухаживать за ребенком от получаса до трех часов по мере необходимости.

43. Государственное страхование рабочих на случай старости или по какой-либо иной причине потери трудоспособности за счет специального фонда, составленного путем особого налога на фабрикантов.

44. Воспретить выдачу зарплаты товарами. Установить еженедельный срок расплачивания деньгами и выдачу заработка производить исключительно в рабочее время.

45. Запретить предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу, для какого бы назначения и по каким соображениям они бы ни делались.

46. Назначение достаточного количества фабричных инспекторов во все отрасли промышленности; распространить их надзор как на казенные предприятия, так и на все производства, где применяется наемный труд. (Труд домашней прислуги входит также в надзор инспекции); назначить инспектрис в тех отраслях, где применяется преимущественно женский труд. Участие выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и сдаче изготовленных товаров.

47. Надзор органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями; за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан.

48. Учредить правильно организованный санитарный надзор во всех предприятиях, употребляющих наемный труд; для этого необходима полная независимость всей врачебно-санитарной организации от пред-

принимателей; бесплатная медицинская помощь для рабочих за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни.

49. Установить уголовную ответственность промышленников в случае нарушения законов об охране труда.

50. Учреждение во всех отраслях народного хозяйства судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

51. Возложить на органы местного самоуправления обязанность учреждения посреднической конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

VII. Общее образование.

52. Уничтожение всех стеснений к поступлению в учебное заведение, связанных с полом, религией и происхождением.

53. Свобода частной и общественной инициативы основания учебных заведений всех типов и свобода преподавания.

54. Увеличение числа учебных заведений.

55. Основать специальные высшие учебные заведения в Тбилиси и Кутаиси и университет в Тбилиси.

56. Ввести обучение на родном языке.

57. Ввести всеобщее обязательное и бесплатное обучение в начальной школе и, если будет возможность, в средней школе и высших учебных заведениях.

VIII. Церковь.

58. Восстановление автокефалии грузинской церкви.

59. Полная свобода вероисповедания.

IX. Военная служба.

60. Для отбытия военной службы установить двухгодичный срок.

61. Солдатам отбывать военную службу на родине.

62. Солдаты не должны нести полицейскую службу.

X. Автономия для различных национальностей России.

63. С установлением в России нового государственного строя всем национальностям и, в частности, грузи-

нам, должно быть предоставлено право автономного управления.

64. В автономной Грузии должна быть установлена гражданская свобода и неприкосновенность национальных меньшинств.

65. Границы автономной Грузии должны быть обозначены специальным собранием, которое будет представлено свободно выбранными депутатами от Тифлисской и Кутаисской губерний и Батумского, Сухумского и Закатальского округов.

66. Границы автономной Грузии должно утвердить Российское Учредительное собрание. Все вопросы, которые окажутся общими для всего Российского государства, должны решаться Российским парламентом. Грузинский парламент не должен касаться следующих вопросов:

67. а) Необходимых расходов для высочайшего представителя Российского государства. б) Военных и морских дел. в) Политических союзов и международных договоров с каким-либо государством. г) Внешней политики. д) Наложения пошлины на внешние товары. е) Фабричного законодательства и торгового законодательства. ж) Введения закона на косвенный налог. з) Проведение железных и других дорог, которые будут иметь стратегическое значение и которые будут строиться на государственный счет. и) Печатание денег.

68. Местный парламент Грузии управляет следующими делами: а) Образование и просвещение. б) Правосудие и введение всех законов, которые не должны противоречить основным законам Российского государства. в) Местные дороги и передвижение по суше или морю. г) Местные финансы. д) Недвижимое имущество автономии. е) Типография; почта; телеграф; телефон. ж) Церковь. з) Общественное здравоохранение и все прочие общественные и государственные дела.

69. Грузинский парламент должен избираться тем же порядком, что и Российский. Автономная Грузия должна иметь право устанавливать отношения с автономными народами России при том условии, чтобы эти отношения не противоречили интересам всего государства.

70. Личность членов парламента Грузии должна быть

так же неприкосновенна — без санкции парламента, как и личность членов Российского парламента.

71. Грузия должна участвовать в общих государственных расходах, которые пропорционально распределяются на ее жителей, для чего и следует откладывать из казны определенный процент.

72. Российской казне от Грузии из косвенных налогов будет передаваться тот процент, который полагается ей в соответствии с количеством жителей.

73. Российский главноуправляющий, назначенный верховной властью, должен наблюдать за тем, чтобы автономное управление твердо соблюдало изданные парламентом законы.

74. Ни один акт Российского государства, касающийся Грузии, не может быть объявлен без согласия на то и подписи представителя Грузии в России, облеченного доверием Грузинского парламента.

Опубликованная в «Цнобис пурцели» программа конституционал-демократической партии грузинских автономистов отличается от проекта программы этой партии своей структурой, близкой к программе РКДП. Об этом свидетельствует хотя бы прямое перенесение из программы РКДП целых пунктов. То обстоятельство, что шестой параграф грузинской программы о рабочем законодательстве взят из программы РСДРП, не меняет либеральной природы грузинской программы, так как социальной и экономической основой программы РКДП был либерализм. Программы РКДП и РСДРП в вопросах рабочего законодательства приближались друг к другу, и внесение рабочего законодательства грузинскими конституционал-демократами в свою программу из программы РСДРП не означало отхода от основных принципов либерализма, а было тактическим маневром с целью усиления своего влияния среди рабочих. Основная разница между грузинскими конституционал-демократами и российскими социал-демократами оставалась неизменной, улучшение положения рабочих грузинские конституционал-демократы, подобно русским либералам, решали путем проведения социальных и экономических реформ, которые должны были привести Россию к конституционной монархии. Социал-демократы же, будучи социалистами, видели только один путь для решения этой проблемы — революционный, что должно было повлечь в России свержение монархии и установление республиканского строя.

Как можно заметить, оба варианта проекта программы

конституционал-демократической партии грузинских автономистов являлись бессистемной компиляцией различных пунктов программы РКДП с включением туда отдельных пунктов из «Записки» и составленных Ильей «изменений и дополнений». Из четырнадцати пунктов «изменений» в программу вошло шесть (3, 6, 7, 10, 12, 14). Что касается остальных, они вошли в те пункты программы конституционал-демократической партии грузинских автономистов, которые, хотя и являются переводом пунктов программы РКДП, но отвечают требованиям «изменений и дополнений». Таким образом, в программу конституционал-демократической партии грузинских автономистов полностью вошли все составленные Ильей «изменения и дополнения». К ним прибавилось еще одно существенное требование, согласно которому на основе будущей Грузинской автономии, входящей в состав Российского государства, должно было возникнуть независимое Грузинское государство. Это требование было изложено в последнем, семьдесят четвертом пункте программы: «Ни один акт Российского государства, касающийся Грузии, не может быть объявлен без согласия на то и подписи представителя Грузии в России, облеченного доверием грузинского парламента». А это означало, что управление автономной Грузией по существу переходило в руки грузинского парламента. Переработанные таким образом проекты программы конституционал-демократической партии грузинских автономистов нашли свое завершение в программе этой партии. В ней осуществилось положение Ильи Чавчавадзе о том, что «партия грузинских конституционал-демократов, полностью разделяя программу РКДП, в своих дополнениях подчеркивает лишь некоторые ее пункты, имеющие большое значение для интересов грузинского народа».

Спустя почти два месяца со дня опубликования программы в «Цнобис пурцели» И. Чавчавадзе пишет Георгию Журули в письме (6.III. 1906 г.): «Наконец сегодня печатается эта программа (имеется в виду отдельное издание программы — Г. М.), и, если опять кто-нибудь не помешает нам, как только она будет отпечатана, я преподнесу Вам несколько экземпляров для распространения и привлечения членов».

(И. Чавчавадзе, Письма. I. 1949, стр. 135).

Ни одна работа И. Чавчавадзе, даже такая, как «Жизнь и закон» или «Внутреннее обозрение мая 1881 года», не выявляет столь полно его либеральное кредо, как история создания программы конституционал-демократической партии грузинских автономистов. Лишь либеральным его мировоззрением

ем можно объяснить оценку, которую он дал революции 1905 года. По воспоминанию Г. Ласхишвили, «Илья придерживался того мнения, что движущая сила русской революции аграрный вопрос. Большинство в стране составляет крестьянство, — говорил Илья, — на нем зиждится благополучие государства, и именно это сословие поставлено в плохое положение. В России большой кризис крестьянского землевладения, вот на эту-то сторону должно быть обращено основное внимание. Россия имеет своеобразную историю и культуру. Я думаю, чтобы она пошла обычным для Западной Европы путем. Ее освободительное движение может превратиться в страшный стихийный бунт, и пришедшая в движение сила крестьянства не оставит камня на камне. Этого огня следует оберегаться. И партиям, и правительству необходимо считаться с этим, вместо углубления революции надо незамедлительно начать упорядочение аграрной проблемы мирным путем».

(Г. Ласхишвили. Мемуары. 1934, стр. 235).

Соответственно либеральному мировоззрению, Илья был сторонником реформистского пути разрешения аграрного вопроса. Эти его взгляды отличались от взглядов грузинских социал-демократов. Как известно, в принятую в 1903 году программу РСДРП было внесено требование об учреждении на Кавказе крестьянских комитетов. Эти комитеты должны были передать в собственность крестьянам те земли, которыми крестьяне пользовались как хизаны (арендаторы) и временнообязанные. Илья Чавчавадзе стремился превратить крестьян в землевладельцев, что и означало бы окончательное уничтожение остатков крепостничества в Грузии. Однако этот процесс Илья представлял иначе, нежели грузинские социал-демократы, которые добивались удовлетворения требований грузинского крестьянства революционным путем, путем экспроприации земли у грузинского дворянства, что привело бы к разорению грузинской интеллигенции дворянского происхождения и к уничтожению тех национально-культурных учреждений, которые эта интеллигенция содержала на свой счет.

Илья стремился к сближению освобожденного после ликвидации крепостничества грузинского крестьянства с лишенным своих сословных привилегий дворянством. Эти два сословия должны были путем сближения, на основе труда и демократии образовать единое национальное целое — единую грузинскую нацию. Потому-то уничтожить остатки крепостничества в Грузии Илья полагал не путем классовой борьбы, а путем возвращения грузинскому крестьянству его исконных зе-

мель, отобранных царским правительством и превращенных в казенные владения. В своей речи на частном собрании дворянства (6 марта 1905 года) Илья сформулировал эту мысль так: «Государство имеет много земель, которые правительство отобрало у наших грузинских крестьян... Во времена Барятинского нам сказали: освободите крестьян, дайте им землю, а у нас есть два миллиона десятин, кои мы и дадим вам. Мы тогда сглупили и не согласились на это. И в том была наша большая ошибка, которую мы теперь должны исправить. Мы должны потребовать у государства эти земли. Мы знаем, что наш крестьянин никуда не подается... Он прикован к своей земле, которая орошена его кровью, и эти орошенные кровью земли должны быть отданы грузинскому крестьянину, а не переселенцам. ...Пусть отдадут нам, грузинам, отнятые у нас земли, которые ныне присвоены казной... и тогда, вероятно, некоторые из нас и уступят крестьянину кое-что из своих владений с тем условием, что получат взамен казенные земли. И то возможно, что найдутся крестьяне, которые сами пожелают поселиться на казенных землях нашей страны и обосноваться на них, только бы выделили им достаточный участок и окружили бы их такой заботой, какой окружают пришельцев, когда отдают им орошенные грузинской кровью земли».

(И. Чавчавадзе. Полное собр. соч., т. IX, 1957 г., стр. 268—269).

Стремясь избежать антагонизма между крестьянами и землевладельцами дворянского происхождения, И. Чавчавадзе писал в своей статье «Неужели»: «Нынешнее движение должно повернуть в ту сторону, куда это необходимо, и не так, чтобы мы набросились друг на друга и сами же изнутри разрушили свою крепость. Того требует не только счастье и благополучие нашей страны вообще, но и крестьянства в частности». По мнению Ильи, правильное развитие революции для Грузии заключалось в том, чтобы все грузины без различия сословий объединились бы и потребовали автономии.

Идею независимого грузинского государства Илья Чавчавадзе вынашивал еще в 60-х годах XIX века, но после жестокого подавления польского восстания 1863 года взгляды его изменились, и в 80-х годах он поддерживает идею создания автономии Грузии в рамках Российской империи. В одном из документов, сохранившемся в архиве царской жандармерии тех лет, говорится, что «Илья Чавчавадзе и компания журналов «Иверия» и «Имеди» составляют группу либералов, которые

желают автономии Грузии в рамках империи и мечтают о грузинском парламенте».

(А. Бакрадзе. Илья Чавчавадзе, 1984 г., стр. 146—147).

Требование автономии Грузии Илья выдвинул на частном собрании дворянства 6 марта 1905 года, заявив: «Законы нашей страны должны писаться здесь же собранием представителей, избранных нашей же страной».

(И. Чавчавадзе, Полное собрание сочинений, т. IX, 1957, с. 380).

2 апреля 1905 года газета «Цнобис пурцели» сообщала, что 1 апреля с. г. грузинское дворянство преподнесло адрес государю императору Николаю II. В этом адресе грузинское дворянство выражало уверенность в том, что «свободно избранные представители России без различия национальностей приступят ко устройству России и окраинных местностей, в том числе Грузии, которая состоит из Тифлисской и Кутаисской губерний и Батумского, Сухумского и Закатальского округов.

Заботясь об общей пользе и нуждах государства, дворянство выражает уверенность в том, что мирное и культурное развитие грузинского народа будет возможно в том случае, если Грузии, этой неотделимой части России и связанной с нею по собственной воле, будет предоставлено право управления своими собственными законами. Эти законы должны быть установлены местным представительным собранием, избранным населением всей Грузии всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием».

Между требованиями, изложенными в адресе грузинского дворянства Николаю II, и программой конституционал-демократической партии грузинских автономистов, выработанной Ильей Чавчавадзе, связь очевидна.

Для истории создания программы конституционал-демократической партии грузинских автономистов представляет интерес Записка Особой комиссии, избранной Кутаисской городской думой с целью изучения вопроса Грузинской автономии. 15 июня 1905 года Записка была рассмотрена на заседании Кутаисской городской думы, которая и постановила представить ее Совету министров. По мнению Арчила Джорджадзе, «авторы доклада стоят на позиции политической децентрализации и разграничивают компетенцию центральных и местных органов. В компетенции центральных органов должно находиться: издание основных конституционных законов; военное управление; право объявления войны и мира; финансы; таможенные и

внешние вопросы (торговые, международные договоры, дипломатические миссии); признание личных и политических прав (декларация прав человека); печатание денег; государственный долг и др.

В ведении местных органов должны быть: право издания местных законов; сбор налогов; право на независимую администрацию и суд; право введения новых расходов; местное хозяйство, просвещение, открытие школ различного типа; церковь».

В заключение комиссия представила Кутаисскому городскому совету следующую резолюцию:

1. В целях свободного национально-культурного развития нашего народа необходима децентрализация управления;

2. В отношении окраин децентрализация должна выразиться в предоставлении права широкого политического самоуправления, то есть в введении автономии с сохранением государственного единства между входящими в состав Российской империи частями;

3. Автономия Грузии с сеймом в Тифлисе из представителей народа, избираемых всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием, должна опираться на органический статут, который будет выработан местным Учредительным собранием;

4. Конституция Грузинской автономии получает утверждение в общерусском парламенте;

5. Грузия, состоящая ныне из Тифлисской и Кутаисской губерний, Закатальского и Сухумского округов и Батумской области, представляет одну автономную единицу;

6. Все народности, живущие в Грузии и составляющие в ней меньшинство, пользуются равными правами;

7. Для участия кавказских народностей в центральном законодательном собрании желательно при решении вопроса об избирательной системе принять территориальную группировку;

8. Необходим немедленный и одновременный созыв все-русского и местных (на окраинах) учредительных собраний на основе всеобщей, без различия пола и национальностей, прямой, тайной и равной подачи голосов. Учредительное собрание для Грузии должно быть создано в городе Тифлисе.

Сравнение резолюции, представленной этой комиссией, с текстом составленных Ильей Чавчавадзе «изменений и дополнений» и проектами программы конституционал-демократиче-

ской партии грузинских автономистов и самой программой свидетельствует о широком идейном единодушии грузинской либеральной интеллигенции дворянского происхождения по вопросу создания Грузинской автономии. В среде этой интеллигенции всегда жила идея того, что упразднение правительством царской России в 1801 году Картли-Кахетинского царства нарушило условия Георгиевского трактата 1783 года и создание Грузинской автономии в рамках Российского государства, в историческом плане, явилось бы, по существу, восстановлением этих условий.

По этому поводу Арчил Джорджадзе писал: «Илья хотя и был сторонником Грузинской автономии, но установления этой автономии он ожидал от трона. Этого направления придерживался целый ряд наших лучших общественных деятелей» (Арч. Джорджадзе, Соч. кн. II, 1911, с. 223—224).

Идея Грузинской автономии в рамках Российского государства впервые в Грузии была сформулирована в программе партии социал-федералистов в 1904 году. Но социальный путь, который должен был привести грузинскую нацию к автономии, федералистам и Илье Чавчавадзе представлялся по-разному. Программа партии федералистов была социалистической и, исходя из этого, революционной, а программа созданной Ильей партии — либеральной и, следовательно, буржуазно-реформистской.

Как либерал, Илья Чавчавадзе стоял во главе внеклассового, очищенного от остатков феодальных привилегий грузинского национал-демократического движения (подразумевается грузинская нация без различия сословий и классов — Г. М.), конечной целью которого было утверждение европейской демократии (то есть буржуазной демократии — Г. М.) в неразвитой с капиталистической точки зрения Грузии.

В России 1905—1907 годов было три политических лагеря. Первый — царское самодержавие с его чиновниками; второй — либералы; и третий — социалисты. Илья Чавчавадзе принадлежал к лагерю либералов.

Вне преобразования царского самодержавия в конституционную монархию создание Грузинской автономии, как ее представлял себе Илья Чавчавадзе, было невозможно. Вследствие этого он боролся против самодержавия. С другой стороны, так как предлагаемый Ильей европейский путь развития представлял собой альтернативу революционного преобразования Грузии, он боролся и против грузинских социалистов и осо-

бенно — против социал-демократов, которые были противниками Грузинской автономии. По мысли Ильи Чавчавадзе, Грузия на пути превращения в суверенное государство должна была пройти сперва через буржуазно-демократическую автономию в рамках Российской конституционной монархии, и история создания программы партии конституционал-демократов грузинских автономистов является выражением этих политических идеалов Ильи Чавчавадзе.

Публикация и интерпретация Гурама МАМУЛИА

ХРОНИКА

МАРДЖАНОВЦЫ — ИЛЬЕ

НА сцене Тбилисского академического театра имени К. Марджанишвили идут репетиции спектакля, посвященного 150-летию Ильи Чавчавадзе.

Постановку, основанную на

документальных материалах, осуществляет главный режиссер театра народный артист Грузинской ССР Темур Чхеидзе.

Премьера спектакля намечена на вторую половину октября.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

О СВОБОДИТЕЛЬНОЕ движение в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX века широкой волной прокатилось по всей империи, охватив все ее население. Революционная ситуация, характерная для центральной России, стала проявляться и в Грузии. Русско-турецкая война привела к окончательному разорению и упадку хозяйства, к обнищанию грузинского крестьянства.

В этих условиях формировалось мировоззрение шестидесятников — «тергдалеули».

Взоры передовой молодежи Грузии были обращены к Петербургу — центру революционно-демократической мысли. В 1857 году в Петербургский университет поступил будущий признанный лидер грузинских шестидесятников Илья Чавчавадзе. Вскоре студентами университета стали А. Церетели, Г. Церетели, Н. Николадзе, К. Лордкипанидзе и другие. Но они не ограничивались слушанием лекций либеральной профессуры университета, поиски путей будущего справедливого устройства общества привели их к революционным демократам и «Современнику».

Революционная атмосфера Петербурга тех лет, деятельность Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича и других, чтение «Современника», «Колокола», «Полярной звезды», различных зарубежных изданий и запрещенной литературы не могли не наложить своего отпечатка на формирование мировоззрения И. Чавчавадзе и грузинского кружка.

Вот как охарактеризовал И. Чавчавадзе эпоху шестидесятых годов: «Прозревшая Россия... нашла, что источником ее недугов является строй и уклад самой жизни, раз и

навсегда принятые и утвердившиеся без обновления». На этой почве, по мнению И. Чавчавадзе, возникло т. н. «отрицающее направление», зиждящееся на критическом отношении к прошлому. Пафос этого направления состоял в отрицании всего обветшалого, устаревшего, задерживающего развитие общества. Деятели, создавшие «отрицающее направление», — отмечает И. Чавчавадзе, — вышли из среды, «именуемой мыслящим обществом», они боролись за новое, передовое, за лучшие идеалы народа¹.

Нет сомнения, что говоря о «мыслящем обществе», И. Чавчавадзе имел в виду революционеров-демократов, ибо «вождем этого нового направления» он считал «славный «Современник»».

Четыре года, проведенные в Петербурге, не прошли даром. Сам Илья с полным основанием считал их «золотыми годами», «фундаментом, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмою».

Он воочию увидел две России. Россию отсталую, Россию Романовых,двигающуюся вперед на скрипучей повозке, так образно нарисованной писателем в «Записках путника», и Россию Чернышевского и «Современника», борющуюся против первой.

Первая же статья И. Чавчавадзе «Несколько слов о переводе князя Реваза Шалвовича Эристави «Безумной» Козлова», пересланная из Петербурга и напечатанная в журнале «Цискари», была проникнута новыми революционными идеями. Пафос статьи заключался в отрицании уклада интеллектуальной жизни грузинского дворянства, отживших литературных течений — классицизма и сентиментализма, в утверждении критического реализма в грузинской литературе.

Опираясь на эстетику и практику революционных демократов, И. Чавчавадзе теоретически обосновал необходимость развития критического реализма в грузинской литературе и сближения литературы с народом. Характерно, что идейные противники старшего поколения не преминули отметить родство литературно-общественных взглядов И. Чавчавадзе со взглядами революционеров-демократов. Один из представителей консервативного лагеря Г. Баратов в «Письме к редактору» журнала язвительно замечал, что И. Чавчавадзе под-

¹ «Летопись дружбы грузинского и русского народов», изд., II, Тб., 1967, с. 373.

готовился в Петербурге, как Дон Кихот, левой рукой — он вместо щита взялся за тома Белинского и, вооружившись таким образом, ополчился на Грузию, дабы силой завладеть лавровым венком. Статья И. Чавчавадзе «Несколько слов...», в которой был поставлен ряд актуальных для грузинской литературы и общественной жизни вопросов, стала первым шагом в деле обоснования критического реализма в грузинской литературе.

Революционные демократы считали, что литература критического реализма может стать оружием в борьбе за справедливое устройство общественной жизни. Поэтому они уделяли большое внимание созданию теории критического реализма. Опираясь на опыт русской и западноевропейской литератур, революционные демократы сформулировали ряд теоретических положений, легших в основу развития критического реализма.

Еще Белинский писал о том, что назначение искусства состоит в верном изображении жизни. В одиннадцатой статье из цикла «Александр Сергеевич Пушкин» он отмечал: «...жизнь, лишь бы искусство верно воспроизводило ее, всегда высоко для нас занимательна и... люди, ищущие в произведениях искусства только эффектных сюжетов, не понимают ни жизни, ни искусства»¹.

Белинский требовал от искусства изображения жизненной правды, которая может выразиться только в критическом отношении к существующей действительности.

Критический реализм соответствовал и мировоззрению грузинских шестидесятников. Отрицательные стороны общественно-политической жизни Грузии давали достаточно материала для призыва к борьбе против существующего строя. На долю И. Чавчавадзе выпала задача — исходя из опыта родной литературы обосновать необходимость развития критического реализма.

В статье «Несколько слов...» И. Чавчавадзе громко заявил, что довольно литературе услаждать «избранное» общество. «Поэзия — воплощенная в образах истина, жизнь, а не цепь бестолково чередующихся рифм»². И. Чавчавадзе напоминал, что любое художественное произведение должно быть

¹ В. Г. Белинский, собр. соч., в 3-х томах, т. 3, М., 1948, с. 597.

² И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 3, с. 22 (на груз. яз.).

связано с жизнью и отображать ее явления. Задача литературы состоит в том, чтобы вынести на суд читателя отрицательные стороны действительности, вдохновляя его на борьбу с ними. «Как мы можем исправиться, не зная своих ошибок? Пусть появится в Грузии хоть несколько человек, способных описать и показать нам разом все наше зло... Вот они-то и будут друзьями отчизны, действительно заслуживающими похвалы, а вовсе не те, кто от чрезмерной, приторной любви пытаются вывести Грузию безгрешной. Познать зло — значит наполовину его исправить»¹.

Художественное творчество самого И. Чавчавадзе было блестящим примером критического воплощения действительности. Он с полным основанием писал:

**Пусть говорят: «Он о грузинах твердит худое,
Он не таит пороков наших, в нем дышит злоба».
То шум невежд! И только сердце поймет родное,
Что в злых словах любовь таится, любовь до гроба.**

Назрела необходимость развенчать антиреалистические литературные течения, приверженцы которых упорно боролись против реализма. Некоторые писатели старшего поколения даже тогда, когда реализм стал очевидным фактом литературы, продолжали отстаивать классицизм и сентиментализм. Именно о них И. Чавчавадзе писал: «Быть может, они думают, что наша литература не возродится, не повторив в своем развитии ложь и заблуждения былых времен?».

Известно, что Белинский в 40-е годы подверг уничтожающей критике сентиментализм и классицизм, которые он считал пройденным этапом русской литературы.

Суждения И. Чавчавадзе о сентиментализме фактически совпадали со взглядами Белинского. Увлечение русской читающей публики произведениями Карамзина и других представителей сентиментализма И. Чавчавадзе объяснял отсталостью литературного вкуса читателей.

Критика Козлова и его «Безумной» для И. Чавчавадзе не являлась самоцелью. Козлова он критиковал как представителя сентиментализма. И. Чавчавадзе писал: «Если человеку хочется перевести что-нибудь с русского, как можно забыть Пушкина, Лермонтова, Гоголя и обратиться к слезливому

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 3, с. 26.

Козлову?»¹. Он справедливо считал, что для грузинского читателя интересными, близкими и понятными могли быть именно Пушкин, Лермонтов, Гоголь, сумевшие воплотить в своем творчестве думы и чаяния народа.

Понятие народности литературы революционные демократы связывали с разработкой теории критического реализма. Белинский подчеркивал: «Если изображение жизни верно, то и народно»². Такого взгляда придерживался и И. Чавчавадзе. Народность, по его мнению, не означает изображения нравов и обычаев народа. Использование в произведении народных поговорок, сказаний, песен, сказок — вовсе не подразумевает его народности. Суть народного произведения заключается в том, чтобы постичь дух, мысли и надежды народа.

И. Чавчавадзе считал, что поэме Козлова не присущи черты народности, ибо такие атрибуты, как колокольчик, сани и ямщик не могут сделать поэму народной, если ей не свойственно проникновение в душу народа. «Хотя на «Безумной» есть пометка — «Русская повесть», — пишет И. Чавчавадзе, — но в повести этой разве только язык, колокольчик, сани да ямщик русские... и сколько бы ни читал, а все-таки не узнает грузин... русскую деревенскую девушку, потому, что эта помешанная девушка — дитя фантазии Козлова, а не русской жизни»³.

Во второй статье «Ответ», который был также напечатан в журнале «Цискари», в ответ на статьи, защищавшие старые, отживающие свой век положения, И. Чавчавадзе открыто выступил с позиций революционно-демократической эстетики. Характерно, что если противники, имея целью унижить, обвиняли его в приверженности идеям Белинского, И. Чавчавадзе с гордостью цитирует великого революционера-демократа, считая для себя честью разделить передовые учения эпохи.

Эпиграфом к статье «Ответ» И. Чавчавадзе предпослал слова Белинского и в самой статье привел пример из работ Белинского как образец, достойный подражания: «Нужна, присмотритесь к статьям Белинского, где он говорит о бездарных писателях и, между прочим, о Булгарине и бароне Брамбесе»⁴.

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 3, с. 12.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, с. 224.

³ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.

⁴ Там же, с. 47.

Очевидная общность взглядов И. Чавчавадзе со взглядами В. Г. Белинского была замечена редакцией журнала, которая под давлением влиятельных реакционных сил дала к статье примечания, где, между прочим, отмечалось, что «Влияние Белинского видно в каждом слове», что такой «эпиграф неуместен», что в Грузии нет почвы для подобной критики, что г. Чавчавадзе подражает Белинскому, а Белинские у нас не нужны¹.

В своем «Ответе» И. Чавчавадзе отстаивал и развивал взгляды, высказанные в статье «Несколько слов...», и, кроме того, впервые коснулся вопроса о специфике искусства, решая его в революционно-демократическом духе.

Искусство и литературу революционные демократы рассматривали как формы познания действительности. Это известное положение революционно-демократической эстетики поддерживал и И. Чавчавадзе. Кроме того, революционные демократы разработали проблему специфики искусства. Еще в статье «Идея искусства», написанной в 1841 году, Белинский выдвинул известное положение о том, что «искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах»².

Такую трактовку специфики искусства приняли и развили Чернышевский и Добролюбов, из нее исходили и грузинские революционные демократы.

В 1863 году И. Чавчавадзе начинает выпускать журнал революционно-демократического направления «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), который сыграл выдающуюся роль в развитии общественной мысли и литературы в Грузии. Идеи борьбы за социальное и национальное равноправие, составлявшие суть публицистических, литературно-критических статей и художественных произведений журнала, отражали революционную ситуацию в Грузии того периода.

Многими была подмечена и проводилась не без оснований параллель между «Сакартвелос моамбе» и «Современником». Материализм в философии, революционный демократизм в политических взглядах, критический реализм в литературе — вот что послужило основанием для такого сравнения.

Известно, что в России литература была той областью духовной жизни народа, которая даже в условиях жесточайшего полицейского режима давала единственную возможность

¹ «Цискари», 1861, № 5.

² В. Г. Белинский, Собр. соч., в 3-х томах, т. 2, с. 67.

для пропаганды материалистических и революционно-демократических взглядов¹.

Такое же положение дел было в российских провинциях, в частности в Грузии, где народ подвергался не только социальному, но и национальному гнету. Несмотря на то, что в Грузии цензура была значительно строже, чем в Петербурге и Москве, в литературе была возможность высказать живую мысль.

По этой причине, следуя примеру русских революционных демократов, И. Чавчавадзе уделял огромное внимание развитию литературы и журналистики — этим и были обусловлены старания И. Чавчавадзе издать свой журнал, который позволил бы довести до читателя революционно-демократические идеи.

В программной статье, которая, как справедливо отмечено в истории журналистики, во многом обязана редакционному заявлению «Современника»², излагаются материалистические положения в философии, основополагающие взгляды по теории критического реализма. С точки зрения материалистической философии в ней решается вопрос об отношении искусства к жизни. «Жизнь — это корень, а наука и искусство — побеги, тянущиеся из него»³. Илья тем самым отвергает теорию так называемого «чистого искусства» и на литературу и искусство смотрит, как «на средство улучшения жизни».

В ряде случаев мысли, высказанные в программной статье, предельно близки отдельным положениям революционных демократов.

Но это отнюдь не говорит о неоригинальности положений, сформулированных И. Чавчавадзе. Он никогда не следовал слепо за авторитетами. Взгляды, привлекающие его внимание, перерабатывались в соответствии с потребностями родной литературы, имея в своей основе чисто грузинское содержание.

Пропаганде революционно-демократических взглядов на литературу и искусство посвящены фельетоны И. Чавчавадзе «Беседа Спиридона и Тадео́за» за подписью «Спиридон Чито-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., и писем, т. VI, 1919, с. 350.

² Ал. Каландадзе, «Сакартвелос моамбе», 1963, с. 292.

³ И. Чавчавадзе, Полн. собр., соч., т. 3, с. 62—63.

релидзе»¹. В этих фельетонах мы находим критический разбор произведений, напечатанных в «Цискари», в свете традиции революционных демократов. В фельетоне восьмого номера журнала, в котором излагаются взгляды о сути и назначении поэзии, приводится перевод многочисленных выдержек из статьи В. Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова».

В журнале опубликованы «Взгляды Белинского о воспитании детей»². Статья состоит из переводов отрывков рецензий Белинского на «Подарок на Новый год» Гофмана и «Детские сказки дедушки Иринейя» В. Одоевского.

Значительным явлением следует считать публикацию в первом же номере журнала сочинения Н. А. Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповедь»³, в котором отчетливо видно отношение революционных демократов к национально-освободительному движению. В условиях развернувшейся в Грузии национально-освободительной борьбы многое в статье русского революционера-демократа было созвучно настроениям передовых деятелей Грузии. Об этом говорит и тот факт, что спустя несколько месяцев после опубликования указанной статьи, в пятом номере журнала читаем: «Великая смута в Италии выдвинула идею нации, народности; на ее требованиях, читатель, лежит печать истинного мировоззрения тергдалеули». И. Чавчавадзе снабдил этот перевод примечаниями к словам, таким, как, например, республика, революция и т. д., цель которых состояла не только в разъяснении текста, но и углублении революционного пафоса статьи.

Революционно-демократическое мировоззрение наложило свой отпечаток и на художественное творчество И. Чавчавадзе. С особой симпатией относился И. Чавчавадзе к поэзии Н. А. Некрасова. Еще при жизни И. Чавчавадзе, в 1883 году, отмечали идейную близость таких его произведений, как «Слышу, слышу», «Рабочий», «Пахарь», «Разбойник Како», «Рассказ нищего», с поэзией Некрасова: в них «слышны не-

¹ Долгое время, начиная с первого советского издания собрания сочинений И. Чавчавадзе, шла полемика с целью установления авторства «Беседы Спиридона и Тадеоза». Исследования последних лет проф. Ал. Каландадзе окончательно убеждают, что автором этих фельетонов является И. Чавчавадзе.

² «Сакартвелос моамбе», № 9.

³ Там же, № 1.

красовские мотивы, видно влияние певца народного горя и печали»¹. Большое значение имели сходные социальные условия, в которых создавались произведения Некрасова и И. Чавчавадзе, нельзя сбрасывать со счетов и то, что творчество И. Чавчавадзе формировалось в период особого увлечения молодежи поэзией Некрасова. Тот факт, что эпиграфом к стихотворению «Рабочий» И. Чавчавадзе взял слова Некрасова:

**«В труде проходит жизнь его
и не приносит ничего»,**

в какой-то степени уже говорит об идейной близости. В связи со смертью Н. А. Некрасова «Иверия», которая редактировалась И. Чавчавадзе, отмечала, что стихи Некрасова оказали большое влияние не только на русскую молодежь, но и на учащуюся молодежь Грузии, что поэзия Некрасова повлияла на дальнейшее развитие не только русской литературы, но и в грузинской литературе есть много его последователей².

Идейную связь с передовой русской мыслью, плодотворное воздействие русской литературы на грузинскую И. Чавчавадзе считал положительным явлением. Иначе и не могло быть, ибо в силу закономерности исторического развития взаимосвязь и взаимообогащение литератур различных народов — естественное явление.

В 1889 году, оглядываясь на пройденный грузинской литературой путь, И. Чавчавадзе отмечал как факт идейную связь с передовой русской мыслью, плодотворное воздействие воззрений революционных демократов и русской литературы в целом. «Русская литература, безусловно, оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала большое воздействие на все то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль... нет среди нас сегодня ни одного деятеля на поприще литературы или общественной жизни, не испытавшего на себе воздействия русской литературы», но, отмечал он, воспринимая лучшие и передовые идеи русской общественной мысли и литературы, грузинские дея-

¹ Вл. Микеладзе. Критический очерк, влияние русской жизни на грузинское общество и литературу. Тбилиси, 1883, с. 11.

² «Иверия», 1878, № 2.

тели были далеки от слепого подражания. Для них приемлемо было только то, что отвечало перспективе развития национальной самобытной литературы¹.

Известно, что основная цель революционно-демократического движения в России заключалась в свержении царской власти и ликвидации крепостного права путем вооруженного восстания, революции. При этом руководители революционно-демократического движения рассчитывали на поддержку со стороны окраин Российской империи, в частности — Польши и Кавказа, ибо они были убеждены, что народы Польши и Кавказа только революционным путем могли бы избавиться от крепостного права и колониального гнета. «Все наши стремления, наши усилия идут к тому, чтобы независимость нерусских народов и свободу народа русского основать на совокупном братском действии против петербургского деспотизма», — писал А. И. Герцен². Поэтому деятельность грузинских революционных демократов являлась частью этого все-русского движения.

И. Чавчавадзе и его соратники максимально использовали художественное творчество и публицистику для пропаганды революционных идей. Красной нитью в художественных произведениях И. Чавчавадзе проходит идея восстания народов Кавказа. В поэме «Видение» он призывает народы Кавказа объединиться для всеобщей победы:

**И вознесенный до небес Кавказ,
С народами его и племенами,
Оковы сбросит, — и в тот самый час
Его свобода озарит лучами.**

Эта идея пронизывает и поэму «Мать и сын», в которой старая больная женщина жертвует единственным сыном, благословляя его на участие в этом восстании:

**Проснулась Грузия, родной народ восстал.
Восстал родной народ от Каспия седого
До черноморских вод, замыслив в добрый час
Освободить от мук великий наш Кавказ.
Благословен народ, свой меч поднявший снова!**

¹ Летопись дружбы грузинского и русского народов, изд. II, Тб., 1967, с. 375.

² А. И. Герцен, т. 22, с. 21.

В ряде произведений 60-х годов И. Чавчавадзе создает образы борцов против крепостного права. Како, Закро («Разбойник Како»), Габро («Рассказ нищего») с оружием в руках борются против социального зла.

И. Чавчавадзе считал, что без кровопролитной борьбы свободы достичь невозможно.

Руку, воин, на клинок!

Позабудь былые беды,

Час сражения недалек,

Наступает день победы!

И. Чавчавадзе был убежден, что важнейшей задачей XIX века является «освобождение труда», что отживший старый мир не устоит перед «вихрем обновления», и обязательно «падут оковы».

И. Чавчавадзе мечтал о создании общества, в котором будет царить свободный труд, общества без угнетателя и угнетенных. «Пусть слово «революция» не пугает тебя, читатель, — писал И. Чавчавадзе в «Сакартвелос моамбе», — революция для того и существует, чтобы принести мир¹. В поэме «Видение» мир, принесенный революцией, рисуется поэту, как мир освобожденного труда:

И по таланту каждому за труд

Воздаст он всем равно и справедливо.

И нищета пройдет, и всем на диво

Овца и волк в согласье заживут.

В условиях Грузии борьба против социальной несправедливости тесно переплеталась с национально-освободительным движением. И. Чавчавадзе внимательно следил за ходом национально-освободительного движения в Италии под руководством Гарибальди и перипетиями Парижской Коммуны. Воспевая борьбу Гарибальди, он не скрывал своей надежды, что подобное произойдет и на его родине («Слышу, слышу»). В падении Парижской Коммуны он увидел замедление хода истории («День падения Коммуны»). Когда И. Чавчавадзе писал: «Найти свободу — выше всякого достоинства» и призывал взять в руки оружие во имя победы — это воспринималось,

¹ И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. II, 1951, с. II (на груз. яз.).

как призыв к борьбе против социального и национального гнета.

В программе грузинских революционных демократов значительное место занимал национальный вопрос. Народ, подвергающийся национальному гнету, не может обрести счастье свободного труда. Поэтому в отдельные периоды, как, например, в 80-е годы, когда царское правительство усугубило политику насильственной русификации, когда в учебных заведениях Грузии было запрещено преподавание родного языка, в программе грузинских революционных демократов национальный вопрос занимал главенствующее место.

В деятельности русских революционных демократов национальный вопрос не был ведущим, ибо русский народ не подвергался национальному гнету, но борьба угнетенных царизмом нерусских народов находила самую горячую поддержку с их стороны. «От Урала до Вислы, от Архангельска до Одера империя представляется различными племенами со своими местными потребностями, со своими условиями, связанными вместе одинаковым рабством и, следовательно, одной внутренней необходимостью освобождения», — писали Герцен и Огарев¹.

Взгляды Н. Г. Чернышевского по национальному вопросу ясно были изложены в его статье «Национальная бестактность», и о симпатиях великого революционного демократа к Грузии нетрудно догадаться по его отношению к учащейся в Петербурге грузинской молодежи, а также из рецензии на сборник «Зурна», в которой он приветствовал новое тбилиское издание и предсказывал лучшее будущее грузинской литературе и культуре.

Таким образом, пути решения национального вопроса, изображение национально - освободительного движения, борьбы за самобытность народов сближали И. Чавчавадзе с русскими революционными демократами в общей борьбе против «петербургского деспотизма». Поэтому известный грузинский педагог, писатель и общественный деятель Я. Гогобашвили с полным основанием писал: «Наши патриоты... жаждут того же самого, что пожелали бы, живя в нашем краю, Белинский, Добролюбов, авторы романов «Кто виноват» и «Что делать?», Щедрин и другие»².

¹ «Колокол», 1862 г., № 705.

² Я. Гогобашвили, Избр. произв., т. II, с. 114 (на груз. яз.).

К ЮБИЛЕЮ ИЛЫ

По решению Республиканской юбилейной комиссии по празднованию 150-летия со дня рождения И. Чавчавадзе (председатель комиссии — первый секретарь ЦК Компартии Грузии Дж. И. Патиашвили) 23 октября состоится торжественное юбилейное заседание. Оно будет проходить в Большом зале Грузинской государственной филармонии.

На заседании выступили: председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили, первый секретарь Кварельского райкома Компартии Грузии И. Молашвили, первый секретарь Мцхетского райкома Компартии Грузии Г. Лоладзе, секретарь Тбилисского горкома Компартии Грузии Н. Лагидзе, первый заместитель председателя Госкомиздата Грузии Э. Сихарулидзе, начальник Главного научно-производственного управления по охране и использованию памятников истории, культуры и природы при Совете Министров Грузинской ССР И. Цицишвили, председатель Госкино Грузии А. Двалишвили, секретарь правления Союза писателей Грузии Дж. Чарквиани, вице-президент Академии наук Грузинской ССР Г. Джибладзе, директор Музея дружбы народов В. Жоржолиани, министр высшего и среднего специального образования Грузинской ССР Д. Чхиквишвили. Они рассказали о

подготовке к юбилейным торжествам.

Известные писатели из всех братских республик, а также и из многих зарубежных стран выразили желание участвовать в юбилее.

Намечены следующие мероприятия: выездное заседание секретариата Союза писателей СССР, объединенная научная сессия Академии наук Грузинской ССР, Тбилисского государственного университета, Музея дружбы народов и Института грузинской литературы имени Ш. Руставели, международная конференция писателей на тему «Судьба современной цивилизации и мировые литературы».

В Тбилиси будут открыты выставки документов о жизни и творчестве писателя. Произведения Ильи Чавчавадзе выйдут на грузинском, русском, абхазском, осетинском и других языках.

На экраны страны вскоре выйдет документальный фильм об Илье, а в дни юбилея в кинотеатрах будет демонстрироваться художественные ленты, снятые по его произведениям.

Создаются и мемориальные музеи — в доме, где помещалась редакция газеты «Иверия», и в доме на улице Орджоникидзе, где жил Илья.

Итоги заседания Республиканской комиссии подвел Д. Патиашвили.

В заседании участвовали секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе, первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Дж. Маргвеладзе.

то, судя по наличию книг на сегодняшний день, в библиотеке сравнительно мало французских материалов, хотя в ней имеются книги Мольера, Руссо, Золя и других авторов.

Довольно основательно представлены в библиотеке литературоведческие источники. В них входят работы русских исследователей, а также изданные на русском языке книги различных европейских авторов. Их можно условно разделить на несколько групп: 1) очерки из серии «Жизнь замечательных людей» — о Данте, Боккаччо, Мольере, Свифте, Лессинге, В. Скотте, Мицкевиче; 2) работы теоретического характера — А. Бэн. Стилистика, М. 1886; В. А. Воскресенский. Поэтика, СПб., 1885; А. Давид-Соважо. Реализм и натурализм. М., 1891; М. Каррьер. Искусство в связи с общим развитием культуры, тт. 1—4, М., 1870—1874; И. Тэн. Критические опыты, СПб., 1869; Пио Ферриери. Лекции по теории искусства вообще и поэзии в частности, СПб., 1888; Н. Г. Чернышевский. Эстетика и поэзия, СПб., 1893 и др.; 3) книги по истории зарубежной литературы — многотомная Всеобщая история литературы под редакцией В. Корша и А. Кирпичникова, СПб., 1880—1888; двухтомная Всеобщая история литературы И. Шерра, СПб., 1879—1880; из других наиболее интересных источников — Г. Брандес. Главные течения литературы XIX столетия, М., 1881; Вилльмен. История литературы средних веков, т. т. 1—3, М., 1836; И. И. Гонеггер. Очерк литературы и культуры XIX столетия, СПб., 1867; имеются также специальные исследования по истории античной литературы, которые не входят в сферу данной статьи; и, наконец, 4) монографии, посвященные творчеству отдельных авторов: Гервинус, Шекспир. СПб., 1862; Н. Г. Чернышевский. Лессинг. СПб., 1857; Куно Фишер. Лессинг. М. 1882; В. Д. Спасович. Байрон, СПб., 1885 и др. В библиотеке имеется также ряд работ по всеобщей истории и истории отдельных европейских стран.

Уже самый состав библиотеки свидетельствует о серьезном интересе писателя к зарубежной культуре. Многие книги испещрены пометками автора. Карандашные линии встречаются на полях и в самом тексте. Иногда, например, в историях литературы подчеркнуты ключевые слова — даты, собственные имена, названия произведений, то есть сделаны пометки, которые помогают в непосредственной работе над текстом. Это — свидетельство того, как внимательно изучал писатель данные источники.

Интерес для изучения представляют пометки, в которых выделены мысли, определения, привлечшие внимание писате-

ля. Во многих случаях номера таких страниц выписаны на переплете книг.

Встречаются маргиналии различные по характеру. Иногда в них выражено отношение Ильи Чавчавадзе к прочитанному, в других случаях приписаны параллели и сравнения. Все эти пометки позволяют определить основные проблемы, особенно интересовавшие писателя, на которые при чтении работ разных авторов он постоянно обращал внимание.

Что касается художественной литературы, то здесь круг интересов Ильи Чавчавадзе очень широк. Об этом можно судить и по составу библиотеки, и по отмеченным в историях литературы местам. В библиотеке достаточно представлены крупные писатели разных эпох. В книгах этих много пометок, относящихся к эпохе Средневековья. Внимание Ильи привлекали древние мифы, в которых можно видеть «первоначальную деятельность творческой фантазии и мысли»¹ (М. Каррьер, 1, 45). Его интересуют также древние эпические памятники, авторы куртуазных романов и образцы городской средневековой литературы. Обычно подчеркнуты места, где идет речь о начале письменности, о разных системах записи, о фонетической азбуке. «Разве не великим было открытием, что слова состоят из немногих в сущности звуковых элементов, на разнообразном сопряжении которых основано все богатство языка» (Каррьер, 1, 81).

Надо помнить, что Илья Чавчавадзе жил в эпоху, когда наука быстрыми шагами двигалась вперед, когда были достигнуты огромные успехи во всех областях знания и влияние научных методов отразилось и на литературе, и на литературной критике. Сам Чавчавадзе в своей статье «Молодым любителям поэзии» (1886) проводит мысль о необходимой связи поэта с наукой, которая только и может помочь разобраться в великой книге природы; поэт должен сам учиться, приобщаться к науке, чтобы потом передать что-либо другим. Художник не может полагаться только на свое вдохновение; как посредник между человеком и вселенной, он должен быть на высоте современных знаний.

Отсюда понятно, что и в книгах по литературоведению писатель пометил ряд мест, где речь идет о роли науки в современной жизни и искусстве: «В такое время, как наше, открыт

¹ В виде цитат в статье приведены только места, подчеркнутые Ильей Чавчавадзе. В скобках указаны автор и страница вышеназванных книг из библиотеки писателя.

только один путь — путь науки, которая одна может дать путеводную нить для выхода из лабиринта сомнений» (Гонеггер, 368). «Между искусством и наукой (говорит Спенсер) в природе не существует разлада, но высшее искусство основано на науке, потому что без науки немислимо существование ни совершенного произведения, ни точной его оценки» (Пио Ферриери, 96). Работы Герберта Спенсера, популярные в то время, были известны Илье Чавчавадзе, ибо в библиотеке имеются две книги английского автора с его пометками.

Но было бы неправильно думать, что в заметках Чавчавадзе доминирует преклонение перед научными методами. «У фантазии есть свои собственные законы», — подчеркнуто в «Разговорах Гёте, собранных Эккерманом», часть II, стр. 6) а в книге Г. Брандеса отмечено место, где с возмущением говорится, что в произведениях современных авторов в результате тщательного анализа «любовь утратила свой сверхъестественный характер и ее перестали обоготворять. В ней вместо поэзии открыли психологию» (стр. 47). Отмеченные нижеследующие строки говорят об отношении Ильи к прекрасному: «Назначение человека не ограничивается одним полезным. Если из человеческой жизни вычеркнуть все прекрасное и все поклонение этому прекрасному, то вы вскоре увидите, что земля есть не что иное, как свиной хлев, в котором нет места богам, вдохновению, искренности чувства» (И. Шерр. Человеческая трагикомедия, М., 1877, с. 38).

Проблема искусства, его роли в жизни, взаимосвязи различных его областей постоянно привлекала внимание Ильи Чавчавадзе. «Назначение искусства — помочь нам ориентироваться в области прекрасного» (Лессинг. Гамбургская драматургия, М., 1883, стр. 345); «живопись — немая поэзия, а поэзия — говорящая живопись» (Лессинг. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М., 1859, стр. IV); «настроение, в которое приводит нас архитектура, весьма близко к впечатлению от музыки» («Разговоры Гёте», II, 155).

В ряде источников Ильи Чавчавадзе подчеркивает места, в которых проводится мысль о неразрывной связи искусства с жизнью: «Искусство — это зеркало человеческой жизни» (Г. Гейне. Соч. т. V, СПб., 1865, стр. 194). Отсюда неприятие «продажной литературы», которая не заботится о будущем, «думая только о том, чтобы наделать шума нынче» (Гонеггер, 274). Сам Чавчавадзе резко отрицательно относился к подобной модной литературе. В «Ответе», написанном по поводу грузинского перевода поэмы Козлова «Безумная», он сделал эпи-

графом слова Белинского о литературе, в которой «энергию хотят заменить вежливостью, чувство — приличием, мысль модною фразою, изящество — щеголеватостью, критику комплиментами». Поэтому вполне понятно, что Чавчавадзе обратил внимание на то место в произведении Гейне «Романтическая школа», где говорится о писателях молодой Германии, которые «не допускают различия между жизнью и литературной деятельностью... и в одно и то же время являются художниками, трибунами и проповедниками правды» (Г. Гейне, т. V, 340).

Многое в сделанных пометках воспринимается как отражение интересов самого Ильи, его раздумий над писательским трудом. В «Разговорах Гёте» отмечено: «Не важно писать много; некоторые немецкие поэты писали много, но будут забыты» (II, 61); и далее о задачах, стоящих перед писателем: «Нам всем приходится учиться и у тех, кто жил раньше нас, и у тех, кто живет вместе с нами. Даже величайший гений не далеко бы ушел, вздумай он быть обязанным всем только самому себе» (там же, стр. 387).

В истории литературы Гонеггера Илья Чавчавадзе, написавший в 1887 году специальную статью о необходимости развития грузинской критической литературы, подчеркнул слова о том, что «истинно художественная критика» исходит не из отрывочных мест, но «отыскивает дух художественного произведения» (стр. 87). В том же источнике его заинтересовали размышления о лирической поэзии, которая «в последние десятилетия быстро и гордо возносится на удивительную высоту» (стр. 334). Он интересуется вопросами стихосложения разных периодов и разных народов, обращает внимание на проблему создания характеров, в которых надо «не забывать второстепенных свойств и принимать во внимание ту общую гармонию и соотношение частей, какие требуются при изображении человека» (Лессинг. Гамбургская драматургия, стр. 454). В работе А. Бэна о стилистике подчеркнуты места, где разбираются художественные приемы, где автор излагает свои мысли о ясности, простоте и краткости подлинно хорошего стиля письма; в книге И. Тэна отмечено, что «самый лучший слог есть искусство заставить себя слушать и быть понятным» (стр. 99), а в сочинениях Людвиг Бёрне (I том, стр. 154) — что «без остроумия, будь вы величайший писатель, вам не подействовать на человечество».

Особенно волнует Чавчавадзе вопрос о специфических чертах искусства разных народов. «Каждый народ имеет свою

манеру выражаться, свои привычные обороты речи, свой излюбленный круг поэтических образов; то, что имеет право гражданства в одном языке, может быть чуждо или непривычно для другого» (От переводчика, в книге А. Бэна, стр. VIII). По подчеркнутым в тексте словам «каждый народ» явно чувствуется, что мысль писателя направлена к своему народу, к своей культуре.

Та же направленность характеризует и другие пометки писателя, и сделанные им приписки. Мысль его не раз обращается и к Руставели. В книге Г. Брандеса, там, где речь идет о французских романах начала XIX в., как параллель к рассуждению о чувстве и долге, на полях приписаны имена героев «Витязя в барсовой шкуре» (стр. 69). А имя самого Руставели приписано к следующему высказыванию Гёте: «Овладеть надежным образом своим сюжетом, сдержать себя и сосредоточиться только на вполне необходимом — все это требует сил поэтического таланта и труднее, чем думают» («Разговоры Гёте», II, стр. 273).

И, конечно, не случайно в книге Чернышевского о Лессинге отмечены слова о значении языка народной песни, «свежего, яркого, не искаженного чужим влиянием» (стр. 150). Это особенно важно, ибо «с духом человеческим тесно связаны формы языка» (Вилльмен, I, стр. 7).

И. Чавчавадзе волновали проблемы взаимосвязей литератур и особенно вопрос о восточных влияниях в Европе. Поэтому в историях литературы много его пометок в главах об арабской культуре и ее значении для развития средневековой европейской литературы и научной мысли. Общение с другими странами — необходимое условие культурного развития: «Ни одна нация не может достигнуть полного развития своих сил, питаясь только собственными соками. Чтобы не остаться в хвосте цивилизации, она должна усваивать себе все лучшее, добытое другими» (Всеобщая история литературы под ред. В. Корша и А. Кирпичникова, т. II, стр. 417).

Отсюда интерес И. Чавчавадзе к достижениям сравнительного языкознания. В первом томе той же «Всемирной истории литературы» много пометок сделано в главе «Значение языков в истории человечества», где к этимологическому разбору отдельных слов приписаны грузинские параллели. Он обращает внимание на процесс непрерывного развития языка, ибо «то, что мы привыкли называть в языке порчей или искажением, есть в сущности не что иное, как необходимое условие его жизни» (том I, часть I, стр. 60). Эти слова перекликаются с

неоконченной статьей «Искусство и наука» (1862-3 гг.), в которой он еще в молодые годы высказал мысль, что появление новых, непривычных слов нельзя считать засорением языка, ибо они соответствуют новым понятиям и со временем войдут в обиход.

Заметки, сделанные в книгах библиотеки, отражают взгляды И. Чавчавадзе не только как писателя и мыслителя, но как человека и гражданина. Его волнует вопрос свободы человека и, в то же время, вопрос его ответственности перед обществом: «Единая, пробуждающая к жизни мысль — великая мысль человеческой свободы и прогресса» (Брандес, 133); «Свобода есть достояние общее, как свежий воздух» (Л. Бёрне, т. I, стр. 17); «Нет человека, не любящего свободы, но справедливый требует ее для всех, а несправедливый — исключительно для себя» (там же, стр. 95).

О высоких нравственных требованиях, предъявляемых к человеку, свидетельствуют пометки, сделанные в разных книгах: «Тот живет согласно с природой, кто никогда не забывает, что существует не для себя одного, но как часть целого, вселенной, человечества» (Всеобщая история литературы под ред. В. Корша, т. I, ч. II, стр. 1213). Отсюда необходимость быть достойным высокого назначения человека, бороться с собственными слабостями и искушениями.

Пусть миг борьбы с самим собой

Не долг на часах времен,

Но в мысли — беспределен он...

Эти строки из поэмы Байрона «Гяур» не только подчеркнуты, но к ним еще сделана приписка: «Дивно».

Только истинно благородный человек сможет служить отечеству так, как это понимал Чавчавадзе, подчеркнувший в первом томе сочинений Бёрне следующие строки: «Постоянная и мужественная готовность посвящать свою деятельность счастью, чести, славе, свободе и безопасности своей страны и притом не бояться никакой жертвы, никаких трудов, никаких опасностей — вот что я называю любовью к отечеству» (стр. 41).

Но писателя волнуют не только общественные вопросы. Многие заметки касаются области личных чувств, человеческих характеров, закономерностей жизни. Здесь и довольно скептическое определение опытности, которая «похожа на неумолимую красавицу; пока ты приобретешь ее, пройдет много лет,

оба вы стары и не можете принести друг другу ни пользы, ни удовольствия» (Л. Бёрне, I, 93). Уважение Чавчавадзе на стороне тех людей, которые живут «трудом своего ума и сил, что еще благороднее, трудом своих рук» (там же, стр. 65). К этим строкам приписано на полях — «прекрасно».

Энергия, активность привлекают симпатии Ильи, который в «Гяуре» Байрона отметил и такие строки:

А смелость с жаждою любить
Вознаграждается всегда.

Но самомнение достойно всякого порицания: «Все люди, от природы одаренные как умственно, так и физически, — самые скромные; напротив, все люди с недостатками, особенно умственными, думают о себе слишком много» («Разговоры Гёте», II, 287).

Немало отмеченных писателем мест связано с областью чувств. Здесь и строки, полные глубокого лиризма, и несколько скептические замечания, например: «женщина есть самое несговорчивое существо» (И. Шерр. Человеческая трагикомедия, стр. 18). Отмечены писателем некоторые полные разочарования строки из «Чайльд-Гарольда»:

О, что же находим мы в женских слезах?
И долго ли женщина ждет?
Чужая рука на прекрасных глазах
Вчерашние слезы сотрет.

В пастушеской комедии Гёте «Хандра Влюбленного» одна героиня дает другой совет быть со своим возлюбленным холодней и строже, ибо «мужчины ведь находят приятное лишь в том, что надобно добыть с усилием и борьбой»; а в «Чайльд-Гарольде» отмечен совет, полезный для мужчин:

Тот сердце женщин знает плохо,
Тот вовсе их не мог понять,
Кто лишь мольбой и силой вздоха
Старался страсть в них пробуждать.
До побежденных — нет им дела,
Люби подругу юных дней,
Но ей в глаза гляди ты смело,
Не раболепствуй перед ней.

Заметим, что сочинения Байрона Чавчавадзе читал очень внимательно и отметил в циклах «Еврейские мелодии» и

«Часы досуга» ряд стихотворений, в которых звучат и печальные раздумья поэта о жизни, и личные переживания. Трогательные слова о любви и верности подчеркнуты в поэме «Гяур»

Я посвятил тебе одной
И мысль, и думы, и покой,
И горечь дня, и сны ночей —
Все существо души моей.

В пометках Чавчавадзе встречаются своеобразные психологические наблюдения: «Скрывать ненависть — легко, любовь — трудно, равнодушие — почти невозможно» (Бёрне, т. II, стр. 270); «Любовь твоя к какому-либо предмету есть завеса между тобою и его дурными качествами» (Всеобщая история литературы под ред. В. Корша и А. Кирпичникова, т. II, стр. 353). И в то же время любовь — это великий творческий стимул жизни:

Любовь и бодрость духа — два крыла
К свершенью дел великих, —

отмечено в пьесе Гёте «Ифигения в Тавриде».

В прочитанных книгах Чавчавадзе обратил внимание и на некоторые острые замечания и остроумные высказывания. Например, в книге англичанина А. Бэна отмечена следующая фраза: «Один француз, недовольный английской кухней, говорит: — вот страна, где шестьдесят вероисповеданий и только один соус» (стр. 91). А во втором томе сочинений Л. Бёрне подчеркнута следующее замечание: «Умный человек не только не будет говорить ничего глупого, но не станет и слушать глупости» (стр. 27).

Добавим к этому афоризму, что умный человек виден во всем, что он делает, и, конечно, в том, что он читает и на что он обращает внимание в книгах. Именно в этом отношении личная библиотека Ильи Чавчавадзе представляет ценный материал, позволяющий ярче представить облик писателя, широту его интересов и метод работы над литературными источниками.

ПОЭТИКА „ВЗГЛЯДА“ В ПОЭМЕ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ „ОТШЕЛЬНИК“

ОТШЕЛЬНИЧЕСКИЙ опыт, — согласно пафосу поэмы И. Чавчавадзе, написанной в 1883 г., — сопряжен с огромными внутренними противоречиями. Поэма в целом утверждает невозможность или, скорее, человеческую неспособность достичь аскетического идеала, показывая наличие неизбежной социально-личностной константы на всяком пути индивидуалистической подвижнической аскезы. Традиционно средневековое послушничество и подвижничество предполагало столкновение с тяжелыми испытаниями и постоянными искушениями, преодоление непосильных трудностей, которые в каждом конкретном случае складывались в функции личных особенностей внутреннего пути, во всех случаях одинаково трудного и опасного. В конце этого пути только стойкий путник, не знавший поражений, достигал аскетического совершенства, вместе с которым приходило постижение истины и усмирение страстей.

В своей религиозной практике инок Чавчавадзе, на краткий срок входя в контакт с внешним миром, открывает для себя, что он еще очень далек от мистического совершенства, которого, как ему казалось, он уже достиг, и понимает, что, напротив, ему еще только предстоит вступить на тяжкий путь новых и неожиданных испытаний. Согласно святоотеческой мистической традиции, религиозная цель в полной мере абсолютно недостижима, и множество мирских соблазнов могут отодвинуть ее в бесконечность. Так и в данном случае отшельнику Чавчавадзе открывается путь, который предстоит пройти, потому что поражение его выявляет незавершенность пройденного подвижнического пути и то, что герой далек еще от совершенства.

В поэме И. Чавчавадзе, в основу сюжета которого легла древ-

няя известная легенда, герой, живущий во времена не столь далекие от нас, подражая примеру великих пустынных, уходит от общества, затворяясь в одиночестве на склоне могучего Казбека. Он посвящает дни молитвам и покаяниям, понуждая тело страдать во имя просветления души. Он еще не стар, но каждодневными религиозными упражнениями надеется побороть плотские страсти и жить одною лишь духовной благодатью. Проводя долгие часы в молитве перед древними образами, он ощущает Божественное присутствие, аллегорически выраженное в поэме лучами солнца, озаряющими через оконце, как на многих полотнах итальянского Возрождения, келью и отшельника, символизируя его просветление в Святом Духе.

Однажды вечером, на закате, изнуренный непрерывными молитвами и постом, он видит из ворот монастыря багровый солнечный закат. Воспринимая его как еще одно свидетельство Божественного всеприсутствия, отшельник испытывает при этом огромное чувство радости перед таким знамением. Закат символизирует совершенную гармонию между проявлением Божественного и внутренним миром, достигнутым подвижником. Все спокойно вокруг; сумеречная природа нежна, и взор отшельника безмятежен. Но «у э ц р а д» — неожиданно, — и здесь это наречие приобретает как бы ту же функцию, что и слово «вдруг» у Достоевского, — обстановка резко меняется. Налетает внезапный ветер, надвигается грозная черная туча, раздается грохот грома, вспыхивают молнии, и — разражается ливень. И если тишина природы так гармонировала с покоем в душе героя, то внезапному изменению обстановки вторит глубокое смятение, охватившее отшельника. В грохоте бури ему слышится голос, зывающий о помощи. «Что привело несчастного сюда!» — спрашивает себя отшельник, и тут же на него надвигается предчувствие грозящего испытания. «Ты человек, — кричит он, — иль демон преисподней!». «Я — человек», — раздается в ответ. Появляется пастушка, которая, застигнутая бурей, ищет приюта в монастыре. Видя ее, мокрую и растрепанную, отшельник не сразу признает в ней женщину и поначалу удивляется мелодичности ее голоса. Потом, при свете огня, пред ним предстает молодая, черноокая, полная жизни женщина удивительной красоты. Пораженный этой красотой герой задерживает на ней свой взгляд, любясь ее лицом, губами, сбегаящими линиями тела. Сидя у огня, пастушка рассказывает, как она, застигнутая непогодой, сбилась с пути, и говорит, что очень долго — «диди хани» — зывала о помощи, прежде чем отозвался отшельник. Это «очень долго» весьма характерно, и его можно трактовать — с позиции отшельника —

как невозможность уклониться от испытаний. Гостя удивляет, как герой может жить вдали от красоты и прелести мира. Она спрашивает: не значит ли, — по его мнению, — что согласно Божьей воле все живущие в миру обречены на гибель!

«Спасись-то можно, — отвечает отшельник. — Только путь к спасению достался мне, несчастному, в скиту». Но произнеся слово «несчастному», он сам удивился неудачно выбранному слову, и его смущение сказывается во внутреннем монологе, из которого ясно, что «несчастный» — признак недостигнутого желанного равновесия между плотью и духом, свидетельство краха решения подавить потребности плоти для возвышения души и невозможности устранить социальный момент во имя личного спасения. Ради обещанного царства небесного он отрекся от собственного «я», уклонился от решения вопроса социальных взаимоотношений, но не смог уклониться от потребности поиска смысла земной человеческой жизни. И он, которому казалось, что ему удалось оставить далеко позади всякую заботу о суете мира, теперь с новой, неодолимой силой чувствует, как влеком к ней; он, полагавший, что нашел ответы на все вопросы, замечает, что он только заглушил внутренний голос, и — будучи уверенным, что достиг блаженства, видит, что вынужден вновь задуматься над значением собственного подвига.

Между тем девушка, пригревшись у огня, уснула, причем ее красота и прелесть становились для героя все очевиднее. Отшельник вновь бросает взгляд на женщину. Здесь поэт, как бы для того, чтобы подчеркнуть всю силу сексуального влечения, не прибегает больше к таким словам, как «м ц к е м с и» (пастушка), или «швили» (дочь; здесь — девушка), но говорит о ней: «ка-ли» — то есть женщина. Подвижник хотел бы отвести взор, но необъяснимая сила тянет его неотрывно любоваться ею. Откуда это непонятное удовольствие, испытываемое героем? Почему сердце его вдруг бьется совсем по-иному, почему охватывает его дрожь?

Как говорит Р. Барт: «наука дает три (по-разному комбинируемых) интерпретации взгляда: информативную (взгляд учит), коммуникативную (взглядами обмениваются) и притягательно-посесивную (взглядами касаются, схватывают или захвачены)».

Речь идет о трех различных функциях взгляда. Но в каждом случае взгляд ищет, исследует, «шарит»; он — динамичен, беспокойен, неуловим. И тот же Р. Барт напоминает нам, что взгляд, как и все искусства, указывает на некоторую «означаемость» (у Барта «signifiance»), и поэтому может вызвать «синестезию, психологическую нераздельность ощущений, которая сливает их так,

что поэтически можно перенести одно ощущение на другое: все чувства могут, таким образом, «смотреть», и, наоборот, взгляд может чувствовать, слышать, касаться и т. д.»². Следовательно, взгляд не исчерпывается мгновением, потому что он несет в себе порыв, который длится, настойчивое возвращение вспять, как если бы он вдохновлялся стремлением к расширению области собственного открытия, укрепления завоеванного³. Именно таков взгляд отшельника, задерживающего его на женщине, он словно пытается проникнуть по ту сторону видимого, постичь тело, скрытое под грубыми одеждами. Секрет взгляда в том, что он не знает предела, преодолевает все барьеры, проникает в сокровеннейшее. Объект взгляда (в нашем случае, пастушка) означает магическое пространство, прорыв в заповедную область; он — признак чего-то, что неподвластно зрению; объект, вместо того, чтобы задержать взгляд на себе, — отсылает его в воображаемую перспективу, в неведомое измерение⁴. Взгляд отшельника стремится к другому, отличному от того, что перед ним. Разглядывая лицо, губы, неподвижные формы этого молодого тела, он уже как бы касается, ощущает его, отдаваясь целиком головокружительной прелести бездны, открываемой влечением. Настойчивость взгляда состоит в его кажущейся безвольности: «При нашем отношении к вещам, которое устанавливается в процессе видения и формируется в виде представлений, то, что колеблется, движется, смещается из одного плана в другой и всегда в какой-то степени ускользает, и называется взглядом»⁵. Но это движение, почти незаметное, скрывает в себе, как мы уже видели, — необыкновенное упорство, ибо сама природа взгляда почти никогда не позволяет ему останавливаться на одной лишь чистой констатации, но требует всегда большего. Отцы церкви полагали, и не без оснований, что зрение — самое слабое из всех чувств, самое податливое на соблазны и самое обманчивое. Забыв об этом, отшельник задерживается взглядом на женщине, множа плоды своего воображения и теряя контроль над собой. Он встает, приближается к пастушке, вглядывается в ее лицо и медленно склоняется к ее губам. Забыв обо всех моральных запретах, он пытается удовлетворить свое чувственное желание. Борьба, которая так долго шла в нем между соблазнами жизни (Эрос) и смерти (Танатос), по видимости, закончилась победой последних, однако не заглохла полностью в нем и первые. Более того, при первой же возможности Эрос воспрянул, низринув Танатос, и устремил всю свою энергию на достижение собственной цели. Но отшельник, едва коснувшись губ девушки, сразу же впадает в раскаяние, испытывает желание вернуться к поколебленному душевному

равновесию, подавить чувственные порывы, овладевшие им. Что это: проявление чувства вины или возврат Танатос? Или же утверждение рациональности! Краткий монолог, следующий за этим, дает нам ответ, впрочем неполный и неоднозначный. Происходит столкновение между неудовлетворенным желанием и вновь утверждаемой волей к умерщвлению плоти. В тот самый момент, когда отшельник вновь обретает контроль над своими влечениями, он слышит в келье полный коварного злорадства голос: «Ага, попался, праведник!». Удивленный отшельник оглядывается в поисках того, кто застиг его в роли *voueur*, кто произнес эти слова, но в келье кроме спящей пастушки — никого. Чей это голос? Взгляд всегда предполагает не только активное действие, но также и пассивное: в то время как мы смотрим, нас видит кто-то другой, хотя бы наша совесть, наблюдающая за реакцией, вызываемой в нас объектом взгляда. По этой причине взгляд иногда рассматривают как проявление совести. Неудовлетворение желаний может привести к последствиям неожиданным, но для отшельника это прежде всего вред, нанесенный его душе влечением, заставившим его коснуться губами губ пастушки и подменившим реальность, которая его окружает, другой, продиктованной его религиозным сознанием. Чувства вины, греха, измены переворачивают душу поборника отшельничества и аскетизма, который должен бы с ужасом отшатнуться от мирского соблазна. И отшельник подменяет тихую и спокойную обстановку в своей келье воображаемой реальностью, являющейся выражением чувства вины, населенной в силу галлюцинаций темными демоническими силами. Воля и отчаяние бросают его на колени в молитвенном порыве и стремлении отдалиться под покровительство Богородицы от козней зла. Влечения однако, не угасли, и рука его не в силах положить крестное знамение, а язык не молвит слова молитвы. В напряжении, вызванном столкновением совести и эротических влечений, создается новое пространство, где генерируются новые галлюцинации. Отшельник поднимает голову к образу Богородицы, но даже святой лик принимает обличие той девушки, прислушивается — и опять слышит тот же голос, что и раньше, смеющийся над ним; он снова смотрит на Богородицу и снова видит лицо пастушки. Не выдержав напряжения, смятенный, раздавленный страхом, устремляется он из монастыря в поисках помощи. Итак, испытание завершилось, но отшельник, конечно, не выдержал его. Достаточно было появления пастушки, чтобы возникло это огромное пространство желаний, желаний, тщетно подавлявшихся долгими годами покаяния. Победа духа, умерщвление плоти, уверенность в обетовании —

все потеряно в единый миг. Уединившись в далеком скиту, отшельник искал свой индивидуальный путь спасения, однако, — что, по-видимому, и хочет сказать автор поэмы, — вне гражданственности и вне общества не существует спасительного убежища. Восстановив краткий контакт с миром, отшельник впадает в смятение, потому что только живя и действуя в мире, можно оправдать свое существование. На следующее утро, на восходе солнца, пришедшего ему на помощь, монах возвращается в свою келью, согретую горячими лучами. Пастушка ушла, и все вновь обрело обыденный вид. Отшельник хочет снова стать на молитву, как вдруг свет меркнет, язык его немеет, он падает и испускает дух. Этому герою, который вместо того, чтобы искать спасения, жертвуя собой во имя родины, предпочел индивидуалистическое затворничество, Чавчавадзе не оставляет даже наказания муками раскаяния, а приносит его в жертву без надежды на спасение. «И там, где раньше, полные герпены, отцы святые славили Творца, /...Теперь лишь ветра раздается вой / Да стонет зверь, испуган и печален, / Спеша уйти от тучи грозовой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт. Р. «Очевидное и непонятное», Критические статьи, III, Париж, 1982, с. 279 (на французском языке).
2. Там же, с. 280.
3. Старобинский, Ж. «Живое око», 1961, с. 7 (на французском языке).
4. Там же, с. 6.
5. Лакан, Ж. «Семинарий», Кн. XI, Париж, 1973, с. 70 (на французском языке).

И Л Ъ Я

НАЗНАЧЕНИЕ газеты — во все времена было и есть — отрезвление народа. Она призвана пробуждать стремление к человеческой жизни. Есть ли у человека иное право, более веское, праведное, более желанное, более светлое и дорогое, чем право на уважение к себе, на признание собственного достоинства, на гуманность? И самый священный долг литературы, да, да, именно литературы, отстаивать это право, бороться за него, стать человеку верным помощником и заступником. Что иное отличает человека от животного, нежели не законы морали, и наипервейший из них — я есмь человек, ты есмь человек и нам надобно почитать друг друга.

Волнуясь, подчеркивая каждое слово, говорил Илья. В правой его руке — турий рог, полный вином «цоура», в левой — свежий, только-только из типографии оттиск первого номера новой еженедельной газеты с броским и многозначительным заголовком: «Иверия» — политическая и литературная газета, 1877. Третье марта».

Размером она — близнец газеты Соломона Додашвили «Литературные ведомости», однако объем ее — шестнадцать страниц, вдвое больше «Дрозба».

Тонкие бумажные листы трепетали в крепкой, бережно державшей их руке.

— Сколько случается несчастий потому лишь, что человек не может, или не хочет, или не стремится понять, постичь другого, — продолжал редактор, чув-

---

Фрагменты из романа, выходящего к юбилею И. Чавчавадзе в издательстве «Мерани».

ствуя, что уклоняется от речи, приготовленной к этой торжественной минуте.

Четырнадцать лет... Четырнадцать лет ждал он во плоти своей мечты. Упреки, клевета, нападки — когда, испытывая материальные затруднения, нужду, не сумел он удержать «Сакартвелос моамбе».

В минувшем году их с Акакием Церетели и Нико Николадзе попытка издать газету «Гза»¹ провалилась. В десятую годовщину «Дрозба» он произнес программное слово, тогда же составила новая редакция: Месхи, Церетели, Чавчавадзе, Николадзе. Будто все уже обговорено и распределены функции, но... Банк внес сумятицу, породил распри, перепалку, трения, и от редакции не осталось и следа.

Два месяца спустя главноуправляющий, великий князь Михаил, дозволил Илье Чавчавадзе, «коллегскому регистратору», издание газеты «Иверия».

Множество злопыхателей и недругов накинулись на него тогда — помешать! Сорвать! Не допустить!

Но вот он — первый номер «Иверии». Сегодня, с опозданием на два месяца, он все-таки появился на свет.

Редакцию Илье расположил в доме на улице Мтацминдской, недалеко от своей квартиры. Впрочем, это пока, на первых порах, потом он перенесет ее в Сололаки на Консульскую улицу, где находится и управление Земельного Банка. Он снимет там для нее мезонин.

Ольга спешно перевезла в редакцию диван, кресла, трюмо, комод. Здесь Илье проводил дни и ночи — писал, исправлял, суетился в типографских хлопотах.

И еще умудрялся писать «Жизнь и закон», рассказ «У виселицы», переводить французский роман «Иза», рассказы Альфонса Додэ, править весь предназначенный к печати материал, добывать бумагу, бегать по делам типографии и цензуры.

На сегодняшнее торжество собрались ближайшие его сотрудники. Душой и сердцем вечера были Ольга Гурамишвили, Николоз Кананов-Давиташвили и Гигола Дударели, юная писательница Като Габашвили и ее друзья Тасо Туманишвили и Эфро Кипиани.

¹ Гза — дорога, путь (груз.).

Илья нервничает. Проводит рукой по спускающимся до плеч волосам, зачесанным на прямой пробор. Глаза светятся признательностью и благодарностью. Он готов говорить с ними, самыми дорогими ему людьми, бесконечно. Никогда еще не испытывал он желания сказать так много, так много сделать.

— Ныне у нашей страны иная боль, иные опасности подстерегают ее, иные свершения предстоят нам ныне, страна наша призывает к другому. И это «другое» — возрождение нашего униженного «я», нашей личности; сегодняшней наш долг — защитить и поставить ее на ноги (слова эти он повторяет трижды, с каждым разом все громче, возвышая и возвышая голос). Направление это будет новым, до поры, пока личность наша не займет должного, по праву принадлежащего ей места в нашей общественной жизни.

Каждый из присутствующих здесь чувствует: он — свидетель знаменательного открытия.

«Возрождение нашей униженной личности!» — беззвучно шепчут они, словно провозглашая священную тайну.

— Нет ничего важнее для истинного сына современной Грузии, — продолжает редактор. — Разумное служение отчизне есть служение всему человечеству. Величие твоей страны есть и твое величие. Умеющий заглянуть в будущее лучше видит и настоящее. Нам необходима самостоятельность, мы сами должны определить поле нашей деятельности и не сходить с избранного пути. Мы и пальцем не сможем шевельнуть, не приведя в действие механизм своего разума, не обрета собственное суждение. Отдать все на самотек — все равно, что отдать себя на волю слепого течения речного потока. Действующие наобум исчезают, они не остаются, не оставляют следа в истории. Вспомним Дистервега: корни человеческого сердца — в землях и водах его родины.

Сегодня мы не станем говорить ничего более, время и чуждые нам обстоятельства, неприемлемые для нас, требуют, как это ни огорчительно, приглушить свои желания, поступиться собственными интересами.

Провозглашая тост за Екатерину Габашвили, редактор сказал:

— Народу никогда не поднять головы и не воз-

родиться, если большая часть его останется прозябать в нищете, если не обретет, не увидит он человеческой жизни. На смену отмененному крепостничеству явилось другое — бывший властелин не выносит бывшего крепостного. Народ разорен, нация распалась. Существует князь, дворянин, купец, крестьянин, рабочий... А где же грузин?! Пусть себе наша знать не читает грузинских книг и газет! Нам должно писать для народа, «Иверия» должна быть народной газетой.

Госпожа Като и, пожалуй, еще два-три писателя, сделали предметом своего повествования боль и горечь крестьянства. И двери «Иверии» всегда открыты для них.

Страна принадлежит тому, у кого в одной руке меч, а в другой — плуг. Только меч бессилен, если нет у него плуга. Копье, большое и меткое, проливает кровь, неприметная же с виду игла — одевает раздетых и обездоленных.

Бедному крестьянину сказали: «Ступай, ты свободен отныне, да умереть тебе с голодухи!» Если не треть, то четвертую долю дохода у него вытащили из кармана.

Присутствующие разволновались. Илью поддержали.

— Сердце каждого должно быть открыто навстречу братству, единству, добру. Движение нашего разума — многовековая история, и наше столетие объединит накопленные им силы во имя экономического и духовного процветания. Необходимо ввести местное управление, местные дела должны вершить местные жители...

* * *

ШЕФ слушал доклад заведующего отделом Степа-на Дударели о состоянии политических дел за последние два месяца. На лице его отражалось недовольство.

Не только жандармерии, получавшей из Петербурга шифровку за шифровкой, но и для каждого сколько-нибудь мыслящего человека становилось очевидным — царский трон пошатнулся, качается, вот-вот рухнет. Седьмого февраля рабочий Халтурин организовал взрыв в императорском дворце. Развалины погребли

многих, многих ранило. Под колеса царской кареты то и дело летели бомбы. «Освободитель крестьян» не мог спать спокойно в своем государстве.

Губернские власти в Грузии с тревогой наблюдали, как ширится здесь народное движение, направленное против существующего режима.

— Отдаете ли вы себе отчет, чем чревато для нас все это? Край наводнен бунтовщиками, — ледяным голосом спросил шеф, едва Степанэ закончил доклад. — Каждая политическая организация России наладила живую связь с Тбилиси. В Грузии давно пустил корни и теперь процветает нигилизм. Куда ни глянь — всюду приверженцы «коммунизма». Такой маленький городишко, как Гори, превратился в гнездо революции. В обеих губерниях смуты. Не забывайте, государь собирается закрыть Петербургский и Московский университеты, и тогда нам некуда будет деться от социалистов — сюда ринутся все эти бывшие студенты. Выяснили вы, откуда берутся прокламации?

— Они, как оказалось, напечатаны в Гори, ваше превосходительство. Как я уже докладывал, четверо арестованы.

— В Тбилиси мало внимания уделяется паспортному режиму.

— Ваше превосходительство, мы установили — социалисты приезжают в Тбилиси без паспортов, останавливаются на один-два дня на частных квартирах и возвращаются в Петербург.

— Необходимо установить их адреса, выяснить, кто такие хозяева квартир.

— Разумеется. В докладе я отметил это, ваше превосходительство.

— Как объясните вы появление в грузинской газете смехотворного сообщения, будто рукописная газета заточенных в Метехи — «Джаноба» — имеется в продаже в жандармском управлении и у прокурора?

— Признанный виновным по этому делу поэт и актер Гиорги Донадзе сослан в Сибирь.

— Господин подполковник! Из вашего доклада не явствует, с какой именно стороны грозит нам основная опасность. Вы почти ни словом не обмолвились ни о «народниках», ни о «Народной воле», кои, как оказы-

ваются, имеют такое широкое распространение и поддержку в Тбилисской и Кутаисской губерниях, ни о новом журнале социалистов-народников на грузинском языке. А меж тем из достоверного источника мне стало известно, что народовольцы устраивают сходки на католическом кладбище, в саду Казначейства. Известно и то, что в Кутаиси готовятся издавать народническую газету на грузинском языке.

Сведения, сообщенные шефом, вогнали Дударели в краску, заставив не на шутку призадуматься. Обдумывая ответ, он извлек из портфеля несколько бумаг, спокойно пересмотрел их и в определенной последовательности разложил перед собой.

— Ваше превосходительство! Наблюдения последних лет привели меня к выводу, что особая опасность в наших краях для государя и трона таится в грузинском сепаратизме, сторонником которого является редактор «Иверии» князь Илья Чавчавадзе. Упомянутый вами журнал «Имеди» ни особой популярностью, ни поддержкой в обществе не пользуется; смею вас уверить, он просуществует недолго. Что касается Чавчавадзе, то нет ни одной стороны общественной жизни, на которую он не оказывал бы влияния, нет ни одного уголка в двух наших губерниях, куда бы оно не распространилось, где бы не имел он верных себе сторонников, нет ни одного вопроса, по которому не были бы составлены им собственный, заглядывающий на много лет вперед план и собственная программа. Каждый просвещенный грузин, будь он националист или социалист, взращен на произведениях Чавчавадзе и каждый так и заглядывает ему в глаза. Он кинул сепаратистский лозунг: «Мы должны принадлежать себе!» Цель Чавчавадзе — отмежевать Грузию от России, сделать ее самостоятельным государством. В прошлом году в Кутаиси, на погребении председателя местного банка Бесариона Гогоберидзе он произнес речь весьма крамольного содержания. А недавно обрушился на английского консула в Батуми Катуля и на французского журналиста Мурье, обвиняя их во враждебном отношении к Грузии. Он беззастенчиво порицает инспектора по вопросам просвещения Яновского, обвиняя его в небрежении к грузинскому языку. Он пробуждает бунтарский дух народа, клей-

мит местные власти. Во всей империи он единственный, кто посвятил Парижской Коммуне стихи, проникнутые бунтарским духом. В каждом его сочинении звучит призыв: «Делами народными должен править народ!» Написал «Жизнь и закон» — противу государственного права!

Чавчавадзе придерживался странной, опасной позиции в период минувшей войны, затеял разговор «о турецкой Грузии». Он принимал участие в банкете в честь представителей Аджарии, будоража национальные чувства. Он встал во главе тех, кто оправдывал изменников-абхазцев, защитил их от выселения при содействии своего единомышленника священника Мачавариани, поддерживает князя Чкотуа, моурава абхазского наследника, за убийство взятого под арест по указанию царского наместника.

Сила Ильи Чавчавадзе обретает мощь изо дня в день, его популярность растет, и он употребляет это во зло. Ежедневная газета «Дроэба» и журнал «Иверия» скоро объединятся и попадут в его руки. На состряпанные им вирши поются бунтарские песни. А теперь он задумал возродить грузинский театр с постоянной труппой, учредить Общество распространения грамотности среди грузин, дабы превратить его в нечто вроде здешнего парламента, где станут решаться национальные проблемы и...

— Господин подполковник! Что вы привязались к этому Чавчавадзе, — пресек Степанэ утомленный и недовольный его речью шеф. — Чавчавадзе и Банк нам не убрать. В Сибирь нам его не сослать и не высесть, потому, во-первых, что не швыряет он в государеву карету бомбы, и потому, во-вторых, что он писатель известный и нас с вами засмеют, да и только.

Тон и содержание реплики, брошенной шефом, покорибили Степанэ. Уже несколько месяцев изучает он поведение шефа, все более убеждаясь — начальник-то его страх как боится обвинения в отсутствии рвения и в равнодушии к политическим событиям на Кавказе, чего доброго, свалят всю ответственность на него, вот и расхлебывай тогда, а потому, видно, решил предвосхитить события и взвалить вину на него, Дударели.

«Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет, — презри-

тельно и спокойно размышляет Дударели. — Еще немало, и выяснится наконец, кто больше предан государю, кто больше радеет о спокойствии края — ты, неведь откуда взявшийся чинуша, или я, грузин душою и сердцем. Я не требую высечь Чавчавадзе, не требую упечь его в Сибирь, я лишь хочу ограничить его деятельность, дабы у верховного правительства составилось верное и доброе представление о нашем народе. И потому я смешаю ему карты, и не видать ему ни Банка, ни театра, ни Общества по распространению грамотности, ни «Иверии». Уж я постараюсь, чтоб неповадно стало ему марать всякие глупости, уж я отобью у него желание быть всюду выскочкой, быть всем и всему доброй нянюшкой. Я развею в прах всеобщую любовь к нему, превращу во врагов самых верных его друзей, опутаю долгами, интригами, уж он у меня погрязнет в скандалах и хлопотах. Да, да, я сделаю все, чтобы народ возненавидел бред этого писаки. Я добьюсь своего, и мне тут сослужат службу все, начиная с его свояка Цицишвили и кончая моим придурковатым братцем. Мачабели — человек слабовольный. Двум честолюбивым персонам нет места в одном кресле. Я не отступлюсь, и они глотки перегрызут друг другу, ваше высокопревосходительство. Мы еще поглядим, ты столкнешь меня в воду, или прежде я утоплю тебя! Этого еще не хватало — мне, талантливейшему из людей, стать твоим козлом отпущения?! Все мне известно — как и что ты брал, куда увозил, кому загнал. Я знал, как такие пройдохи, как ты, расправляются с подчиненными, и следил, и собирал — по зернышку да по камешку. А не сегодня-завтра и над нашим «некоронованным царем» Ильей установлю тайный надзор, обрету право следить за каждым его шагом, записывать каждое слово, как вот уже двенадцать лет записываю каждое твое словечко и веду опись всему, что тебя касается, ваше высокое превосходительство!

И не поможет тебе тут усыпанный брильянтами орден святой Анны. Времена Шамиля и Хаджи-Мурата прошли, разведка требует немалых знаний, культуры, образования, обходительности. А потому, ваше превосходительство, вам не мешает поразмыслить о пенсии.

Вспомни-ка, во время торжественного молебна ты

проявил нетерпеливость и поцеловал крест вперед губернатора!»

В висках гулко билась кровь. Он в душе проклинал шефа, однако на лице его играла улыбка покорности.

«Знаю я тебя, проходимца! — грозно сверлил его взглядом шеф. — Все-то ты от меня утаиваешь, самое важное для себя приберег, вознамерился за моей спиной, в обход, представить в департамент. Думаешь, мне неведомо, что твоя прелестница-сестра дважды приезжала в Тбилиси, а к мужу и ребенку даже не приблизилась? Видать совесть у нее нечиста, коли так усердно скрывается от правосудия. Погоди у меня, вертопрах, я до тебя доберусь. Может, место мое тебе приглянулось? Не мешает разобраться, откуда у вас такой капитал, что прекрасная Дора всю Европу покорила, а ты дни и ночи в «Семейном саду» околачиваешься, жен благородных семейств развращаешь! Если ты такой уж святоша, то почему бежишь от христианского брака? Прочь, вон отсюда!»

— ...Впрочем, не мне вам растолковывать, господин подполковник, — вежливо улыбнулся шеф, протягивая ему руку. — Глядеть надо в оба. В самое ближайшее время мы представим вас к награде, верьте мне.

— Благодарствую, ваше превосходительство! Жизнь моя принадлежит государю, служба ему — священнейший мой долг. Покорнейше вас благодарю.

«Нечего сказать, великодушен же наш государь-батюшка, коль миримся мы с такими пронырами», — скривил лицо в кислой улыбке шеф.

«Итак, поживем — увидим, миленький ты мой старикашка, — расхохотался в душе Степанэ. — У государя нашего батюшки в цене верность долгу, но не пустая напыщенность. Хочешь меня медовым словом подкупить? Как бы не так!».

* * *

ИЛЬЯ любил Сагурамо и зимой и летом ездил туда — до Авчала железной дорогой, дальше в фаэтоне и верхом, но эта поездка — на время и тайно — окутывалась дымкой загадочности.

Ольга твердо решила — никому ни слова, никто не узнает, где будет находиться ее Илья. Одним она

316-1110333

скажет — захворал, другим — неотложные дела по-звали его к родственникам.

Впрочем, она и сама не намерена показываться в городе. Она предусмотрительно запаслась всем необходимым — чаем, сахаром, перьями, бумагой, на какой любит писать Илья. Тщательно отобрала легкие просторные сюртуки, удобные халаты, жилеты.

Илью мучительно терзало принятое решение — остается столько незавершенных дел! — однако он старался не дать почувствовать Ольге своих сомнений и делал вид, будто с радостью покидает Тбилиси.

Ему уже виделись зазеленевшие склоны Сагурамо, его сады и виноградники, бегущие с высоты журчащие воды Арагви и белоснежные вершины Казбека, всегда приносящие отдохновение его взору.

Ранняя весна встретила их благоуханным разноцветьем мягких тканых ковров — лугами и полями, переливающимися изумрудом кустарников, белизной роз, мерцающими красками белокопытника и диких цветов. Ласковое, теплое дыхание весны щедро разливалось округ.

Случившееся в марте наводнение надолго пропитало землю влагой. Соскучившиеся по солнцу фруктовые деревья и лозы, греясь, подставляли ветви теплым лучам. Желтел цветущий кизил. Миндаль, персик, скоропелки, абрикос, курага, дикая слива — ткемали накинули нежные и невесомые покровы юности. Веселье расцветшего мира вовлекло в свою круговерть всю природу. Целомудрие листвы наполняло молодые сердца и души прозрачностью и чистотой. Порой наползали, затягивали синеву облака, и мелкий весенний дождик полосой проливался с небес, лаская колышущуюся ниву. Вот растянулась в полете белая стая журавлей. Слышен из Зедазенского леса трубный голос оленя. Во дворе горделиво пасется подаренный Шервашидзе породистый своенравный конь.

— Оленька, когда же ты успела все это, как ухитрилась? — удивленно спрашивает он, войдя в свой кабинет.

Письменный стол, кресла, диван, стулья — все на своих местах, в своих углах — все так, как любит он, Илья.

— Каких же трудов тебе это стоило, — все учсть,

все продумать! Клянусь, порой я жалею тебя — быть женой такого безмозглого строптивца, как я, невелика радость!

— Но в этом и есть моя радость. Ты только пиши...

— Даю слово — я найду время и для семьи. Потерпи немного. Еще года два-три, и я выстрою здесь для нас с тобой новый дом, да такой, чтобы не стыдно было принимать гостей! Не выгонять же после полуночного пиршества достопочтенных господ в этакую кромешную тьму и бездорожье, как поступили мы в прошлом с Цагарели и профессором Чубинашвили. Желанного гостя и приветить и проводить должно достойно, а нынче всяк горазд высмеять нерадивость и бедность «владельца феодала великого Кварели и Сагурамо!»

Прошло десять дней, но сердце так и не потянуло его к письменному столу. Будто страшился он остаться наедине с собой, будто... Он даже взглянуть в сторону кабинета не решался. Уйдя в себя, замкнувшись, он помогал крестьянам подрезать ветки лозы, ухаживал за цветами, выгонял пастись корову — в мальчишеские годы это доставляло ему странное, бесконечное удовольствие.

С трудом, но отбрасывал он от себя заботы, оставленные в Тбилиси, отгонял, избегал, заглушая в памяти все обременительное, все хлопоты.

Но как-то раз, когда созерцал он Казбек, нахлынувшие думы толкнули, заставили его кинуться к дому. Сейчас он уже жаждал излить все, что очень давно волновало его, что давно вынашивалось в его сердце. Он напишет. Откровенно. Остро. Как всегда Непредвзято.

Ночь на исходе. Но Илья пишет. Утраченное, казалось бы, счастье возвращается к нему. Утром на правой стороне стола — горка исписанных листов, слева от него — листы чистые, их осталось совсем мало.

Будто очнувшись ото сна, он придвинул к себе написанное, пересмотрел — нетерпеливо и нервно, и понял — не то. Совсем не то... В бессилии откинулся в кресле. Сидел с полчаса не двигаясь. Потом сгреб испещренные ненужными строчками листки, разорвал безжалостно, в клочья, швырнул в корзину.

Весь следующий день не выходил он из своей ком-

наты. Задумчиво ходил из угла в угол. На секунду задерживался у стола, записывал. Одно слово. Два...

Гостей не принимали — нет Ильи в Сагурамо. Той ночью не спалось и Ольге. Каждый шорох отзывался в ней бурей — не помешал бы ему.

Легко ступая, на цыпочках, внесла она ему на столке хлеб, сыр, простывший чай. Опорожнила корзину, пепельницы, переполненные окурками. Они не перемолвились ни словом.

Ольга ощущала страдания мужа.

К ним шли. Кто просил работу, кто денег в долг, кто посодействовать принять ребенка в школу. Ольгу уговаривали. Ольгу умоляли.

Илья не может покинуть нас — Банк разваливается, театр тоже, газета гибнет. Без него не просуществовать и дня. Скоро надо ехать в Петербург, на съезд.

Ольга непреклонна. Она не пускает к Илье никого, но чувствует — происходящее извне непостижимым образом пробирается, проникает к нему. И волнует, отвлекает, мешают.

«Господи, кто только и откуда сюда не приходит! И как и куда скрыться от них? Кто поверит, что не от неучтивости это, не от презрения. Кто поймет, что это во имя спасенья, во имя жизни!»

Каждая минута в жизни Ильи — схватка со словом. Порой им овладевает восторг, порою кажется — музы бесцеремонно показывают ему спину — ни единой мысли, ни единого чувства... Четкие, сокровенные, бесценные слова играют с ним в прятки. Он переставал верить в себя, в возможность выразить, воплотить в звуки головокружительные идеи, будоражившие его всю жизнь. Он понятия не имел, когда добьется желанного, во что выльются его идеалы, но твердо верил и знал — он не пойдет легким путем, не сдастся, не отступится.

«Вот, вот. Именно эти нечеловеческие муки и надо мне показать! Именно этот злосчастный дух, преследующий меня с детства и до сих пор смущающий мой покой, надо выявить, воплотить! Каково наше назначение здесь, на земле — постоянные муки или побег от

них? Надо проникнуть в природу людей, ни на миг не оставляющих тебя. Мольбой, приказаньем, бесчисленными соблазнами тянут они тебя за собой, лишают покоя, заставляют прислуживать словно раба древнего мира; они заставляют корчиться в муках и рассеиваться в прах, служа многострадальной вселенной.

Врывавшиеся к нему из того мира мысли и заботы теребили его, нарушали гармонию души, а без нее не создать ничего.

Неужели навеки ушло волшебство таланта? Неужели и впрямь все преходяще?

Утром в день Пасхи Ольга приоткрыла по обыкновению осторожно дверь его комнаты, заглянула нерешительно. И когда внесла, на цыпочках, крашенные яйца, кусок тушинского сыра и чашку кофе, она поняла — Илья обрел себя. Прежде, увидев ее, Илья вздрагивал, будто его застigli на месте преступления.

Ольга украдкой посмотрела на письменный стол, на исписанные страницы, мысленно ласково провела по ним рукой и облегченно вздохнула. Она не прикоснулась сегодня к пустой корзине, не опорожнила пепельницы и, окрыленная, вышла во двор, где ждала ее приехавшая накануне Натуся. Взяв девочку за руку, она попросила всех говорить потише.

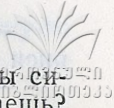
Илья вздохнул, отхлебнул глоток кофе, положил перед собой чистый лист и, устремив задумчивый взгляд в окно, безотчетно вслушивался в заключительные строки поэмы:

Он день и ночь на страже был духовной,
Здесь, в глубине однообразных скал...

Испугавшись вдруг — как бы не смолкла звучащая мелодия и не ускользнула причудливая и привередливая нить ритмов — нить мыслей и чувств, он все писал и писал:

Он плоть свою — сосуд тоски греховной,
Слезами покаянья омывал.

Миновали третьи сутки. Не раздеваясь, он находил недолгое забвенье, дремля на крошечном диване. Утомившись, переходил от одного стола к другому. Иногда, скрестив ноги, садился на тахту или опускался на ковер, откинувшись на мутаку, и — снова писал. Конечно, многое придется поправить, переделать, но сейчас надо поскорее дописать, не потерять, завершить.

— Тетя Оля, тетя Оля, я хочу к дяде Илье.

— Нет, милая, дяди Ильи нет дома.

— Олико, как же так, — выглянул из комнаты срывающийся Илья. — Ты и от Натукелы меня скрываешь?

Он подхватил ребенка на руки и так, с девочкой на руках, раз сто обежал двор, знакомя с каждым деревцом, с каждым цветком.

— Смотри, вот сирень. А вот бутон розы!

— Бутон?

— Бутон!

— Бутон! Бутон! Бутон! — слово понравилось Натусе.

— А теперь я покажу тебе, где гнездятся ласточки, представлю птенчикам, похожим на тебя.

— Отпусти дядю Илью, деточка, он очень занят.

— Иди, дядя, иди! — разрешила девочка и хитро добавила: — Но скажи — я хочу к Натусе!

Илья расхохотался и послушно повторил:

— Я хочу к Натусе.

Натуся сказала:

— Он говорит: я хочу к Натусе, — и снова хитро приказала: — Иди, дядя, иди, но скажи: я хочу к Натусе!

Ольга, заливаясь смехом, спрашивает:

— Поцелуй и отпусти, генацвале!

— Пускай он спустится вниз, тогда поцелую!

Супруги смеялись: Натуся пока не знала слов «пусть нагнется»!

«Она — единственная моя отрада, — радовался Илья, входя в кабинет. — А этот труд — сладостное мученье. И надо взвалить на себя такую ношу, и нести ее — высоко, как можно выше, и донести до самых недосыгаемых вершин!»

— Оленька, королева моя, — в один из прекрасных июньских вечеров с улыбкой преклонил перед женой колени Илья. — Прими — в награду и на память. Три раза переписывал. Пять месяцев трудился в поте лица, десять фунтов бумаги сжевал, сотню гусиных перьев затупил, тыщу коробок папирос выкурил, двадцать чапи кофе вылакал.

Жена с благоговением взяла рукопись, прочла на первом листе: «Отшельник». Легенда. Посвящаю Ольге Чавчавадзе.

— Спасибо, жизнь моя, — Ольга коснулась рукописи поцелуем и, прослезившись, обняла мужа.

— Никакое другое из моих произведений не давалось мне так тяжело, но и не приносило такой радости. Оно по праву принадлежит тебе, Олико, оно вдохновлено тобой, оно — твое рукотворение! И у меня нет ничего лучше этого!

— Вот и появился, наконец, наш первенец, — плакала счастливая женщина.

— Ты не смейся, что я так долго возился и так тебя измучил, так извел. Поэзия — она ведет беседу с сердцем, философия — с разумом. Я навьючил на себя нелегкую поклажу — я хотел, чтоб мое дитя, мое творение вело разговор с обоими.

— Теперь ты можешь возвратиться к своим «закладным»!

— Сначала возьми это, — протянул он ей две исписанных страницы.

— А это еще что?

— Это меньший брат моего «Отшельника» — «Базалетское озеро».

— Илико, ты сведешь меня с ума — когда же успел?

— В день, когда приехала Натуся. С тех пор я вытачиваю и выстругиваю. А к «закладным», моя голубка, в этом году я не приближусь, даже если разрушится Банк. Я хочу наслаждаться, хочу веселья, шуток, праздности. Я возьму в руки кости и карты. Укутаюсь в пестрый халат и нахлобучу на голову красную феску. Стану раскладывать пасьянсы, проигрывать друзьям в нарды. Буду потягивать в лесу у костра чубук и смачивать глотку мачари. Примусь скакать босиком по белым пшеничным нивам, подставляя лицо навстречу ветру. И кутежи, кутежи с моими родичами — пшав-хевсурами.

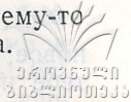
Прошедшие полгода не сочтутся моей жизнью, Олико! Царь Вавилонии Харон сказал: дни, проведенные в муках и в страхе, — не есть жизнь.

Он любил читать публично новые свои произведения, прислушиваться к замечаниям и взвешивать каждое.

«Отшельника» он прочел в салоне Давида Сараджишвили. Присутствовали все местные литераторы.

Говорилось хорошее. Говорилось плохое. По чьему-то совету он добавил новое к портрету Отшельника.

И издал поэму отдельной книгой.

* * *

С НАСТУПЛЕНИЕМ вечера, после весеннего ливня, когда в Тбилиси поселяется тихая печаль, встревоженная состоянием мужа Ольга завела речь о прозаическом произведении, написать которое Илья собирался уже давно. Он не раз сетовал на мучившие его с юных лет социальные, национальные и философско - психологические проблемы, отраженные им в «Рассказе нищего», в повести «Человек ли он?!», в «Записках путника».

«В своих первых рассказах я вел борьбу за улучшение имущественного положения крестьян, — говорил ей он еще три года назад. — Теперь меня одолевает стремление проникнуть в душу деревенского человека, оказать влияние на его моральную свободу, я хочу познать самого себя в сегодняшних обстоятельствах, определить свое местоназначение, я хочу вывести отверженных героев, тех, кто является жертвой распада, расчленения общества и человеческого одиночества. Я хочу обнажить причины этого явления, соотношение его с судьбой народа и найти средство для борьбы с ним!».

Ольга знала, что с юности мучила Илью и проблема материнства, роль женщины в жизни общества. В последнее время он не только очень много писал, но и говорил об этом. И вероятно, постарался бы связать все, собрать воедино эти проблемы в одном произведении. И даже затевал какие-то необычные эксперименты для проверки собственных своих взглядов. Каждое лето он устраивал в Сагурамо народные празднества. Иногда, переодевшись простолюдином, ходил он по деревням, стремясь постичь горести, нравы и думы народные...

Ольга с нетерпением ждала рождения этого произведения, но годы шли, а ее супруг все глубже и глубже увязал в болоте повседневности. Все чаще говорил о кредитах и «закладных» и — все реже и реже заговаривал о литературе.

— Илико, засядешь ли ты когда-нибудь за свое новое произведение! Время-то не терпит. А я вижу, тебе не только писать, но и думать недосуг; сколько же может так продолжаться? Николадзе обмолвился, оказывается, — хоть бы потерпел он поражение на этих выборах и вернулся, наконец, в литературу.

— Чтобы писать, необходимо время, необходим досуг, Оленька! Это сказал еще Руставели. Добропорядочная дама раньше девяти месяцев не должна произвести на свет дитя!

— Если ты сам о себе не позаботишься, сам не выкроишь время, в делах недостатка никогда не будет, они затянут тебя. Так что же, ты так и завершишь свое существование?! Но ведь если человек чего-то захочет всем сердцем и всей душой, время у него всегда найдется.

— «Базалетское озеро» вот уж пять лет покоится в ящике моего письменного стола, а я все не могу к нему подступиться, кое-что еще нужно исправить, чтоб его печатать!

— Что ж тут хорошего?

— Я как норовистый конь — коли не в настроении, с места меня не сдвинуть! Вспомни, дорогая: «Цвет юности завял от быстротечности времени, бег времени оставил сердце немощным...» Остались мы вдвоем, в волосах засеребрилась седина, и нет уж ни грез, ни надежд...

— Так уж и нет. Знаю, шутишь ты все, а твоя душа беспрестанно кружит-вьется над письменным столом.

— Допустим, Банк — к чертям, но с газетой как быть? С газетой, Оленька? Ни на минуту не могу покинуть ее. Дела редакционные — дела нешуточные и опасные: дрожи перед правительством, дабы, того и гляди, не приблизило нашу кончину, потом — изнывай от безденежья, дрожи в страхе перед писателем, перед читателем.

— Выходит, ты отступил, от всего отказался?

— Но стоит ли писать, когда на поприще вышел Важа Пшавела, когда Казбеги даровал нам «Элгуджу» и «Хевисбери Гочу»?! Ты слышишь, какой у него голосище?! Ведь сама жизнь — бесконечные муки, и каждую минуту — адские заботы да хлопоты. Теперь

— облачись в писательскую тогу, взвали на себя бремя писательства с его нескончаемыми огорчениями и тревогами! Добавь сюда мою прославленную лень! Если уж природа наградила человека врожденными чертами, избавиться от них мудрено. Пусть наделен я некоторыми способностями, но это еще ничего не значит, если не лелеять их, не развивать. Гений — это десять процентов таланта, а девяносто — кровавый пот.

Илья не представлял, как ему отрешиться от каждодневных, не терпящих отлагательства дел и забот, оторваться от них на длительное время, погрузиться в тишь и покой — иначе немислимо работать, немислимо творить. Стоит настроиться, и ты уже живешь в мире новых героев, новых идей. Для Ольги не оставался незамеченным ни малейший штрих в созидательном труде ее мужа, и потому она болезненно переживала, что безвозвратно уходит время, а создавать нормальные условия для работы Ильи становится все тяжелее. С присутствием ей тонкостью и тактом она убедила сотрудников и супруга, что за каких-нибудь несколько месяцев газета без него не погибнет: ведь «визир визирей Годориа» — Гига Кипшидзе прекрасно уловил и постиг стиль редактора и ни на йоту от него не отступится.

Совмещать обязанности председателя и директора Банка с каждым днем становилось все труднее. Организовали трехмесячное дежурство. Оно распространялось и на «Общество по распространению грамотности среди грузин». Постоянная помощь требовалась находящемуся в весьма затруднительном положении театру. Горячие деньки пришлось и на долю комиссии по канонизации текста «Витязя в тигровой шкуре», тут без Ильи не делалось ничего. К тому же именно теперь по собственному его плану и под его бдительным оком в Сагурамо строился новый дом.

В конце концов Ольге удалось преодолеть все препятствия, продумать множество мелочей, уговорить Илью и полностью изолировать его от дел, от знакомых и друзей. Отказаться от всего. От всего отрешиться. Засесть взаперти.

В это самое время Тбилиси потрясла весть из Ставрополя — убит Дмитрий Кипиани. Известие оглушило, ошеломило. Если для других грузин смерть Дмитрия Кипиани была национальной бедой и болью, то

для Ильи она была еще и личной потерей. Идея создания «Общества по распространению грамотности», Банка, театра, издания «Витязя в тигровой шкуре», всего того, что сегодня находилось под началом Ильи, принадлежала Кипиани.

«Как я ему поклонялся, как искренне, всем сердцем любил. Так почему судьба предопределила, чтоб всегда и во всем стоял я на его пути? Я не пощадил его ни в «Загадках», не щадил и в «Цискари». В им задуманном Банке я занял его место. И в Обществе грамотности — он так мечтал о нем — тоже. Никогда и ни в чем ему не уступил! А перед его смертью отказал ему в банковском займе. Неужели то, что принимаю я за благодать есть грех? А что принимаю я за добро есть зло? Господи, где твоя справедливость, как выдержит одно сердце столько мучений? Почему суждено мне идти столь страшными, столь жуткими дорогами? Почему не дано мне отступать, уступать, сострадать? Кто более гадок — подонок, вонзивший нож в сердце восьмидесятилетнего старца и обрушивший на его главу молот, или тот, кто ни в едином слове не остался перед ним в долгу. кто надсмеялся над ним и очернил?»

Господи, дай же мне заглянуть в свое сердце, дай постичь причину моей тяжелой доли! Почему не дано мне бежать из этого непостижимого превратного мира, в коем грехами несметными должен я отягчать свою душу!»

Покоя как не бывало.

Уединение стало в тягость.

И когда овцеводы пригласили его на гору Магарандафлети, он не отказался. Он посетил Келис тба и Чители эклесиа. Поднялся на самую вершину. Оттуда направился в Ларгвиси и в Ахалгори — погостить.

Дамы с восторгом рассказывали Ольге о проведенных в обществе Ильи днях и ведать не ведали, как тяготят ее расточаемые супругу комплименты. Это усугублялось еще и тем, что они нигде не появлялись друг без друга, теперь же Илья уехал без нее, скитается один. В одиночестве.

— Так вот каково твое обещание? — недовольно надувшись, спросила она возвратившегося супруга.

— Что поделаешь, когда ни к чему душа не лежит, Оленька!

— А для прогулок у тебя находится досуг! У княгини Тамар не скучал, княжну Екатерину развеселил! Где уж тут вспоминать о докучливой и примелькавшейся жене. Разве это порядочно?

— Опомнись, Олико! Мне и без того нелегко, а тут еще и ты подливаешь масла в огонь. Я растерян, не знаю, куда деваться, где укрыться. Я слова не могу вымолвить, чтобы тотчас, в тот же день или на следующий, не видеть слез в твоих глазах. Не знаю, чем прогневил я всевышнего. Я раздражен, меня выводит из себя каждая мелочь, ты же требуешь от меня объяснений по каждому пустяку. Как мне быть? Разве ты все еще не поняла—если гложет меня что-то, я замыкаюсь в себе. Мне стукнуло пятьдесят, мы двадцать четыре года вместе, и неужели за все это время ты не изучила меня? Я и сам сознаю, как тревожу тебя, сколько хлопот доставляю. Но таков уж я, и ты должна верить в меня. Зря, зря затаила ты в своем сердце пустые подозрения. Я тебя по-прежнему люблю. Ты говоришь — я не ласков, как прежде, молчалив. Но неужели не видишь, на какие муки я обрек — теперь я не стыжусь признаться — себя, не видишь разве, нет мне ни минуты покоя ни днем ни ночью. Сознание, что я причинял боль моему другу, не дает покоя. Разве мало мне того, что я вижу враждебность со всех сторон, терплю клевету, тысячу горестей, выношу скорбь и страданья. Нервы совсем сдали, сил поубавилось, жить для себя, для собственного счастья не остается времени, неужели всего этого недостаточно? Неужели нужно добавлять ко всему этому твое недовольство? Какая-то княжна Тамар? Какая-то княжна Екатерина? Вместо того, чтобы в такую минуту ты протянула мне руку помощи, облегчила мою горестную жизнь, развеяла мои беды и страдания, ты воображаешь себе нечто немислимое, обвиняешь меня в злодеяниях и выказываешь убийственную для моего сердца неприязнь.

— А как поступать мне, ведь мы катимся вспять. Во всем. Ты уже не существуешь. Ни для меня, ни для семьи, ни для литературы, ни для себя! Видно, ты в какой-то момент сбился с пути, потерял ориентир.

— Нет, Оленька, нет. Дни эти не потеряны для меня зря. Испорченную, черную кровь надо выпустить, иначе я не смогу создать ничего.

— Значит, ты не должен написать «Отарову вдову»?!

— С чего ты взяла? Почему это — не должен?

— Когда же? Пока, кроме заголовка, у нас нет ничего?

— Вот еще, генацвале! Она создавалась постоянно, в жизненной суете, в терзаниях и скитаньях. А если я десяток лет просижу за письменным столом, я заполню не более одного листа, да и тот придется разорвать. Мне все еще нелегко, многое надо обрести, многое разыскать, выстроить, продумать, но вот увидишь... дай только срок.

Ольга знала, это «генацвале» — знак истинного самопожертвования, выражение радости вдохновения и трепета творческого созревания и готовности.

На следующий день, как всегда очень осторожно приоткрыв дверь рабочей комнаты Ильи и увидев его у письменного стола, Ольга вознесла богу горячую молитву.

На нем — шелковый халат, на голове — красная феска. Не поднимая головы, он писал. Кабинет затянут папиросным дымом.

На столе, справа, громоздится груда исписанных листов. Посередине — пустые коробки, стопка чистой бумаги, запас папирос.

Илья так и не поднял головы, Ольга тихо затворила дверь. Там же, у иконы «Снятия со креста» пала на колени.

...Снова тихонько приоткрыла она дверь. Вошла на цыпочках. Поставила на стол стакан чая, положила рядом кусок белого хлеба, пододвинула поближе тарелку с двумя гроздьями кварельского винограда. Илья писал, не поднимая головы. Он будто не заметил, как она вошла. Ольга собралась так же неслышно, на цыпочках выйти, когда ее остановил Илья. Он взял несколько испещренных строчками листов и ласковым голосом начал читать... «В этой огромной деревне, которую я называю хотя бы Цаблиани, все знали Отарову вдову. Если спросить полицейского — сельского глашатая, он

34935340
1110330

скажет: никто, кроме солнца да дождя, не проникал во владения вдовы без ее на то воли!»...

Ночью ни один из них не сомкнул глаз. Жена тревожилась, как бы с ним ничего не случилось от столь напряженного труда и бессонницы. Она неслышно приближалась к двери, приоткрывала, заглядывала в щелочку и успокаивалась.

Кварельский виноград лежал нетронутый. Дым стлался, кружил сизым облаком. Исписанные страницы росли горой.

«Ильи нет в Тбилиси!» — сурово отвечала она посетителям. Но сотрудники «Иверии» знали: редактор здесь, рядом. Он пишет. И ступали мягко, на носках. Прикладывали палец к губам: «Тсс, говорите потише».

Как-то поутру парадные двери подъезда шумно распахнулись. По дому несся грохот. Выскочившая на шум Ольга оказалась лицом к лицу с золовкой, они не виделись вот уже два года. В то утро золовка приехала из Варшавы и теперь рвалась обнять брата, по которому давно соскучилась.

— Тсс! Не входи! Тише! — заслонила двери кабинета Ольга.

— Что значит «не входи»? Это еще что такое! Тебя никто не спрашивает!

Ольга молчала.

— И это в моем доме! К единственному брату не впускают?!

— Тсс! Тише, — отчаянная мольба стояла в глазах женщины.

— Может, его и в живых уже нет?! — вскричала Лиза и решительно двинулась вперед. Однако Годория, живший там же, в помещении редакции, многозначительным жестом остановил ее.

— Явилась, балаболка! — шепнул Диомид Максиму Шарадзе.

— Держите его за девятью замками! — выкрикнула Лиза. Возмущенная, что и брат не показывается, она вихрем выскочила вон.

На третий день приехал из Кутаиси издатель произведений Ильи Варлам Чиладзе. Ольга почтительно ввела его в кабинет мужа. Писатель продолжал сидеть.

Повернулся к Чиладзе лицом, спокойным светлым взглядом посмотрел на него и поздоровался. Взяв из рук гостя рукопись, бегло просмотрел ее и, не отвлекаясь больше, продолжал писать. Утомившись, перешел к мраморному столу, потом пересел на разостланный на полу ковер и, облокотившись на мутаку, продолжал работать.

На пятый вечер Ольга заглянула в комнату, Илья одетый крепко спал на тахте.

«Отарова вдова» была написана без перерыва, за пять суток. За ними последовал сон. Без перерыва — пять суток, не раздеваясь.

Илья был счастлив. Ему еще предстояло переписать и выправить все — четыре раза, с начала до конца, но уединение, муки, тревожные опасения — позади.

— А теперь говори, кто пожаловал к нам в гости и кого это ты не впускала ко мне?

— Лизико приехала. Ох, и рассердилась она на меня.

— Ничего, все утрясется, ведь мы, как-никак, брат и сестра.

— На день заезжал из Кварели Гиго.

— Скоро мы пожалуем к нему на ртвели.

— Принесли извещения, квитанцию из петербургского букинистического магазина и список новых книг.

— И что же ты?

— Психологический очерк Астафьева «Чувство, как моральное начало» и «Моральные основы жизни» Вайса я взяла. И список оставила.

— Правильно.

— Два раза к нам приходила Натукела. Преподнесла тебе букет.

— Олико, и не стыдно тебе? Натусю отправила, не дав нам повидаться? Нехорошо, она бы мне не помешала. Немедленно сообщи Гиголе, чтоб сегодня же вечером привел ее.

— Гониашвили Саломе, Марте, Елене, Мариам, Арсену я послала деньги. Петербургским студентам отослала пособие. Бедной семье, что живет в конце улицы, послала один туман. Приступили к организации ло-

тереи женского института. Для школы кройки и шитья поручила привезти из Сагурамо фрукты и продукты.

«Такой тяжелой ноши больше никогда на себя не взвалю! Изнемог вконец. Покой стоит мне целой жизни! Превращаюсь в жертву! До того, как начну писать — муки! Стану писать — муки! Закончу вещь — новые муки! Нет у меня права отрываться от жизни так надолго! Мирские проблемы требуют от меня железных нервов и неусыпной бдительности. Стоящие за каждым словом чувства и мысли отнимают всю мою жизнь!»

* * *

-НАШЕ поколение построит новый мир. История призывает нас преобразовывать жизнь.

То будет мир счастья для всех, где идолом станут не деньги, а восторжествует честный труд. Мы завоюем... братство, единство, свободу, — горячо говорил Карло Варденидзе Натусе. В том году ей исполнилось восемнадцать лет и даже близкие уже называли ее Нато.

Отойдя от фонтана, они пошли по тропинке, ведущей к новой беседке. Туда, где посаженные когда-то Ильей деревья — липы, ясень, вязы, самшит — вытянулись в полный рост.

Два месяца назад Карло вернулся из Женевы, куда уехал после окончания Харьковского университета — углублять знания.

Под женевским небом лицо его посветлело. Он выглядел более статным и степенным. На нем белая соломенная шляпа, под мышкой — неразлучная трость, ворот туго накрахмаленной сорочки украшает голубой шелковый бант. На Нато ситцевый в сборках сарафан. Она вся обращена в слух, уважительно смотрит на юношу.

Пылкие речи о равенстве, о счастье для всех людей, о Марксе, Энгельсе, Лассале завораживали ее.

Уже с малых лет, почти еще несмышленишем, дочка Григолы сопровождала отца к букинистам, в книжные магазины и читальни, собрания, на представления и благотворительные вечера. Он всюду водил ее с собой, и они делились впечатлениями, спорили на равных. Де-

вочка привыкла обсуждать серьезные проблемы. Наряды, мода, танцы, любовные истории не привлекали ее. Она отдавала предпочтение беседам с образованными, одержимыми новыми веяниями и смелыми идеями молодыми людьми.

Когда Натусе минуло двенадцать, Ольга определила ее в женскую профессиональную школу Екатерины Габашвили, и с той поры она сделалась постоянной участницей благотворительных вечеров, устраиваемых обществом грузинских женщин, и всех проводившихся лотерей-аллегри.

Улыбнувшись, Илья отвел взгляд от юноши и девушки — он успел соскучиться по несколько отдалившейся от них Натусе — она уже не приходила к ним так часто, как прежде. Илья приласкал ее мысленно и с озаренным этой светлой улыбкой лицом посмотрел на идущую в город дорогу — скоро на ней появятся гости, приглашенные на торжество в честь завершения строительства сагурамского дома и именин Ильи.

Илья, — говорили, — преклоняется пред гостеприимством. Да, он почитал хлеб-соль. И нужно было видеть его, когда он встречал гостей: лучистый нимб сиял над ним, и будто миллиарды солнц восходили в глазах.

Тому, кто хотел приобщиться к щедрости души и доброте человеческой, достаточно было видеть эти лучезарные глаза, этот струящийся свет на бледном, исполненном благородства лице.

Илья радовался новому дому, как дитя. «Я так рад, что он, наконец, построен, я так рад моему прекрасному дому, будто не свершил в своей жизни ничего величественнее, — говорит он Артуру Лейсту. «О да, но дом этот стоит одного вашего стихотворения, не боле». — «Не боле?» — «Разумеется! Напротив, смею заверить, ваши «Сумерки в Алазанской долине» много дороже. И когда от этого дома не останется ничего, дивные строки «Сумерек» не перестанут чаровать и грузина, и инородца...»

— Какой дворец он возвел! — восхитился Карло, замерев у каменного, в три этажа дома. Дом, обратив лик к Арагви, поглядывал на нее сверху вниз. Открытые балконы-веранды величаво вписывались в просто-

ры солнечных полей Сагурамо. Поросшие лесами горы вокруг, тихий уют усадьбы ...Весь пейзаж — гамма зеленого. С черно-зеленых хвойных деревьев и до серебристых стволов тополей. Колышущийся ярко-зеленой травой сад, исчерченный узкими тропками, горящий ослепительно-пестро цветник. Сад — с кустами ослепительно яркой, как солнечный дождик, сирени. Под гордо высящимся орехом журчит родник. Журчит ослепительно-звонко.

— Дядя Илья строил этот дом всю жизнь! — тепло говорит Нато. — Материал везли из города. За гумном он сложил для обжигания извести печь, там же обжигали кирпич. Едва выдавалась свободная минутка, дядя Илья звал моего отца, и все они мчались сюда.

Нато знает, как любит дядя Илья Сагурамо. Утомленный, он спешит сюда — перевести дух. Часами просиживает под дубом или орехом.

Илья оживился. По деревенской дороге к его дому галопом неслись шарабаны, фаэтоны, линейки и дилижансы. Вот въезжают во двор Акакий, Вано Полторацкий, Важа Пшавела, Давид Сараджишвили, Илья Окрочедлишвили, Петре Умикашвили, Нико Ломоури, Антон Пурцеладзе, Кола Эристави, Петре Накашидзе, Гиорги Журули, Валериан Гуния, Леван Джандиэри, Сопром Мгалоблишвили, Екатеринэ Габашвили, Якоб Гогешашвили, Артем Ахназаров, Григол Кипшидзе, Нико Хизанишвили.

Под кровом Ильи стало светлее. Как часто в этой жизни съедала его ржа людской зависти и вражды. Человек человеку — бальзам чудодейственный. Бывало, он с пафосом громко цитировал Шекспира: «Кого считаешь другом, поспеши приковать к себе стальной цепью».

— Я не забываю заповеди своего деда: к врагу ходи часто, к другу же редко!

— Благодарствую, Важа! Смотрите все, какой поэт сегодня у меня гостем! Он заставит заговорить даже голый камень!

— И не говорите — начитается Канта и Гегеля и повесит этот сладкозвучный пандури на рог.

— Приветствую тебя, Степанэ, — встретил Илья Дударели.

— Я не пропущу ни один ваш праздник, уважаемый Илья!

— Знаю. Ты, Гигола, Полторацкий, мой тезка Илья — старинные мои друзья. Да и как забыть, как ты разорвал наш «Цискари». Ты всегда был пай-мальчиком, умником да разумником, а мы вот так ума и не набрались.

— Эквтите, — положил хозяин ладонь на плечо Такайшвили. — Ох, уж эти твои «Три исторические хроники»! Прожужжал ты нам ими все уши, дескать, «Шатбердский Сборник» девятого века, а оказалось — десятого!

— Уважаемый Илья, вы прочли статью своего полемиста?

— Нет, полагаюсь только на Бакрадзе.

— Не все там верно и, если кое-что не уточним, нас засмеют, ославят на весь мир, заклеят позором написанное вами.

— Такая точность необходима будет тогда, когда получим мы то, что наш народ заслуживает.

Нато и Карло свернули к развалинам дворца Гурамишвили.

— Грузинский интеллигент далек от практической жизни, — авторитетно рассуждал юноша, — но стоит ему вкусить ее, он тотчас превращается в животное.

— О ком вы? — поморщилась Нато.

— Вам нравится, когда у поэта на пастбище овечье стадо, а в лесу — стадо свиней?

— Уж не думаете ли вы, что это наживы ради? Дядя Илья увлекается сельским хозяйством: увидит — купит. Интересно ему.

— Сепаратор! Инкубатор! Молотилка!

— Сепаратор в подвале, привязан к коряге. Инкубаторских цыплят он раздаст крестьянам.

— А заготовка ветчины? Консервов?

— Ветчина для семьи, не на продажу. Молотилка — так, чтоб любоваться, а молотят по старинке.

— А мельница на Арагви? Небось, туманов семьсот стоит.

— Все это не приносит дяде Илье ничего, кроме ушерба.

— Домашняя кузница?

— Довольно, очень вас прошу. Дядя Ильа забавный фантазер. Он все делает своими руками. Болванки раскаляет, мехи раздувает, печь разжигает. В прошлом году колеса для фаэтона сам смастерил, сам разводил из порошка краски, смешивал олифу, мел, вычислял пропорции.

— Ульи?

— Вай ме! Сам. Сам работает. Он очень любит наблюдать за пчелами. Он может смотреть на них часами. И между делом обучает крестьян.

— А сад? А виноградник?

— Для красоты! Нынче он разбил сад для карликовых фруктовых деревьев, совсем низкорослые, плодоносят раз в три года. Как он радовался! Каждое деревце лелеет как дитя.

— И вы всему верите?

— О, господи, конечно! Однажды отец спросил его — какой доход дает тебе Сагурамо? Какой доход — не знаю, — ответил дядя Ильа, — а вот один день пребывания там прибавляет мне десять лет жизни. Немецкий писатель Артур Лейст, увидев это приволье, воскликнул: «Фантазия хозяина создала этот рай для поэзии!» Никакие доходы не возместят-де расходов Ильи. Не забывайте — тетя Оля каждую неделю посылает отсюда в семь училищ Тбилиси по одной арбе провианта и разных разностей.

— В Европе считается преступлением, когда такие огромные угоды не приносят дохода.

— Не все здесь принадлежит дяде Илье. Рядом — поместье его свояка, Старосельского. Я знаю совершенно точно — чтобы построить этот дом, дядя Ильа влез по горло в долги.

— Я отказываюсь понимать! Вон — завод для сушки фруктов, вон — консервный завод! Производство соков! К чему поэту этакая индустрия?

— Разве вы не знаете? «Иверия» ежегодно должна двести туманов, он выплачивает долг из своего кармана.

— Я слышал, его владенья от края и до края и птице не перелететь.

— Но ведь вы здесь сами. Вот сами и смотрите, что правда, а что нет.

— Пять тысяч ведер вина. Куда он их деваает? И все только «ркацителы» и «саперавы». А орешкы и орехы, фундук?! Целые сады!

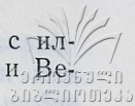
— Выдумкы. Сады?! Одно дерево — фундук, одно — орех! Это сады?

— Наталья Григорьевна! Наша молодежь с ее высокой моралью смотрит на все это совсем иначе.

Мсунага и Годориа, озабоченные, отделились от группы, толкующей о государственных делах, и направились к кухне. Под открытым небом, в гигантских котлах варилось на кострах мясо нетелы. Закалывали овец, резали индеек, гусей, потрошили кур. Перебирали высящиеся горой зелень, овощи. Корзины полны яблоками, персиками, грушами, сливами. В раскаленном тонэ румянились шоти-хлеба из отборной пшеницы, назуки, када. Звонко мылась посуда.

* * *

ДОНЕССЯ конский топот, шум колес, и к воротам подъехали переполненные фазтоны, и коляска Ильи, посланная им во Мцхета встретить гостей-иностранцев. У Мцхета их настиг ливень, коляска перевернулась. Хорошо еще, что хозяин предусмотрительно выслал к берегу Арагви десять дюжих молодцов. Три года назад на том же месте испуганная тройка понесла и, устремившись в пучину, исчезла в волнах реки. Долгожданных гостей поздравили с прибытием и проводили на балкон перевести дух. С братом и сестрой Уордроп прибыл и Артур Лейст, щеголявший длинными ухоженными усами, — близкий друг хозяина, не раз доселе посещавший Сагурамо и издавший в Дрездене антологию «Грузинские поэты». Рядом с ним — тридцатичетырехлетний профессор из Германии Карл Леман Гаупт. Французский путешественник барон де Баи, ценивший поэзию Ильи Чавчавадзе «как поистине христианскую, патриотическую и философскую». Профессор Оксфордского университета Морфиль — семь лет назад Илья преподнес ему издан-

ного Картвелишвили «Витязя в тигровой шкуре» с иллюстрациями Зичи. Русские писатели — Марков и Верличко.

Лейст передал хозяину статью австрийского академика Гуго Шухарта, написанную на грузинском языке, и его книгу «Über das Georgische».

Марджори, ее брат Оливер, Илья и Ольга поднялись на балкон третьего этажа. Хрупкая, изящная девушка, хотя и испуганная неожиданным приключением, нашла в себе силы извиниться за непредвиденное опоздание. Ее знание грузинского языка восхитило и очаровало присутствующих, и они смотрели на нее как на диковинку, чуть ли не как на святую.

За два месяца до сегодняшней встречи Илья получил изданного в Лондоне в переводе Марджори Уордроп «Отшельника». А теперь она загорелась мечтой перевести «Витязя в тигровой шкуре». Оливер же намного раньше издал в Англии книгу «Царство Грузии».

Идти на балкон вслед за гостями Степанэ считал для себя неудобным, однако всячески старался ничего не упускать. Он приехал не один: два тайных агента вели бдительное наблюдение за гостями и за хозяевами...

* * *

— **ЗАДУМЫВАЛИСЬ** ли вы когда-нибудь о том, что несет нам растление и помутнение человеческого разума, — с жаром говорил Бено Хордели сотруднику «Иверии» Михако Насидзе. — Не лучше ли, пока не поздно, распрощаться с вашим одряхлевшим идолом? Поймите же, наконец, — завтрашний день принадлежит нам.

— Ну, это не впервой, когда едва вылупившийся из скорлупы писатель набрасывается на Илью.

— А что прикажете делать? Нас не удовлетворяет господствующее ныне направление. Традиции ушедших поколений кошмаром душат нас. Илья писатель старых устоев и нам, молодым, дороги не дает — притесняет, мешает развернуться, загоняет в тень. Полемистов, не гнушаясь средствами, разносит в пух и в прах.

— Сие губительно для нашей родины, — зло поддакнул Герваси Багнарадзе.

— Так вступите с ним в полемику! Спорьте! Или вам по вкусу только люди, скроенные по одной мерке?

Они сидели в одной из комнат редакции только что основанной газеты «Квали». За опущенными шторами — ранний вечер.

Основатель «Квали» Георгий Церетели и его супруга Тасо Туманишвили передали бразды правления газеты едва вступившей в жизнь группировке.

«Маркса признать необходимо, — высказался, оказывается, маститый деятель, — марксисты — народ энергичный!»

Все понимали — новая газета — дело нешуточное. Кто одобрял такое начинание, а кто и осуждал: этукую «гигантскую пушку да в руки ветреным деткам!» Давние знакомые Церетели ничуть не удивились происшедшему: «Горшок катился, катился, да свою крышку и нашел!».

«Пусть себе на здоровье», — мысленно съехидничал Михако. Он лет на семь-восемь старше юных полемистов. Эти двадцати-двадцатидвухлетние молодые люди не ограничивались лишь писанием: в книжных магазинах, в библиотеках, в мастерских они зачитывали рефераты, проповедовали и отстаивали свои взгляды, обретая немало сочувствующих.

— А ты, молодой человек, решил за Ильей следовать? — прищурился Бено.

— В ком увижу истину, за тем и пойду.

— «Теория плуга и меча» то же, что пресловутая теория о «братстве» между князьями и крестьянами. В этом ты видишь истину? — рассердился Герваси Багнарадзе.

— Разве вам неведомо — на сорок статей «Иверии» цензура наложила запрет, ее грозят прикрыть.

— Такими зернами кормите своих цыплят, — гневно обрушился на него Герваси.

— Однако никто пока не сделал большего, чем он.

— Ну, это еще как сказать, собственно, что вы называете делом? — сверкнул на него гневным взглядом Бено. — Заигрывание с государем вы почитаете служением народу? Мы стремимся к братскому союзу с

трудящимися. Наша заповедь: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Ваш Илья давно уже впал в детство, — резко сказал Герваси, — дальше страну поведем за собой мы.

— Илья одобряет частную собственность.

— А ваш редактор?

— Редактор «Квали» пойдет по нашему пути.

— Почему? У него что, нет своего ума?

— А у тебя? Чего ради во всем находишь ему оправдание?

— Знаем мы эту песенку. Цель ваша — сжить со свету Илью Чавчавадзе.

— Скажите! Он не дитя малое, чтобы петь ему: «Господи, облегчи его дни грядущие».

— Нехристи вы, безбожники! Взгляните только, что написал о нем ваш редактор. Да и вы молодцы, нечего сказать! Он напечатал крошечный отрывок из нового романа «Странная история», а вы за это давай его поносить, бранить, ругать на чем свет стоит. Вот так критика! Вот так мужество! «Не думаю, чтобы кто-либо старательнее и внимательней нас наблюдал за становлением таланта нашего заслуженного поэта (Видали? Насмешка над заслугами Ильи?) на протяжении этих трех десятилетий. Его творческая мощь достигла своего апогея уже давно и с тех пор заметно идет на убыль. Он создал «Глаха Чриашвили» и ничего достойнее уже не написал. Так началось его движение назад. Если когда-либо он и стоял в центре общественной жизни Грузии, то после «Глахи Чриашвили» все кануло в Лету».

Вот она, ваша объективность и справедливость, «Парижская Коммуна», «Отарова вдова», «Отшельник», «Димитрий Самопожертвователь»! Все — бесталанно?!

— Неужто это для вас новость? — расхохотался Герваси.

— А вот еще: «Рассказ этот далек от «Писаря Мосэ» Ниношвили, как небо от земли». Зачем понадобилось вам подобное сопоставление?

При упоминании Ниношвили Герваси так и вскипел:

— Ты считаешь себя вправе хулить божественного Эгнатэ? Скаредность «Иверии» лишила нас надежды нашего народа — Ниношвили.

— Мы любим Ниношвили ничуть не меньше вашего, в «Иверии» опубликована добрая половина его произведений, мы всячески ему помогали и скорбели о нем тоже не меньше вашего. Я спрашиваю, почему вы лезете на рожон, зачем сопоставлять? Или нельзя питать любовь к обоим?

— Нам не о чем говорить с вами — врагами нового поколения.

«Идиоты из старого поколения слишком уж легко находят язык с этими... гениями поколения нового!» — думал Мнхако.

— Илья Чавчавадзе — кабинетный червь, он никакого понятия не имеет о жизни, — с академической важностью провозгласил Бено.

— «Отарова вдова» и «Отшельник» не могут называться произведениями литературы, — покачал головой Герваси. — Где, скажите на милость, в какой стране пишут сегодня столь примитивные и наивные произведения?

— Новое поколение никто со счетов не сбрасывает. Огорчительно лишь то, что все имеет и лицевую, и оборотную сторону. И несущему добро направлению тоже сопутствует зло, премного ему вредящее.

— Уж не причисляешь ли ты и нас к направлению несправедному?

— Истинный смысл жизни — разобраться в настоящем требовании времени. Слезы то или смех? Разобщение или единство? Война или мр?!

— Может, насущная необходимость сегодняшнего дня — пустая болтовня о Банке? — язвительно спросил Бено.

— Все ваши доводы сводятся к личной неприязни и потому зыбки. В прошлом году мы напечатали в «Иверии» рецензию на постановку Гамлета. Основное внимание уделялось исполнителю роли Лаэрта. Илья поинтересовался, кто играл его. Оказалось — сам рецензент! Илья отказался от рецензии. И что же? Оскорбленный, рецензент переметнулся к вам и под псев-

донимом «Риголетто» пустился обвинять Илью во всех смертных грехах. Уж не таких вы именуете новым поколением?

— Нашлись праведники — будто каждое ваше слово святая правда?

— Илья Чавчавадзе в делах «Иверии» безгрешен!

— Ваш Илья мастер писать пространно и прескучно, — хмыкнул Герваси.

Михако был потрясен. Эти, совсем еще молодые люди, позволяют себе столь пренебрежительно отзываться о том, кто создал «Отарову вдову» и «Человек ли он?!»

«К чему мы придем? По какому праву смеют они судить так смело? И что несет за собой такое веяние? Что даст оно нам завтра? Послезавтра? Через пять, десять лет?! По какому праву такое пренебрежение к человеку, произнесшему всего несколько дней назад столь вдохновенное слово над прахом Бараташвили, перевезенным по его настоянию из Гянджи?»

— Кто не склонен разделить наших взглядов, пусть держится от нас подальше! — с грозным видом поднялся Герваси.

— Уважающий себя молодой человек, человек чести даже кланяться с Ильей должен почитать для себя заторным, — поддакнул ему Бено.

— Прочь идола!

— Идея восторжествует!

Схватив шапку, Михако молча вышел из комнаты.

* * *

Это произошло в позапрошлом году: «Разве достоин я юбилея!» — печально сказал Илья делегации грузинских деятелей, пришедших к нему с предложением торжественно отпраздновать его шестидесятилетие.

«Юбилей — своего рода кееноба»¹, — сказал он более веско, увидев, что так легко от него не отстанут.

¹ Кееноба — скоморошничество.

«Не откажите! Юбилейный комитет уже избран. Книги издаем!»

«Устраивать юбилей Ильи?! И не просите! — предупредил губернатор посланца. — Так или иначе, нам придется отказать вам, и это обиднее и вреднее! Ваш апостол Илья числится в списках неблагонадежных!»

Он не обиделся: сейчас не время, — думал он. Поздравления шли оговсюду, из всех уголков — из России, с Украины, из-за границы. Были выпущены и посвященные ему книги. Но нет его душе покоя, и причиной тому задуманный много лет назад роман. Он возлагал на него большие надежды, но... все еще не знал, как к нему подступиться. Он жаждал писать и знал о чем, но вдохнуть в роман жизнь уже не мог, как не мог постичь, куда и когда кануло то прекрасное время, когда в мысли и чувства он по мановению какой-то магической силы вдыхал жизнь, душу, будто то и не он вовсе, а неведомая божественная сила направляла его перо, и все давалось тогда без малейшего напряжения, без насилия над собой.

Ночами он привык бродить по двору. Быстро вышагивал взад-вперед, напряженно думая о своем. Но все оставалось по-прежнему, ему так и не удавалось подчинить ее себе, и тогда им овладевало волнение. Теперь он, как никогда, ощущал, что был человеком замкнутым. И никогда у него не было друга. С раннего детства он залушал горе и боль в своем сердце, одинокий, один на один выходил с ними на бой. «Я мрачный человек, и худо, что не умею горем своим ни с кем поделиться!»

— Илико, тебя спрашивает какой-то юноша, — шепотом сообщила Ольга.

Илья тотчас вышел на балкон. При виде гостя он озарился радостью:

— Онисэ! Какими судьбами! Где ты запропастился? Где твое слово?! — крепко жал Илья его руку, изливая ласковое тепло своего волшебного взгляда.

— Меня не было здесь, уважаемый Илья!

— Принес что-нибудь для нас?

— Увы. Нет у меня уже ничего, — смутившись, ответил Онисэ.

— Жаль, — с упреком произнес Илья, но о причине не спросил.

Пять лет назад этот юноша храбро и в то же время почтительно вошел к нему в редакцию «Иверии». Он показался ему покладистым, вежливым, но отнюдь не застенчивым. Юноша уверенно передал аккуратно переписанные пять стихотворений. К тому времени у Ильи зародилось странное недоверие к молодым сочинителям. С чувством досады перелистывал он заполненные их произведениями страницы «Квали». Дабы сей недуг не перекинулся на «Иверию», он не спешил публиковать их стихи и отдавал их на суд самым строгим сотрудникам. Но на этот раз, сам не понимая почему, он тут же прочел все пять стихотворений и минуты две встревоженно рассматривал страницы. На лице его не отражалось ни недовольства, ни восторга. Он будто взвешивал, одобрить, забраковать ли? Он уловил нечто знакомое, родственное и старался определить, что именно.

— Присаживайтесь, молодой человек! — только теперь пригласил он и услышал в своем голосе благоговение. — Хорошие стихи. Напечатаем. Все пять. В них боль. Любовь к родине. Сила. Вот бы только чуть-чуть обстругать. Проскальзывает грубость, тяжеловесность, скованность, — Илья засмеялся: он понял, догадался наконец — да ведь он говорит о себе, о стихах своей молодости. Да, в стихах юноши он разглядел себя!

— Уважаемый Илья! — твердо заговорил гость. — Нам известно — правительство запретило ваш юбилей, да вы и сами отказались. Рабочие железнодорожных мастерских поручили мне просить вас принять участие в заседании их кружка, будет разбираться ваш «Разбойник Како».

— Приду! Непременно! Мне интересно, — просто ответил Илья.

— Я зайду за вами, батона Илья, может, это будет связано для вас с некоторыми неудобствами?!

— Понимаю. Соблюдайте осторожность, молодые люди, — вы очень нужны своей стране. Наше завтра, наше будущее — в вас. Любите свою родину и принесите в жертву этой любви все.

Оставшись один, Илья с жаром продолжил писать новогоднюю передовую. Он прощался со старым веком и приветствовал новый, грядущий. «...Одно из величайших и славных свершений века девятнадцатого в том, что он помог расправить крылья гуманному просвещению, влил в него силу, дал научное направление, сделал доступным для бедных и беспомощных.

Век девятнадцатый провозгласил идеалом социального строя упразднение неравного распределения имущества и доходов между людьми, упразднил классовое неравенство. Сулил поставить на ноги трудовой народ, оказать помощь, открыть путь к процветанию и успеху».

Закончив писать, он начал внимательно перелистывать только что полученные книги. «Теория Карла Маркса и его критики», Фридрих Лаге «Рабочий вопрос»; Зобер «Давид Риккардо и Карл Маркс», Карл Маркс «Критика политической экономии», «Капитал».

Перевод Аллы ПЕРИМ

ХРОНИКА

ДЕНЬ ИЛЬИ

В САИНГИЛО, в Народном театре в Алибеглу (главный режиссер театра — Анзор Доленджашвили) был проведен День Ильи, устроенный грузинским отделением общества «Знание».

Выступили секретарь Союза писателей Грузии, лауреат премии им. Ш. Руставели

Реваз Инанишвили, заслуженный деятель культуры Грузинской ССР, доктор филологических наук Д. Алиева, профессор Шалва Гозалишвили, критик К. Имедашвили, доктор филологических наук Г. Шарадзе, поэт-переводчик Лейла Эрадзе, поэт Нодар Гурешидзе, актеры Котэ Махарадзе и Зураб Капианидзе.

ЛАРА

РАССКАЗ

ГОРЫ, свидетели подобных событий, должны становиться...

...В ту пору, когда мы жили в районе Делиси, поселились по соседству с нами мать и сын. Мать работала рядовым врачом в районной поликлинике, сын учился на втором курсе Политехнического института.

Нравы нашего народа известны — не успели новые соседи завезти свое имущество, как во дворе начали шептаться и судачить: «А вы знаете, чья она дочь? Отец ее был правой рукой такого-то!» «Да что вы, — у женщин от удивления глаза лезли на лоб, — не может быть!» «Точно. А когда отца арестовали, муж бросил ее и женился на другой!».

Соседи ревниво высматривали — кто к новым жильцам ходит, что к ним приносят. Что касается их имущества — я видел своими глазами: состояло оно из обыкновенной недорогой спальни, такой же столовой, кастрюль, тарелок и прочей мелочи.

Необычной внешностью или манерами женщина не отличалась. Впрочем, было в ней что-то исконно городское — тонкие прямые ноги, стройная фигура, чуть приподнятые плечи, худощавое лицо. Она вообще не привлекала бы внимания, если б не большие синие очки. Да и они при первом взгляде вызывали скорее улыбку, и лишь потом, присмотревшись, человек убеждался, что очки идут к ней — близоруким глазам они придавали приятную мягкую синеву.

На остановке, ожидая троллейбус, она стояла в странной, необычной позе — приложив к левой щеке правую руку с длинными тонкими пальцами и единст-

венным перстнем с мелким камнем, словно у нее болел зуб.

Сблизиться с соседями женщина не старалась, но здоровалась при встрече всегда приветливо, с доброй улыбкой.

Сын очень походил на мать — был таким же худощавым, хотя и выше ростом, так же щурил глаза, окаймленные густыми, как у матери, ресницами. Его можно было назвать даже красивым. Он так же приветливо улыбался соседям и при этом краснел от смущения. Курить, видно, начал недавно, — заметив меня, тотчас же прятал сигарету.

Звали мать и сына не по-нашему — ее Ларой, его Жюльеном. По всему было заметно — они очень любили друг друга. Оба были меломанами — я несколько раз видел их вместе на концертах, причем таких, которые у нас посещают лишь музыканты. Они сидели словно очарованные, не двигаясь и не дыша.

Новая соседка изредка решалась все же заглянуть к нам — воспользоваться телефоном, когда не работал собственный, попросить молоток, клещи, еще чего-нибудь по хозяйству. «Садитесь, садитесь, пожалуйста», — упрашивала ее моя супруга, но женщина продолжала стоять в своей излюбленной позе, словно пришла она с мороза и вот-вот погладит правой рукой нос или щеку. В такие минуты она — женщина за сорок, с тонкими, сохранившими свежесть, чуть подкрашенными губами — была по-молодому красива. Вот только профиль подводил ее, особенно — длинноватый острый нос.

Случалось, у моей матери поднималось давление, и тогда мы обращались за врачебной помощью к нашей соседке. Она входила быстрыми шагами, как обычно входят в палату врачи, с профессиональным спокойствием измеряла у матери давление, делала укол, давала советы — что и как. В таких случаях она, конечно, садилась, тесно сжав колени, ставя ноги не прямо, а чуть в сторонку. Иногда заходил к нам и сын соседки. И хотя мы знали об их происхождении, соседство тихих порядочных людей нам было приятно, особенно после прежних шумных жильцов.

А спустя около десяти месяцев после появления в нашем доме новых соседей произошло вот что: освобо-

дили из заключения известно в свое время отца Лары. Он отсидел более четырнадцати лет, но выпустили его скорее по состоянию здоровья — он был полнейшим дистрофиком.

Нам, ближайшим соседям, Лара не сказала об этом ни слова, и я не знаю, откуда стало известно всему дому, что отца ее привезут сегодня вечером, — видно, действует меж людей какая-то связь, вроде радиоволн. И когда в восемь вечера у нашего подъезда остановилась зеленоватая «Волга», весь дом в полном составе уже находился у окон, в том числе — я, движимый любопытством.

Из машины слева первым вышел Жюльен, казавшийся уставшим, с опущенными плечами, затем — сидевший за рулем крупный, здоровый мужчина. Он сразу просунул голову и полтуловища в заднюю дверь машины. Жюльен тоже заглянул туда, бросив украдкой взгляд в сторону дома.

Мне не приходилось видеть отца Лары во времена его процветания. Но я видел других, поменьше чином. Нельзя забыть их — в блестящих «царских» сапогах, в облежавших гордо выпяченную грудь гимнастерках с накладными карманами, с портупелями, скрипучими ремнями с характерным запахом. Мне кажется, они никогда не хмурились, наоборот, были всегда в отличном настроении — холеные, подвижные, с полными довольными лицами, всегда чисто выбритые. У них была привычка — ласково потрепать по щеке, но почему-то эта ласка воспринималась как пощечина. Озабоченность — удел людей, ломающих голову над улаживанием служебных дел, у этих же всегда все шло как по часам — каждый из них чувствовал себя перед нами в положении кота, поймавшего мышь и самодовольно играющего с ней. Появление их машин вселяло страху больше, чем их самих. Был у отца родственник из той же плеяды — Георгий, Жора. Люди прятались, когда в наш двор въезжала его черная машина. А Жора поднимался по лестнице с веселым смехом, так же, как и другие, подобные ему, проходя мимо, похлопывал нас, мальчиков, по щеке. Жора держался с отцом свободно, подшучивал над ним: «Смотри, Аквсентий, мы непременно посадим тебя!» И посадили. За что — не могу понять по сей день. Собралась к нему мать с по-

клоном, взяла меня с собой — шел мне тогда пятнадцатый год. «Жора, ради бога, объясните мне, что случилось, что за несчастье на нашу голову?» Жора был все таким же — веселым, улыбчивым, доброжелательным. «Ничего, ничего, идите домой...» Ласково потрепал меня по щеке. Ушли мы... Жора был в звании майора. А вы представьте себе чин выше на три ступени! Какие бы у него были мягкие пальцы, какая обворожительная улыбка...

...Высадили Лара и тот здоровяк из машины мужчину — не мужчину, какое-то развалившееся существо. Одну руку Лара просунула ему под мышку, другой поддерживала голову. Огромная черная кепка то и дело сползала с его головы, здоровяк поправлял ее. Нет, брат, этого мне тоже не забыть! Глаза у него... Я не видел выпученных глаз повешенных, лишь слышал о них. Но с того дня мне кажется — подобных страшных глаз не может быть ни у одного повешенного. Выпученные — еще куда ни шло, но какие огромные! И как он водил ими — то в одну, то в другую сторону... Это было действительно страшно! Страшен был и рот его — черная деформированная пасть.

Вот это рассыпавшееся, превратившееся в ничто существо было поднято наверх. Жюльен стоял не двигаясь, потом захлопнул дверцу машины и последовал за матерью, дедом и тем здоровяком. Бывшего заключенного завели в комнату и заперлись. Здоровяк вскоре ушел. Гнетущая тишина воцарилась в нашем подъезде.

Лара, и прежде чуравшаяся соседей, после появления отца стала вообще избегать нас. Да и времени для соседей у нее не оставалось — с раннего утра бежала, звеня бутылками, за молоком, потом шла на базар, придерживая очки рукой, после работы — то в аптеку, то к врачам. Она заметно похудела, плечи у нее еще больше поднялись вверх, нос заострился. Похудел, пригорюнился и Жюльен. Теперь он неизменно держал в руке сигарету.

С Ларой соседи, конечно, встречались, но она ни с кем не вступала в разговоры, никто ни разу не услышал от нее обычных в таких случаях излияний — дескать, отец был невиновен, всю свою жизнь он заботился о других, и вот, пожалуйста, оценили его!.. Она, не

38195341
110933

щадя себя, боролась за спасение отца — самоотверженность наших женщин, особенно единственных дочерей, в подобных делах общеизвестна. Не знаю, каким образом, но вести о состоянии здоровья Лариного отца доходили до соседей — гемоглобин понижен до семнадцати... Пищу не переваривает... Лара готовила различные соки, выжимала даже мясо, печенку и из ложки, словно младенца, кормила отца. И Жюльен, как опытная сиделка, не отходил от деда. Его ни на минуту не оставляли одного — то мать, то сын находились на бюллетене—видно, коллеги помогали Ларе.

Борьба за спасение старика продолжалась месяца четыре, даже больше, и вот в начале апреля он появился на балконе. Одежда на нем висела мешком, но — какое сравнение! — теперь он уверенно стоял на ногах, держал голову прямо и, упираясь в перила почерневшими руками, обозревал мир. Взглянул он и на меня. Наши глаза встретились. О-о, взгляд его был полон прежнего холода и тяжести ртуты...

Лара отошла, вернулась к ней прежняя приятная улыбка, мелькавшая на губах при встрече с нами. Вздыхнул свободнее и Жюльен. Старик мог теперь подолгу оставаться один. Чем он занимался? Лежал, наверно, читал или, предаваясь воспоминаниям, смотрел в потолок.

А в один прекрасный день случилось вот что: вышел Ларин отец, когда дома не было никого, спустился вниз, пройдя нашу улицу, двинулся дальше, по проспекту Важа Пшавела и, дойдя до почты, упал. Собрался народ, вызвали скорую, отвезли его в больницу. Не помогло. Он умер. Никто его не знал в лицо, и никакого удостоверения при нем не оказалось. В кармане у него нашли сложенное вчетверо письмо на трех страницах. Адресовалось оно какому-то начальнику, названному лишь по имени и отчеству — не письмо даже, а докладная записка. Были вынуждены прочитать рукопись. И все прояснилось. Сообщили Ларе. Потом пожалели — сглупили-де, не следовало делать этого, но было уже поздно — Лара узнала все.

Письма этого я не видел, но содержание его сегодня известно многим. Бывший заключенный писал, вернее, докладывал какому-то большому начальнику: в начале — кто он и какие у него заслуги во всенарод-

ных делах (судя по тону письма, о них должен был быть осведомлен и сам адресат), затем — как ему оплатили злые люди, что он пережил, сколько вынес и вытерпел, но все же стоит на ногах и не только стоит, но готов и впредь служить стране и останется таким до последнего своего вздоха. И, наконец, в подтверждение сказанного, он сообщал: у него есть дочь, врач такой-то поликлиники, и внук, студент Политехнического института. И эти люди — мать и сын — почти ежедневно, утром и вечером, по японскому транзистору, приобретенному подозрительными путями в Москве, слушают направленные против нашей страны передачи из-за рубежа, затем, конечно, распространяют содержание этих передач среди сотрудников, студентов, что ведет к моральному разложению наших людей... Против подобных преступных действий должны бороться все без исключения, а непосредственных виновников, будь они даже его собственные дочь и внук, следует немедленно изолировать от общества, иначе будет поздно...

О содержании этого письма узнали все. И все же — ведь мы грузины! — на похороны пришло много людей. Пошли и мы с женой. Облаченная в траур Лара сидела, опустив голову. Когда я пожал ей руку, она взглянула на меня, поблагодарила, и на губах ее — не знаю, может мне показалось — появилась слабая горькая улыбка. Я смешался, споткнулся и налетел на шедшую впереди супругу. Она испуганно взглянула на меня, но при людях промолчала.

Вскоре после похорон Лара и Жюльен опять обменяли квартиру и перебрались куда-то в район Мухиани.

Не знаю, надолго ли они обосновались там. Иной раз мне очень, очень хотелось увидеть Лару. И хорошо, что разыскать ее было нелегко.

Никогда больше я не встречал их — ни Лару, ни застенчивого ее сына Жюльена...

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ

ПРОГУЛКА К МОРЮ

РАССКАЗ

НА ОСЕНЬ мне дали переэкзаменовку. Мама постоянно ворчала: «Сядь наконец, позаймись». А у меня не лежала душа ни к зубрежке, ни к деревне. «Если хочешь, чтобы я хорошо учился, — гундосил я в ответ — переедем к отцу в город». Мы с мамой и братом жили у деда в его старенькой оде. Дед совсем одряхлел, и мама заботилась о нем. Она и при желании не смогла бы перебраться в город — не бросать же дела одного. Впрочем, называть городом наш районный центр было, конечно, явным преувеличением.

Отец работал в институте субтропиков. Третью своей жизни он затратил на выведение морозоустойчивого сорта грейпфрута, но, как видно, желанного результата так и не достиг, иначе мы непременно узнали бы из газет, что Григол Габадзе в результате упорного труда и настойчивых поисков создал новый морозостойкий сорт грейпфрута, к разведению которого приступают в умеренном поясе нашей страны, что агроном-самоучка за это свое достижение представлен... Ну, может быть, все это было бы сформулировано по-другому, но, бесспорно, создание морозоустойчивого сорта грейпфрута совершило бы переворот в субтропической науке. Но у отца пока ничего не получается, к сожалению.

Недавно в деревню приезжал Духуна. Духуна — наш родственник, как говорил дед, — сродник. Его отец, дядя Геронти — большой человек. Духуна года на четыре старше меня, учится в Тбилиси на втором курсе сельскохозяйственного института. Когда он поступал в институт, наш председатель выдал справку о том, что Духуна Габадзе — активный член колхоза, им выработано 500 трудодней. На деле же Духуна и цапки в руках никогда не держал, но чего не сделаешь ради

уважаемого человека! Дядя Геронти — полная противоположность моему отцу, тот мне постоянно долдонит: не хочешь учиться — поступай в ПТУ, там тебя ремеслу обучат...

Мы с Духуной подружились. Сперва он показался мне задавалой, но потом я понял, что ошибся. Я ехал на своем иноходце и вдруг увидел его на дороге. Он помахал мне рукой. Я остановился. Духуна подошел, провел рукой по лошадиной гриве и попросил: — Посади меня, я отлично езжу верхом. Я соскочил с коня, но как только он сел в седло, понял, что никакой он не наездник... Ходили мы и на охоту. Правда, вернулись ни с чем, но в дороге он рассказал массу интересных вещей. Я слушал его, разинув рот, он даже удивился: «Ну и темный же ты, ничего в жизни не видел!» В это время из-под ног у нас взлетел тетерев, и не успел я вымолвить и слова, как он бабахнул из обоих стволов. Хорошо еще не попал! Настроение у него испортилось: хотя бы, говорит, зяблика принести. Потом начал палить из ружья без разбору. Настрелявшись, сказал: «Пошли домой». В дороге без конца твердил о моей серости, я чувствовал, это доставляет ему большое удовольствие. Он с такой легкостью говорил о моей невежественности, что я не успевал разозлиться. К примеру, спрашивал: «Вот ты пригласил девушку в театр, купил билеты — ложу бенуара, как ты найдешь в театре эту ложу, и вообще знаешь ли ты, что такое бенуар?» Что такое ложа, я, конечно, знал, а вот о бенуаре никогда не слышал. Он смеялся до слез.

— А море ты видел? — спросил он под конец и, хитро сощутив глаза, замер в ожидании ответа.

— Нет, не видел, — ответил я. Я ждал, что он опять начнет смеяться и говорить, что я — темнота и все такое, но он даже не улыбнулся.

— Приезжай, брат, ко мне, я тебе море покажу!

Естественно, ничто уже не могло удержать меня в деревне. Собрал я свои пожитки и сел в автобус, идущий в районный центр.

В город я приехал вечером. Отец был дома, читал какую-то брошюру и делал пометки в тетради. Когда я вошел в комнату, он сделал большие глаза и спросил:

— Что-нибудь случилось? — в голосе его была тревога.

— Нет, все в порядке, — ответил я, оглядывая комнату.

Отец успокоился, пожал мне руку, предложил сесть и снова уткнулся в брошюру.

Я присел на кровать. Комната была так мала, что, казалось, все в ней упиралось друг в друга: стол — в кровать, шкаф — в стол, потолок — в шкаф. В единственное окно заглядывали вечерние сумерки. На и без того грязном полу валялись обгорелые спички. Я подумал, интересно, кто жег их в таком количестве и для чего. Поднял глаза к потолку — вокруг яркой лампы вился рой бабочек и мух.

Я снова оглядел комнату и сказал:

— Дай веник, я подмету, мама кое-что прислала, поужинаем.

— Веник у двери, — не отрывая глаз от брошюры, отец протянул руку к двери.

Я прочел название брошюры: «Вегетативные гибриды помидора». Значит, отец перешел на выведение морозоустойчивых сортов помидора, подумал я и взялся за веник. Я подмел в комнате, вымыл тарелки и выложил на стол привезенную из деревни провизию. Мчади и хачапури, завернутые в кухонные полотенца, были еще теплые. Отец отложил брошюру, отломил кусок мчади, положил сверху сыр и, приговаривая: «Охо-хо, нет еды лучше мчади с сыром!», снова уткнулся в брошюру.

Неожиданно со двора донесся женский голос. Я повернулся и выглянул в окно. Удивительная картина явилась мне: утопающий в зелени двор был окутан ночными сумерками; лучи электрического света, проникавшего с улицы, выхватывали из темноты яблоню, ветви которой касались нашего окна, красивый балкон напротив и лестницу. По ней как бы плыла девушка, похожая на фею. Она поднялась на второй этаж, выглянула с балкона во двор, а потом скрылась за дверью. Я взглянул на отца. Он наконец закончил чтение и теперь наворачивал присланное мамой.

— Благословенна деревня, благословенна! Ты надолго?

— На три-четыре дня.

Отец уставился на меня. У него было худое с запавшими глазами лицо. Он почему-то отпустил бороду. Наконец он спросил:

— А как твои дела? Что собираешься делать?

— Должен заниматься.

— Заниматься? — опустив глаза, отец в задумчивости сосал куриную косточку, потом снова поднял на меня глаза. — Поступай в ПТУ, выучишься там на столяра, вот тебе мой совет. Ты любишь мастачить, так что легко овладеешь ремеслом.

Так я и знал, что он это скажет! Я ничего не ответил. Не терпелось узнать, где живет Духуна, но решил пока не спрашивать.

— Такие дела, — продолжал между тем отец, — завтра отвезу тебя на опытный участок, покажу новые сорта грейпфрута.

— Неужели есть плоды? — удивился я.

— Конечно, скоро созреют.

— Где живет Духуна? — я перевел разговор на интересующую меня тему.

— Какой Духуна? — отец потер себе ухо.

— Сын дяди Геронти.

— А-а! — протянул он многозначительно. — А что у тебя с ним общего?

— Он недавно был у нас в деревне, обещал показать мне город и даже море.

Отец поднялся, еще раз потер ухо и вышел из комнаты. Я убрал со стола и стал смотреть в окно. Отец занес раскладушку и матрац. Мы отодвинули стол к окну, раскрыли раскладушку, положили на нее матрац, и я спросил еще раз:

— Ты знаешь, где живет Духуна?

— Завтра я отвезу тебя к ним, — сказал отец, закрывая дверь, — а сейчас пора спать.

Отец снял рубашку и сел на кровать. Лицо у него, правда, было худое, но тело мускулистое, как у гимнаста. Я лег, и отец потушил свет. Стало темно — даже окно пропало. Отец несколько раз повернулся с боку на бок в постели, старая железная кровать жалобно закрипела, и вскоре раздалось его спокойное сопение.

Я думал о предстоящей встрече с Духуной и никак не мог заснуть. Потом вдруг вспомнил соседку-незнакомку, которая, как фея, парила над лестницей, и по-

чувствовал прилив какой-то необъяснимой радости. Хотя бы скорее мы переселились в город! Мне очень нравилось, как живет Духуна, его манеры, речь, кое в чем я даже подражал ему. И сейчас он стоял перед глазами, я слышал его голос.

Неожиданно заскрипела кровать отца, он резко поднялся, зажег спичку и стал что-то искать в постели. Спичка догорела, он бросил ее на пол и зажег другую.

— Что случилось? — спросил я, приподняв голову.

— Клопы, будь они прокляты! — шепотом ответил отец. — Никак не куплю этот аэрозоль!

Я опустил голову на подушку. А отец все чиркал и чиркал спичками, бросая обгорелые на пол. Я не вытерпел и спросил, почему он не включает свет.

— Если я включу свет, клопы разбегутся.

Хотелось бы мне знать, куда они разбегутся! Я снова стал думать о Духуне. Отец наконец успокоился, и вскоре вновь раздалось его мирное сопенье.

Утром, когда я проснулся, отца уже не было. На столе лежала записка: «Никуда не уходи, в перерыв приду». Я встал, выглянул в окно. Убрал раскладушку, умылся. Потом, не зная, куда девать себя от скуки, читал отцовскую брошюру о помидорах и ел холодное мчади с сыром.

— Лейла! — раздался вдруг внизу чей-то голос.

Я вскочил, как будто звали меня, и украдкой выглянул из окна. У калитки стояли две девушки, а моя вчерашняя незнакомка сбегала по лестнице. Вот она пересекла двор, подбежала к калитке и впустила своих подружек.

Мне захотелось любой ценой привлечь к себе их внимание. Девушки сидели под яблоней на траве, о чем-то говорили и громко смеялись, а я смотрел на румяные яблоки, под тяжестью которых прогибались ветки дерева, и думал, чем бы в них запустить.

И тут я вспомнил о пневматическом ружье, которое отец обещал привезти в деревню. Я бросился к шкафу, открыл его и на нижней полке действительно увидел ружье. Сердце отчаянно забилося от радости. Я поспешно зарядил его «кисточками», прицелился и выстрелил. Но не попал. Уняв внутреннюю дрожь, я снова прицелился. На этот раз выстрел оказался точным. Яблоко, крутясь, упало на землю прямо перед девушками.

Все три как по команде удивленно посмотрели вверх. Одна из них заметила меня и, улыбнувшись, что-то сказала подругам. Наверное, у меня был очень глупый вид, потому что они покатались со смеху. Одна из них помахала рукой — что ты, мол, делаешь? Я показал ей ружье и стал целиться в яблоко.

В это время открылась дверь и вошел отец.

— Ты что это? — крикнул он.

Я опустил ружье и посмотрел на него. Отец подошел к окну, глянул вниз и, оттолкнув меня к столу, зашипел:

— Ты знаешь, кто там живет?

— Кто? — я никогда не видел отца таким взволнованным.

— Наш директор! А если ты в кого-нибудь попадешь? — он отобрал у меня ружье и спрятал в шкаф.

— Тебя, как видно, нельзя оставлять одного, поедешь со мной на опытный участок.

— Проводи меня к Духуне.

— Хотя да! — отец как будто только что вспомнил о своем обещании. — Пошли!

Мы пересекли площадь и вышли на главную улицу. Вскоре отец остановился у четырехэтажного здания.

— Они живут здесь, на третьем этаже, — сказал он, — если ты сразу не возвратишься, значит, они дома, и я тебя не жду.

— А ты не поднимаешься?

— Какая в этом необходимость? — отец развел руками и потом по обыкновению потер ухо.

По правде говоря, мне не хотелось идти одному, но иного выхода не было. На третьем этаже перед дверью с табличкой «Габадзе» я остановился и дрожащим пальцем нажал на кнопку звонка. Кто-то приоткрыл дверь, просунул в щель нос и женский голос спросил:

— Вам кого?

— Духуну, — улыбнулся я.

— Духуны нет дома! — и дверь захлопнулась.

Я уже повернулся, чтобы уйти, как другой женский голос спросил за дверью, кто звонил.

— Какой-то деревенский парень!

Тут дверь широко открылась, и на пороге появи-

дась мать Духуны, тетя Маро. Я улыбнулся ей. Она меня не узнала, но тем не менее пригласила в дом. Я вошел, пожал руку тете Маро. У дверей в кухню стояла толстуха, очевидно, та, что первой открыла мне дверь, и с любопытством смотрела на меня. Тетя Маро какое-то время внимательно изучала меня, а потом с радостью воскликнула:

— Да ты ведь сын Григола!

— Да, — ответил я и почувствовал, что краснею.

— Боже, как ты вырос! — тетя Маро чмокнула меня в щеку.

— Кто пришел, мам? — послышался откуда-то голос Духуны.

Он стоял за стеклянной дверью, кусок стекла на уровне его глаз был разбит или специально вынут. Увидев меня, он очень обрадовался, протянул руку в отверстие и объявил:

— Я под домашним арестом! — тон у него был извиняющийся.

Тетя Маро со смехом объяснила:

— Ключи Геронти взял с собой, пока он не придет, посиди возле двери, — и она вынесла в коридор стул.

— Да, да, посиди здесь! — подал голос Духуна. — Нечего сказать, посадили под замок!

— Ну вы тут беседуйте, — тетя Маро положила руку мне на плечо, — а я займусь делами.

— Что значит «побеседуйте», черти?! — крикнул Духуна. — Откройте дверь!

— У меня нет ключа, клянусь тобой! — и тетя Маро вывернула карманы халата.

— Ничего, — успокоился вдруг Духуна, взглянул на часы, — скоро подъедет самый главный чертяка и освободит меня. Тебя не интересует, почему я под замком? Нам не понравилась физиономия одного типа, и мы его как следует отгузили. Ну и меня поставили перед выбором — пятнадцать суток или домашний арест. Я предпочел последнее, разве я не прав?

Он отошел от двери и прошелся по комнате, что-то напевая про себя. Потом снова подошел к окошку.

— Нет худа без добра, — он улыбнулся, — я зубрил всю политэкономия, не веришь? — Духуна сощурил глаза. — На вот, держи книгу!

Он протянул мне учебник.

— Давай, называй любую главу...

Я раскрыл книгу. Прочел название первой же главы. Духуна повторил его и задумался. И вдруг начал рассказывать, почти слово в слово повторяя текст книги. Закончив, подошел к окошку и, сощутив глаза, спросил:

— Ну как? Чего же еще им надо от меня, этим чертякам?!

Я сочувственно улыбнулся в ответ и хотел было назвать другую главу, как он вдруг насторожился — папа приехал! С улицы донесся скрип тормозов, и немного погодя в дверь позвонили. Тетя Маро пошла открывать. В холле раздался голос дяди Геронти, а вскоре показался и он сам со связкой ключей в руке.

— Это — сын Григола, — сказала тетя Маро.

— О-о! — дядя Геронти улыбнулся и пожал мне руку.

— Скорей, скорей открывай дверь! — Духуну распирало от нетерпения. Дядя Геронти не спеша подошел к двери. Это был грузный краснощекий мужчина с припухлыми глазами, мясистым носом, черными усиками и аккуратно зачесанными набок тронутыми сединой волосами. Наконец он открыл дверь, и Духуна как сумасшедший выбежал из комнаты в маленький коридорчик. Дядя Геронти прислонился к стене, давая ему дорогу и любовно глядя вслед. Тетя Маро рассмеялась, а за ней рассмеялась и суровая толстуха, которая что-то бросила вдогонку. Духуна на мгновение задержался:

— Чертяки! — и скрылся за дверью туалета.

— Молчи, Мано, — сказала тетя Маро, — не то он нас со свету сживет!

Дядя Геронти поднес палец к губам, призывая женщин к тишине, и обратился ко мне:

— Ну, какие новости в деревне? Как дедушка?

— Сейчас ничего, только вот хуже стал слышать и видеть.

— О-о, удивительный он человек, всю деревню, можно сказать, на ноги поставил. Ты знаешь, это он научил нас азбуке.

В коридоре показался Духуна.

— Между прочим, он приехал не для того, чтобы

заниматься болтовней, его город интересует! — он схватил меня за руку, и я, смущенно улыбнувшись дяде Геронти, последовал за ним.

— Дай им только поболтать о деревенских новостях, ничего другого не надо, — буркнул Духуна, вталкивая меня в комнату.

Мне понравился дядя Геронти, потому что он любил деревню, и показалось странным, почему так неладно отзывался о нем отец: зазнайка, бюрократ, за собственным сыном уследить не может...

— Это моя комната, устраивайся как хочешь! — сказал Духуна, подходя к шкафу.

Я сел на диван. На небольшом низком столике перед ним лежала куча журналов, с обложек которых мне улыбались красивые женщины.

Зазвонил телефон. Духуна снял трубку.

— Алло! Я слушаю, Марина! Занимаюсь. Что? Через два дня гастроли... Непременно! Ты не скучаешь? — Духуна вдруг подмигнул мне. — Ну что ты говоришь! Целую, Марина! Позвоню, обязательно позвоню! — он опустил трубку на рычаг, подошел к шкафу и как бы между прочим заметил: — Это моя невеста звонила, твоя соседка.

— Моя соседка? — я сперва не понял, о каком соседстве идет речь, и вдруг, вспомнив Лейлу, вчерашнюю незнакомку, спросил: — Она сестра Лейлы?

— Ты знаком с Лейлой?

— Нет.

— Хочешь, сегодня же познакомлю, — Духуна сощурился по обыкновению. — Семья что надо! Отец — директор института, — он снова повернулся к шкафу, — нельзя сказать, чтобы я был по уши влюблен в свою невесту, но главный чертяка спит и во сне видит, как с ними породниться.

— ?!

Духуна вытащил из шкафа кучу сорочек, выбрал одну, надел, потом снял, видно, не понравилась, надел другую. Мне надоело сидеть, я встал — вышел на балкон.

Внизу стояла черная «Волга». Моего отца не было, наверное, он давно ушел.

— Ты читал Омара Хайяма? — спросил Духуна, выходя вслед за мной.

— Нет, — простодушно признался я и почему-то покраснел.

Он с удовлетворением посмотрел вниз, на «Волгу».

— Это «Волга» большого чертяки, — заявил он и вдруг крикнул: — Шурик!

Из окна машины высунулась голова шофера.

— Скучаешь?

— Нет, Духун-джан, я из-за тебя расстроен!

— А ты не расстраивайся, я сегодня освобождаюсь!

Он вошел в комнату, я за ним. Подошел к шкафу и принялся складывать в него сорочки. Сорочки были разные: клетчатые, полосатые, белые, желтые, красные... Столько сорочек вместе я видел только в магазинах, да и то разве такие! В шкафу я заметил и несколько костюмов.

— Сколько у тебя рубашек! — пробормотал я невольно.

— Рубашек? — переспросил он. — Какая тебе больше всего понравилась?

— Вот эта, — я дотронулся до полосатой с короткими рукавами.

— Вкус у тебя есть, ничего не скажешь, я ее всего раз надевал, — Духуна снял сорочку с плечиков и бросил мне, — бери!

Я стал отказываться.

— Духуна, выпусти ребенка, он, верно, проголодался, — крикнула из кухни тетя Маро.

— Надевай, надевай!.. Пстой! — Духуна бросил взгляд на мои ноги. — Где-то у меня должны быть туфли, они мне тесные, — он стал шарить в шкафу и вскоре вытащил оттуда совсем новенькие туфли, да такие красивые, какие мне и во сне не приснились бы, — ну-ка примерь, да побыстрее! Пообедаем и пойдем гулять!

Я надел на себя новую рубаху и с замиранием сердца примерил туфли, они пришлись мне впору, как если бы были сшиты на меня. Я прошелся по комнате. Духуна оглядел меня, поправил воротничок сорочки и одобрительно сказал:

— А что, тебе идет! Красивый ты парень, оказывается, — он провел гребешком по моим волосам, — кто это тебя так обчекрыжил?

— У нас в деревне только один парикмахер, он всех под одну гребенку стрижет, — сказал я, улыбаясь во весь рот.

— Ничего, вот подрастут волосы, я отведу тебя в настоящему мастеру.

В комнату заглянул дядя Геронти.

— Вы идете?

— Пошли! — Духуна, напевая, направился в столовую.

Дядя Геронти сел во главе стола. Меня посадили рядом. Тетя Маро почему-то извиняющимся тоном сказала, что у них на обед сегодня борщ. На столе лежали сыр, огурцы, помидоры, зелень. Я было подумал, что же еще нужно, как тетя Маро прервала мои мысли.

— Борщ будешь есть, детка?

От смущения я проглотил язык, но Духуна выручил меня:

— Налейте, наконец, не надоедайте ему! — и с раздражением посмотрел на часы.

— Ты в каком классе учишься? — спросил дядя Геронти.

— В восьмом, отец советует мне поступить в профтехучилище, — я бросил на Духуну горделивый взгляд, — может, и я стану горожанином.

— В ПТУ? — засмеялся Духуна, — тебе что, трудно учиться? — спросил он с сочувствием и добавил. — Найми педагога.

— Кого он может нанять в деревне? — в сердцах вдруг воскликнула тетя Маро. — Это так легко, что ли?

— Откуда мне знать! Я лично взял в кольцо ваши учителями, — он принял от Мано тарелку, до краев наполненную борщом.

— Профессионально-техническое училище — это неплохая идея, действительно неплохая, — степенно произнес дядя Геронти, — нам нужны сегодня ремесленники, нужны.

Мано тем временем раздала борщ и села рядом со мной. Борщ был на редкость вкусный, и я ел с огромным удовольствием.

— Как поживает Нижний Васили? — спросил вдруг меня дядя Геронти.

Мои мысли были заняты борщом, и я не сразу понял, о каком Васили он толкует.

— Откуда ребенок может знать Нижнего Василия?
— в сердцах воскликнула тетя Маро.

— То есть как это? — возмутился в свою очередь дядя Геронти и, повернувшись ко мне, уточнил: — У него всегда были красные длиннорогие быки.

— У него и сейчас быки с длинными рогами, — отвечал я радостно, поскольку речь зашла о моих любимых животных, — у Василиных быков такие огромные копыта, что Датику-кузнец выковывает для них специальные подковы!

— Датику все еще работает? — дядя Геронти с удивлением уставился на меня.

— Конечно работает! Он — единственный на все село кузнец! — и между мной и дядей Геронти завязался интересный разговор. Он задавал мне вопросы, а я с удовольствием отвечал, так как спрашивал он о вещах, которые я знал, как свои пять пальцев. Я не переставал дивиться, как это дядя Геронти все и вся помнит! А память у него, видать, была превосходная — стоило мне ошибиться, он, представьте, даже поправлял меня: нет, не так, мол, а эдак. За разговором мы разделались с борщом, и Мано внесла второе блюдо — котлеты с жареной картошкой. Дядя Геронти наполнил бокалы вином. Я переложил на свою тарелку жареную картошку и одну котлету — на мой взгляд, нет еды вкуснее, если к ней еще есть настоящая ткемалева подлива. Дядя Геронти продолжал расспрашивать меня о сельских делах: «Как там виноградник за рекой — подновили или нет?» Я склонился к нему и с улыбкой ответил: «Да всем начхать на этот ваш виноградник, батоно!» «Ух! — вскричал дядя Геронти, — неужели так и не подновили?!» «Нет, батоно, да что там виноградник! Вот уже пять лет мы добиваемся, чтобы перенесли хлев с нашего участка, и ничего...» Это совсем сбило с толку дядю Геронти. «И не думают переносить, — продолжал я, — погрязли мы в навозе!» Я поднял бокал, пожелал всем здоровья и выпил. Потом снова склонился к дяде Геронти.

— Стало быть, задыхаемся в этом навозе, а председатель хоть бы хны! Всем все безразлично — не то, что пришельцам, а и односельчанам тоже! Сколько хороших дел можно было бы сделать, но кому это надо, кому?! За дело сердцем надо болеть, сердцем! Ну ку-

да это годится, одно навозохранилище устроить не могут!

Дядя Геронти, открыв рот, слушал меня. Да и лицо тети Маро выражало не меньшее удивление. Духуна ерзал на стуле, поскуливал, то и дело поглядывал на часы. А в ушах у меня звучали дедушкины слова: «Вот съезжу к Геронти, расскажу обо всем, человек он большой, небось, поможет». Я же сидел с этим большим человеком за одним столом, пил с ним вино и, конечно, не мог упустить момент и не рассказать о наших невзгодах. Нагнувшись к дяде Геронти, я сказал: «Хорошего урожая в этом году у нас не ждите. Кукурузные поля сорняком заросли, виноградники не удобрены, и лоза на лозу не похожа. Зато перед нашей одой растут горы навоза!» Я почувствовал, что мои слова возымели действие. Дядя Геронти вынул сигареты и закурил. Я тоже протянул было руку к пачке, но, опомнившись, убрал ее — это было бы уж слишком. Мое движение не укрылось от дяди Геронти, и он с удивлением взглянул на меня.

— Ты куришь?

Я не знал, куда деваться от стыда. Духуна, чуть улыбаясь, смотрел на меня, затягиваясь сигаретой; всем своим видом как бы говорил — кури, не стесняйся.

— Какое время тебе курить, сынок? — вставила тетя Маро.

Я опустил голову. Духуна рассмеялся, встал, включил телевизор. Внимание сидящих за столом немедленно переключилось на него. На экране размножились клетки живых существ. Я подумал, отцу будет интересна эта передача, и, словно прочитав мои мысли, дядя Геронти спросил: «Как поживает твой отец, что делает?» Наверное, живые клетки тоже напомнили ему об отце. Я ответил: «Нормально».

— С нами он не общается, чего дуется, не знаю.

— Что значит дуется? — спросила тетя Маро. — Просто стесняется приходить.

— Отец очень занят, он сейчас работает над выведением нового сорта грейпфрута, — я попытался оправдать отца.

— Знаю, знаю, — дядя Геронти махнул рукой.

Мано внесла огромное блюдо с арбузом и поставила его в центре стола.

— Я обижен на твоего отца! — продолжал дядя Геронти. — Навредить я тебе умно навредил бы, а вот помочь бы смог. — Что ты болтаешь, Геронти, — снова вмешалась тетя Маро.

— Хотя бы раз пришел ко мне, попросил квартиру, да разве я не подействовал бы ему! — твердил свое дядя Геронти, кладя внушительных размеров кусок арбуза себе на тарелку и разрезая его на части. Потом посмотрел на меня и сказал: — Бери, сынок, ешь!

Я тоже переложил на тарелку большой кусок арбуза и только собрался по нашему разделаться с ним, как Духуна вдруг вскочил со стула.

— Нам пора! — удивился дядя Геронти.

— Куда это ты? — удивился дядя Геронти.

— Между прочим, он приехал город посмотреть, а до сих пор ничего не видел!

— Правда? Ты хочешь погулять? — дядя Геронти испытующе посмотрел на меня.

Откусив подряд два куса сочной алой мякоти, я, не глядя на переминающегося с ноги на ногу Духуну, ответил:

— Очень!

— Доешьте хотя бы арбуз! — протянула тетя Маро.

— Не хотим! — Духуна пошел к входной двери.

Что мне оставалось делать! Я еще раз откусил от своего куса арбуза, вскочил, оглядел себя — не запачкал ли свою новую рубашку — и, с улыбкой попрощавшись со всеми, побежал за Духуной. Дядя Геронти и тетя Маро поднялись из-за стола.

— Не запаздывайте, возвращайтесь поскорее, да и ты приходи, переночуешь у нас...

Духуна бежал по улице, озираясь по сторонам, как молодой бычок, выпущенный на волю. Он то и дело оглядывался на меня и торопил — скорее, скорее! Мы промчались мимо кинотеатра, пересекли площадь и поспешили вниз по спуску, не вынимая сигарет изо рта. Возле фотоателье Духуна остановился и, хитро улыбаясь, сказал:

— А сейчас я познакомлю тебя с одной хорошенькой девочкой, ты ведь любишь девочек?

Я смотрел на него, широко раскрыв глаза. «Если он говорит о Марине, почему задает такой странный вопрос?» Я засмеялся, не зная, что ответить. В школе я дружил с девочками, одна даже нравилась мне, но что-то подсказывало, Духуна имеет в виду совсем другую любовь. Я почувствовал, что у меня краснеют уши.

— Пошли! — Духуна вошел в арку, служившую входом во двор.

— Как поживаешь, Духуна? — слышался чей-то голос. Я оглянулся, но никого не увидел.

Духуна замер на месте, как если бы его поймали с поличным.

— Ну мимо него не прошмыгнешь, — шурясь, с улыбкой прошептал он мне и, посмотрев в сторону фототелье, крикнул: — Я собирался заглянуть к тебе на обратном пути!

— Ты знаешь, Духуна, мимо моего окна и птица не пролетит незамеченной. Иди, иди, Цуца дома!

Мы взбежали по лестнице и остановились возле двери. Духуна трижды постучал в нее согнутым указательным пальцем. Дверь открылась, и на пороге показалась улыбающаяся Цуца. Небрежно брошенный на плечи халат не скрывал рубашки и голой груди. Увидев меня, она запахнулась. Духуна без приглашения вошел в комнату, чмокнул Цуцу в щеку и сел у стола. Потом поманил меня рукой — заходи, мол. Я вошел, осторожно опустился на краешек стула и оглядел комнату. Она отличалась от отцовской, во всем чувствовалась женская рука.

— Говорят, отец запер тебя, это правда? — со смехом спросила Цуца.

— Да, шесть дней под домашним арестом. А этот тип что говорит, не слыхала?

— А что он может сказать! Ему заткнули рот.

Я украдкой бросил взгляд на Цуцу. Она была года на три старше меня, хотя казалась совсем взрослой: черные как смоль волосы, карие глаза, в которых застыло выражение печали, на губах — светлая помада. Заметив, что я наблюдаю за ней, она улыбнулась мне, и спросила Духуну:

— Кто этот мальчик?

— Мой родственник! — подмигнув ей, отвечал Духуна.

Краска сгуба почему-то залила мне лицо, я не знал, куда деть глаза. Цуца рассмеялась.

— Какой застенчивый!

— Да, застенчивый! — в тон ей отвечал Духуна. — Я сейчас пойду, — продолжал он, — а эту красную девицу у тебя оставлю, — он похлопал ее по плечу, — скоро вернусь!

Я поднялся вслед за Духуной. Мне совсем не улыбалось оставаться наедине с Цуцой, сердце отчаянно забилося. Но Духуна знаком велел сидеть на месте.

— Посиди, куда бежишь? — с упреком спросила Цуца. — Я тебя так давно не видела.

— Не приставай, его я оставляю заложником, — он небрежно коснулся губами Цуцной щеки и направился к двери.

Цуца проводила его, заперла дверь, вернулась в комнату, села на тахту и бесцеременно закинула ногу на ногу. Я продолжал стоять, оцепенев.

— Сядь, не стесняйся, — сказала Цуца.

— А я не стесняюсь! — буркнул я и сел.

Цуца засмеялась: — А ты, оказывается, умеешь злиться! — и поправила халат на груди.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил я сердито.

— Шестнадцать, — задумчиво повторила Цуца, подошла ко мне, потрепала по волосам, потом открыла дверцу буфета и, не оборачиваясь, спросила: — Любишь сладкое?

— Нет, — буркнул я, украдкой глядя на нее.

— Ладно, не злись! — она печально посмотрела на меня, вынула из буфета тарелку с пирожными и коробку конфет и поставила на стол.

— Как тебя зовут?

— Бичико, — я с интересом разглядывал различной формы шоколадные конфеты. Вспомнилось, однажды к нам в деревню приехала дальняя родственница, она привезла с собой точно такую коробку — стоило надкусить конфету, как из нее выливался ликер. Мне очень захотелось попробовать хоть одну.

— Угощайся, — Цуца пододвинула ко мне коробку, — у тебя есть сестра?

— Есть, — ответил я, не поднимая головы.

— А у меня нет никого. Вернее, были мама и брат,

но мама рано умерла, а брата кто-то усыновил. Я жила то у одних добрых людей, то у других. Как подросла, меня привезли из деревни сюда, в районный центр, и определили работницей в дом батони Геронти. Я убирала, стирала, готовила обед и училась в вечерней школе... — казалось, Цуца оправдывается передо мной, — родители Духуны — неплохие люди, дурного про них ничего не скажешь, но меня они погубили... Духуна стал приставать ко мне... А потом батони Геронти выбил эту комнату и, ласково увещая, избавился от меня. А вместо меня взяли Мано, она уже три года у них, над ней дрожат, боятся, как бы не сбежала, — Цуца рассмеялась, — эх, молодо-зелено, что я понимала тогда... Тетя Маро слышать ничего не хотела — Цуца, конечно, недостойна ее сына! Бедняжка Цуца, никто ее не любит, никто не думает о ней! — эти слова прозвучали как-то фальшиво, и я улыбнулся про себя: знаем мы таких, как ты... А Цуца тем временем продолжала: — Одно утешение — Духуна не бросает меня, частенько навещает... Эх, была бы у меня возможность — уехала бы куда-нибудь далеко-далеко, начала бы новую жизнь... Трудно жить одной. Ты еще ничего не понимаешь, не можешь посочувствовать мне...

На сей раз в голосе Цуцы звучали слезы. Я удивленно посмотрел на нее. «Чего она плачет? Может, у нее не все дома? А может, хочет стянуть у меня что-нибудь?!» Я слышал, в деревне рассказывали о таких женщинах: сперва войдут к тебе в доверие и дружбу, потом сбондят что-нибудь и бросают. На всякий случай я сунул руку в карман — единственная моя десятка была на месте. У нас в деревне тоже есть женщина такого поведения — то ее с мельником застанут, то с шофером Жоржиком, то с полевым сторожем. А однажды она, оказывается, при всем честном народе ударилась в слезы: бедная, мол, я и несчастная, никто меня не понимает, никто мне не верит...

— Знаешь, почему я плачу? — спросила вдруг Цуца, как будто подслушала мои мысли. — Потому что ты хороший мальчик, неспорченный еще, ты совсем не похож на Духуну, на меня... впрочем, ты еще дитя, — она задумалась, — хотя я знаю мальчишек твоего возраста, им пальца в рот не кладут... Давай будем дру-

зьями, ты и я! Не хочу, чтобы ты стал таким, как они... Знаешь, куда пошел Духуна?

— Куда? — я посмотрел Цуце прямо в глаза.

— Играть! — шепотом произнесла она. — Ничем другим они и не занимаются... И здесь резались не раз, пока я их не выставила! — Цуца уже не плакала, она задумчиво смотрела на меня. — Будь моим другом, защити меня от них, нет, не другом, будь моим братом! — последние слова Цуца произнесла горячо, видно, эта идея понравилась ей. Она встала, подошла ко мне, обняла: — Мой братик, ты ведь будешь моим братиком?

— Мне надо идти, — буркнул я в ответ и поднялся.

— Почему? Куда спешишь, хочешь — вообще переезжай ко мне, я буду о тебе заботиться...

— Мне надо идти, уже поздно, отец будет сердиться!

— Как?! Твой отец в городе живет? — Цуца была поражена.

Я ответил, что живу здесь неподалеку и направился к двери.

— Я провожу тебя, раз ты решил уйти.

На улице уже стемнело. Мое внимание привлекла ярко освещенная фотовитрина, на которой красовались увеличенные фото Духуны.

— Это Мамия упросил его сфотографироваться, — тихо сказала Цуца, — думал клиентов таким образом привлечь... А теперь Духуна доит беднягу Мамия, как может, — она оглянулась по сторонам и шепотом продолжала: — А Мамия не хочет портить с ним отношения.

— Доброй ночи, Цуца! — неожиданно раздался голос фотографа. Мамия ехидно улыбался, высунувшись из окна.

— Знаешь, Мамия, кто это? — Цуца обняла меня и положила голову на плечо. — Это мой брат, родной брат!

— Ва, поздравляю! — Мамия продолжал ехидно улыбаться. — До сих пор к тебе все двоюродные братья ходили, а теперь и родные начали?

— Чтоб ты провалился, — обиделась Цуца и, обращаясь ко мне, сказала, — не слушай его, он испорченный человек.

Она взяла меня под руку, и мы неторопливым шагом пошли вдоль улицы. Хоть эта прогулка и не доставляла мне удовольствия, я все же не сделал попытки смотать удочки.

Когда мы завернули на нашу улицу, Цуца попрощалась со мной.

— Завтра обязательно приходи, жду в два часа, — она поцеловала меня в щеку.

Как только я остался один, не знаю почему вытер платком щеку и помчался к дому. Отец уже лежал и что-то читал. Моя раскладушка ждала меня. Я вошел, он взглянул на меня и спросил:

— Ты доволен?

— Завтра я пойду с тобой на опытный участок, — я выглянул в окно, вспомнив про вчерашнюю незнакомку. Во дворе царил мертвая тишина.

— Ты голоден? — отец внимательно разглядывал мою рубаху.

— Нет, это Духуна мне подарил. И туфли тоже.

Отец бросил взгляд на туфли и, ничего не сказав, повернулся лицом к стене.

— Погаси свет, — буркнул он.

Я лег, закрыл глаза. Долго не мог уснуть, все думал о Духуне. Интересно, во что они играют! Повернулся к отцу, тот уже мирно посапывал. Спит, подумал я, ничего его не интересует. До каких пор можно жить в этой каморке, почему не обратиться к дяде Геронти, тот же во всем ему поможет! Вдруг вспомнились Цуцны слова: «Меня они погубили... А потом батони Геронти, ласково увещая, избавился от меня!». Избавился бы, конечно, не выдавать же ее замуж за Духуну! Завтра не пойду к ним, может, удастся познакомиться с Лейлой. Перед глазами возникла Лейла, которая, как фея, плыла по лестнице. И затаив дыхание, я стал возводить замки мечты...

Рано утром меня разбудил отец, но мне лень было вставать.

— Останусь дома, куплю аэрозоль, — пробормотал я и повернулся к стене.

Когда я окончательно проснулся, солнце светило мне прямо в глаза. За окном галдели ласточки. Я услышал девичьи голоса и смех и бросился к окну. Под яблоней сидела Лейла с подругами. Я быстро натянул

на себя брюки, сбежал по лестнице вниз, во двор, открыл кран и стал умываться, бросая косые взгляды на девушек. Отсюда хорошо был слышен их разговор: они вспоминали дни, проведенные на море. Потом Лейла сказала:

— Поедем завтра к морю, я скажу папе, он даст нам машину!

Как я мечтал увидеть море! Сейчас же побегу к Духуне и предложу съездить к морю, может, и дядя Геронти даст машину. Я взбежал по лестнице, ворвался в комнату. От возбуждения я запел, притом так громко, чтобы было слышно внизу. Время от времени выглядывал из окна.

На балконе показалась девушка постарше. «Марина!» — подумал я. Издали она мне очень понравилась. Когда я выглянул в очередной раз, во дворе уже никого не было. Я быстро надел на себя новую рубашу и выбежал на улицу.

Неожиданно я услышал, как кто-то зовет меня: «Бичико-о!» Навстречу мне шла Цуца. Она улыбалась. Смутившись, я остановился. Цуца подошла, бесцеремонно поцеловала меня в щеку.

— Вчера поздно ночью заявился Духуна и сделал мне выговор за то, что я отпустила тебя, — сказала она, беря меня под руку. — Он проигрался в пух и прах — целых пятьсот рублей!

— Пятьсот?!

— А он всегда так проигрывает, я что-то не припомню, чтобы он хоть раз выиграл, и тем не менее не бросает игры.

— Откуда он возьмет такие деньги?

— Часть я ему должна достать, часть — фотограф Мамия, — спокойно произнесла Цуца и добавила: — Ну а часть, наверное, у отца выманит.

Это известие озадачило меня. Неужели Духуна такой? Цуца молча шла рядом со мной, вдруг, остановившись, посмотрела на противоположную сторону площади, где возле кинотеатра толпилась молодежь, и обратив ко мне сияющее лицо, сказала:

— Пойдем в кино, а?! Говорят, картина — блеск!

Я давно не видел стоящей картины. В кои веки в деревню приедет кинопередвижка и крутит нам filmy времен наших бабушек...

Я заметил двух парней в джинсах, направлявших-ся к нам. У одного из них через плечо был перекинут широкий пояс.

— Перейдем на другую сторону! — Цуца казалась явно встревоженной.

Но мы не успели перейти — парни подскочили к нам, один схватил за руку меня, другой — Цуцу, и нас столкнули лбами. Парни непристойно выражались, и я понял, что они были пьяны. Придя в себя, я вырвал руку, но мне все же успели дать пинка. По правде говоря, я страшно перепугался, одному с двумя мне было не справиться. Цуца принялась истошно вопить: — Отпустите! Чего пристали?! Это же мой брат! — Парни корчились от смеха. Это вконец взбесило Цуцу, и она ястребом налетела на того, кто был ближе к ней.

Тут ко мне подбежал какой-то мальчишка. «Беги, — шепнул он мне, — позови Духуну!» Верно, видел меня с ним вчера. Не раздумывая, я дал стрекача.

Дверь открыла Мано, с удивлением оглядела меня с ног до головы, хотела что-то сказать, но в это время в коридор выглянул Духуна. Он был в прекрасном расположении духа: «Заходи! Заходи!» Я вошел, по моему виду он сразу понял, что-то случилось. Я подробно рассказал о том, что произошло на площади. Духуна пришел в ярость: кто, мол, посмел в моем же квартале обидеть моего родственника! «А ну покажи мне этих молодцов», — крикнул он, выскакивая за дверь. Я страшно обрадовался, вдвоем мы их здорово отделаем, и бросился вслед за Духуной. А он бежал впереди меня и кричал: — Им, наверно, жить надоело, поднять руку на моего родственника! — У какой-то калитки он остановился и протяжно свистнул. На свист выглянул парень лет двадцати-двадцати двух, бледнолицый, с горбатым носом, черными коротко остриженными волосами, начесанными на лоб. — Это Цкнапа, — сказал мне Духуна и пересказал Цкнапе мою историю. Цкнапа скрипнул зубами, зашел в дом, передел рубашу, и мы продолжили путь втроем.

На площади никого не было, и напрасно Духуна озирался по сторонам. Вдруг появился тот самый мальчишка. — Они в пивной, — сообщил он, подбегая.

Шумно втянув в себя воздух, Духуна устремился

вперед. За ним — Цкнапа, следом я, а за мной — мальчишки, любители потехи.

В пивной было полно народу, но я сразу увидел моих обидчиков, они стояли в углу — ели хинкали и запивали пивом.

— Это они? — спросил Цкнапа.

Я кивнул. От волнения у меня дрожал подбородок.

— Ты знаешь, кто это? — многозначительно спросил он уже Духуну. — Это Бебур и Омар.

Духуна вдруг утратил свой боевой пыл. А те в углу, увидев Цкнапу, замахали руками в знак приветствия.

Салют, друзья! — крикнул в ответ Цкнапа, разводя руки и направляясь к ним.

Пошли объятия, поцелуй. Духуна тоже подошел к ним, а потом и мне махнул рукой, подзывая.

Парни удивленно уставились на меня.

— За что вы его? — спросил Цкнапа, сверкнув глазами.

— За дело, — ответил Бебур, тот, что дал мне пинка. — Нечего шлаться с Цуцей.

— С Цуцей? — Цкнапа посмотрел на меня.

— Это я их познакомил, — выдавил улыбку Духуна.

— Значит, тебя следовало взбучить, — процедил сквозь зубы Бебур.

Духуна пожегся от неловкости.

— Выпьем! — Омар пододвинул Цкнапе стакан с водкой.

Цкнапа пожелал парням доброго здоровья и осушил его. Духуна какое-то время стоял, втянув голову в плечи, потом подошел к буфетчику.

— Где ты пропадал? — спросил Бебур у Цкнапы.

— Ездил в Тбилиси, обделал дельце Ростома, — отвечал тот.

Подошел Духуна с тарелкой хинкали и бутылкой водки. Омар освободил место на столике.

— Завтра мы едем в Батуми, приезжай.

— Поедем в Батуми, прошу! — прошептал я Духуне.

— Хочешь? — он искоса посмотрел на меня и разлил водку в стаканы.

Очень! Поедем завтра, я сам попрошу дядю Геронти!

— Поедем, что может быть легче этого! — шепотом обнадежил меня Духуна.

— Пей! — сказал мне Омар.

Я выпил водку, а потом отпил из кружки пиво. Меня приятно обожгло внутри, вспомнилось, как мельник Гогия обычно хвалится: «Значит, заказал я сорок шгук хинкали, пять кружек пива...»

Мы провели в пивной почти целый день, дули водку, ели хинкали и запивали пивом. Цкнапа, Бебур и Омар вели непонятные мне разговоры: приехали моряки, привезли кое-что, Ишхану надо заткнуть глотку. Потом Бебур поднял стакан и сказал Духуне:

— Чего это твой отец пристаёт ко мне? Меня не так-то легко напугать!

Духуна пожал плечами и, нахохлившись, взглянул на Цкнапу.

— Э-э! — протянул Бебур и опорожнил стакан.

Очень скоро я так опьянел, что перестал соображать. Как потом выяснилось, Цкнапа и Духуна привели, вернее, принесли меня домой и положили на кровать. Всю ночь я, оказывается, метался в постели и бредил. Даже спрашивал у отца, знаком ли он с Цуцей и Бебуром. Потом меня вырвало, и я, наконец успокоившись, как малое дитя, прижался к отцу и уснул.

Проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, увидел перед собой Духуну.

— Вставай, мы опаздываем на поезд!

Я снова было закрыл глаза, но тут же вспомнил, что мы уговорились съездить в Батуми. Окончательно очнувшись ото сна, я ощутил дикую головную боль. Духуна, улыбаясь, помог мне сесть в постели.

— Что с тобой? Ты что, водки никогда не пил?

Я не торопясь оделся, умылся, но все не мог прийти в себя. К тому же болел желудок. На столе лежала записка отца, я хотел прочесть ее, но Духуна вырвал записку у меня из рук: — Не трать на это время! Успеешь! — и, сунув ее мне в карман, вытолкал меня из комнаты.

Мы зашли к Духуне домой. В коридор вышел дядя Геронти. Уставившись на меня запухшими глазами, спросил:

— Значит, очень хочется посмотреть Батуми?

— Да, увидеть море — моя мечта.

Дядя Геронти перевел взгляд на сына.

— Ну раз так, езжайте, — сказал он, и, обращаясь опять ко мне, добавил: — Вы что это вчера так напойли Духуну?

Я удивленно посмотрел на Духуну. Он стоял, прислонившись к стене, и как ни в чем не бывало улыбался и щурил глаза.

— Это ты, наверно, привез водку из деревни? — допытывался дядя Геронти.

Я наконец понял, в чем было дело, и смущенно улыбнулся.

— Духуна, детка, водки не пьет, — с упреком сказала тетя Маро, появившись в дверях кухни.

— Пошли, мы опаздываем! — Духуна направился к выходу.

— Езжайте, езжайте, — дядя Геронти взглянул на часы; — только знай, водкой его не пои, неужели твой отец этого не понимает?!

Я вдруг разозлился, что он так бесцеремонно отозвался об отце, и хотел крикнуть, что не мой отец, а его сынок напоил меня, но в этот момент Духуна схватил меня за руку и выволок на улицу.

Мы бегом добрались до вокзала. Там нас встретил Цкнапа, который, как со старым другом, поздоровался со мной за руку и со смехом спросил, как я себя чувствую с похмелья. Я еще не переварил своей обиды, и от его смеха в груди у меня защемило. Но я ничем не выдал себя. Вскоре подошла электричка, и мы поднялись в вагон.

Моим спутникам не сиделось на месте. Сперва мы прошли в начало состава, потом в конец. Цкнапа то и дело останавливался, с кем-то шутил, смеялся. Я и Духуна, как адъютанты, сопровождали его. Несколько раз я говорил себе: вот сейчас сяду и буду ехать сам по себе, но тут Цкнапа, как фельдмаршал, подавал знак рукой: мол, следуйте за мной, и я невольно подчинялся ему.

Мы не взяли билетов, и меня, признаться, это очень тревожило...

Вскоре показалось море, я бросился к окну и долго не мог оторвать глаз от синей глади, сливающейся

на горизонте с небом. Вдали виднелся белый пароход, а прямо под нами, вдоль железнодорожного пути, тянулись пляжи с загорелыми отдыхающими.

Мне еще не приходилось видеть такого большого города, как Батуми. Разинув рот, я смотрел на здания и, как теленок, брел за Цкнапой и Духуной. Вскоре мы вышли на набережную.

— Вот тебе море, хочешь—поплавай!—подмигивая Духуне, предложил мне Цкнапа.

Я посмотрел вниз. Море было тихим и прозрачным. Неподалеку стояли грузовые суда. На здании, смотрящем в море, большими буквами было выведено — «Морской порт». Перед ним, облокотясь о перила, стоял моряк и что-то насвистывал.

— Поплавай, а мы здесь подождем! — поддержал приятеля Духуна.

— Ты же убивался — так хотел плавать, — Цкнапа, смеясь, уселся на небольшой металлический столбик.

Я с интересом уставился на столбик, и Цкнапа не замедлил удовлетворить мое любопытство:

— К таким вот столбам привязывают суда.

Я недоверчиво улыбнулся, но тут же увидел вдалеке привязанный к такому же столбу катер.

— Может, ты плавать не умеешь? — насмешливо скаля зубы, спросил Цкнапа.

— Вы почему не плаваете?

— Мы?! Нам море вот как осточертело, — и Цкнапа поднес руку к горлу, — хочешь плавай, а нет—так...

Я снова посмотрел вниз на воду. Эх, была не была, разделся и прыгнул с дамбы. Но прыжок не получился, и я больно ударился животом о воду. Вынырнув, оглянулся и увидел, как Цкнапа и Духуна покатываются со смеху. Моряк у перил махал мне рукой — немедленно, мол, выходи. Я поплыл обратно. Духуна протянул мне руку и помог взобраться на берег. Цкнапа все еще давился от смеха, да и Духуна с трудом сдерживался. Моряк подошел к нам.

— Как можно прыгать отсюда или плавать здесь? — с упреком сказал он Цкнапе.

— Ничего, все обошлось, — успокоил моряка Духуна, — он еще мал, чертяка, вырастет и забудет.

Махнув рукой, моряк отошел. Я тем временем оде-

лся, не понимая причины беспокойства, проявленного моряком. «Я ведь не сильно ушибся!» — поспешил я заверить общество.

— Нам пора! — с улыбкой произнес Цкнапа и пошел впереди. Мы — за ним.

— Ты, оказывается, отлично плаваешь! — Духуна положил мне руку на плечо. Оба чему-то смеялись.

Мы вошли в кафе, и я понял, что умираю с голоду — даже голова кружилась. Одним духом проглотил аджарское хачапури, выпил кофе и вздохнул — головокружение прекратилось. Сунув руку в карман, вытащил десятку. Духуна тут же отобрал ее у меня и, сощуриль глаза, спросил:

— Еще есть?

Я вытащил вторую десятирублевку.

— Ладно, ладно, спрячь, — сказал он, но я почувствовал, он и ее не прочь отобрать.

— Возьми, понадобится! — сказал Цкнапа.

Духуна взял у меня деньги и положил в карман. Потом расплатился с кассиром, и мы вышли на набережную. Парк был полон народу. Меня так потряс вид пальм и подстриженных кустов, что я не заметил, как мы оказались на пляже. Изумленный, я остановился, озираясь по сторонам. Никогда не видел столько полуголых женщин и мужчин.

Духуна и Цкнапа подошли к девушкам, лежащим неподалеку.

— Можно? — спросил Духуна и, не дожидаясь ответа, разделся и пошел к воде. Цкнапа последовал его примеру.

По рассказам я знал, что на пляже обычно яблоку негде упасть, но действительность превзошла все ожидания. Я опустился на песок. Девушки посмотрели на меня, одна из них, улыбнувшись, встала и не спеша пошла к воде. Я отвел от нее глаза и стал искать среди купающихся Духуну и Цкнапу. Потом вспомнил о Лейле — интересно, где она сейчас! Разве здесь найдешь кого-нибудь?! У меня запестрело в глазах от такого количества загорелого народу в плавках и купальниках, и я опустил голову. Я вдруг ощутил собственную никчемность и мысленно сравнил себя с камнями, что валялись на песке и никому не были нужны. «Лягу и засну, — решил я, — если мы шли на пляж, зачем на-

до было выставлять меня на посмешище там, в порту?» Только сейчас я понял, почему давились от смеха Цкнапа и Духуна.

— Почему не плаваешь? — услышал я вдруг голос Духуны. — у тебя нет плавков?

Я кивнул. Духуна взял свои брюки и направился к раздевалке. Цкнапа — за ним. Очень скоро они вернулись. Я встал, думая, что мы уходим с пляжа. Но Духуна протянул мне свои плавки.

— Надень, — сказал он, гребешком приглаживая волосы, — поплавай тут, пока не вернемся.

— Ни шагу отсюда, — предупредил меня Цкнапа и, обратившись к девушкам, добавил, — мы оставляем его на ваше попечение.

Они ушли. Какое-то время я, не моргая, смотрел им вслед, потом пошел к раздевалке, снял брюки, надел плавки. И почувствовал себя очень неловко. Как я выйду отсюда полуголый? Какой-то парень просунул голову в раздевалку: — Поторапливайся, тут уже очередь собралась.— Я вышел, сложил свои вещи возле девушек и пошел к воде. Неожиданно мной овладел страх. Я представил себе, как тону в этой безбрежной водной стихии. «Кто найдет здесь мой разбухший труп? Конечно, без помощи катеров и водолазов не обойтись. Разве отец сумеет организовать это дело? Впрочем, дядя Геронти поможет ему, наверняка поможет! Ну а если меня так и не найдут, оплачут заочно. Бедная мама!» Я почувствовал, как к глазам подступили слезы. Украдкой огляделся, мне казалось, весь пляж смотрит на меня. Знакомые девушки махали мне. Я собрал все свое мужество, вошел в воду и поплыл. Приятная прохлада обьяла меня. Проплыв несколько метров кролем, я лег на спину. Тут вспомнил о записке отца. «Выйду, прочту». Но выходить пока не хотелось. Наплававшись, я, наконец, вылез на берег. Девушки, уже одетые, уходили. «До свиданья», — попрощались они со мной. Я сел на песок. Было очень жарко, солнце жгло немилосердно. Зря я вышел из воды, но что делать с одеждой, не оставлять же ее без присмотра. Я снова вспомнил о записке отца и достал ее из кармана брюк. Отец советовал мне вернуться в деревню, не поддаваться влиянию Духуны, у него, как он писал, плохая слава в районе и как бы из-за него я не попал в

беду. Я смял бумагу и снова сунул ее в карман. Оглянулся на парк, куда ушли Духуна с Цкнапой: «Куда они делись?» Настроение у меня испортилось.

Какая-то женщина, проходя мимо, положила мне руку на плечо:

— Сгоришь, сынок, ночью спать не будешь.

Плечи у меня горели. Я встал, еще раз оглянулся на парк и накинул на плечи рубашку. Так я стоял некоторое время, оглядываясь по сторонам, потом перенес одежду ближе к воде. Долго плавал, то и дело поглядывая на берег, — на месте ли мои вещи. Было далеко за полдень, когда наконец появились Духуна и Цкнапа. Они искали меня. Увидев, замахали руками — выходи, мол, из воды!

— Одевайся скорее! — голос у Духуны был какой-то бесцветный.

— Едем в Цихисдзири, — бросил Цкнапа и пошел к парку.

Духуна молча последовал за ним. Я побежал к раздевалке, быстро переоделся и догнал приятелей. Они пререкались друг с другом.

— Сколько раз я говорил, не буду с тобой играть... — шипел Цкнапа.

— Ну не повезло, что поделаешь, — Духуна виновато опустил голову.

— При чем тут везение?! Ты самый настоящий фрайер! — Цкнапа остановился. — А теперь у нас нет ни копейки.

— У меня есть три рубля! — я сунул руку в карман.

Цкнапа посмотрел на меня и как-то ласково произнес:

— У тебя наверняка будет больше!

— Нет, у меня только три!

Цкнапа схватил мою трешку и ускорил шаг.

— Скорее, как бы нам не опоздать!

Автобус был полон отдыхающими, но мы все же толкнулись в него. Сперва я, за мной — Духуна с Цкнапой. Так, стоя на одной ноге, мы доехали до Цихисдзири.

Когда мы спустились на пляж, солнце уходило за горизонт. Небо было окрашено в багровые тона, и

часть моря казалась объятай пламенем. Я еще не видел такой красоты.

На берегу одиноко сидела женщина. На ней была шляпа с полями, на коленях — киноаппарат. Она задумчиво смотрела на море. Цкнапа подошел к ней, заговорил. Они, как видно, сразу нашли общий язык, потому что Цкнапа вдруг обнял ее за плечи и позвал Духуну: — Иди сюда, я познакомлю тебя с хорошей женщиной! — Женщина смеялась. Духуна подошел к ним, разговорился, заметно повеселел, потом позвал и меня.

Я не тронулся с места. Смотрел на солнце. Оно уже начало погружаться в море. Меня очень интересовало, как оно исчезнет.

Духуна прошелся по берегу. Женщина встала, сняла на пленку закат. Цкнапа то и дело поглядывал на часы. Потом тоже встал, положил руку женщине на плечо и повел к лестницам. Духуна последовал за ними. Солнце полностью ушло под воду. Я бросил в море камень и тоже пошел к лестницам, оглядываясь на почерневшую гладь. Женщина шла впереди уже с Духунной, а Цкнапа сзади снимал их на пленку. Я поровнялся с ним, и он тихо сказал мне:

— Ступай наверх, к станции, скоро подойдет электричка, садись и жди нас.

Я бросил взгляд на женщину: она была очень худая и не первой молодости, хихикая, что-то рассказывала с самозабвением. «Чокнутая! — я усмехнулся про себя. — Что у нее общего с этими сопляками?! Эх, кого только не встретишь на белом свете!»

Я поднялся по лестнице, пересек железнодорожное полотно и вышел на перрон. Здесь стояли несколько женщин и мужчин. Вскоре раздался гудок электровоза и показалась электричка. Я смотрел в ту сторону, откуда должны были появиться Цкнапа с Духунной. Поезд остановился. Я бросился к последнему вагону и тут увидел бегущих к составу приятелей. Оба махали мне руками — садись, мол, не зевай! Тем временем поезд тронулся, я вскочил на ступеньку, влетел в тамбур и бросился к окну: успеют или нет! Успели! Цкнапа рыскал глазами по вагону.

— Покажи! — задыхаясь, сказал ему Духуна. На нем не было лица.

Только сейчас я заметил в руках у Цкнапы киноаппарат. Я обомлел: неужели отняли?! Куда девалась женщина?! Я выглянул из окна — поезд въезжал в тоннель. Духуна взял киноаппарат, осмотрел его.

— Японский... Здорово получилось! Я, правда, сперва не понял, почему ты стал строить куры этой старухе, но потом... — Духуна повернулся ко мне и, по обыкновению сощурив глаза, дружелюбно спросил: — хороший киноаппарат, правда?

— Смотри, никому ни звука! — предупредил меня Цкнапа, сверкнув глазами.

— Куда девалась женщина?

— Кто? Ах, женщина! — засмеялся Цкнапа. — Она ушла и на прощанье подарила нам эту штуку, хорошие, говорит, вы ребята!

Поделом этой особе, нечего было хихикать с мальчишками, надо знать, с кем водиться. Я внимательно осмотрел киноаппарат, даже провел по нему рукой — уж очень он был красивый.

— Сколько даст за него Мамия? — спросил Духуна.

— Не менее пятисот, — с уверенностью отвечал Цкнапа.

— Ну тогда живем!

В вагоне сидели два человека. Мы прошли в следующий, но и там народу было не больше. Тогда мы прошли в третий вагон. Он оказался сравнительно полным.

— Сядем здесь! — сказал Цкнапа и, став ногами на скамью, положил киноаппарат на багажную полку за чей-то чемодан.

Страх у меня прошел, я успокоился. Сидя у окна, наблюдал, как догорал день, и вдали, где небо сливалось с морем, алела яркая точка. Мое внимание привлекла «Волга», которая мчалась по автостраде, выющейся параллельно железнодорожному пути. В машине сидели моя соседка Лейла и ее подруги, они чему-то смеялись и, как мне показалось, подбивали шофера перегнать поезд. Не могу передать, что со мной случилось, когда я увидел их: где-то в глубине души я почувствовал тупую боль. Мне так захотелось быть с ними! Я чуть не вывалился из окна. «Интересно, видят они меня или нет?» «Волга» повернула, въе-

хала на мост, проходящий над железнодорожным полотном, и исчезла. Я бросился к противоположному окну, но Духуна остановил меня.

— Выйдешь с нами или останешься?

— Останусь, — бросил я и подбежал к окну. «Волги» поначалу не было видно, но очень скоро она нагнала состав. Девушки смотрели в мою сторону и смеялись. Я понял, что они узнали меня. Неожиданно наш поезд остановился. «Волга» затормозила прямо передо мной. Девушки вышли из машины, выпили воду тут же из колонки и снова уселись в нее. Какое-то время автомобильное шоссе тянулось параллельно железнодорожному пути, я имел возможность наблюдать за машиной, несмотря на то, что сумерки уже сгустились. Внезапно раздался вой сирены, милицейская машина с мигающей синей лампочкой на крыше нагнала «Волгу» и вырвалась вперед. Вскоре за окном так стемнело, что я ничего уже не видел; грустно глядя в темноту за окном, думал о Лейле, которая была так недосыгаема для меня. Счастливец Духуна — женится на сестре Лейлы... Потом я представил себе: «Волга» терпит аварию, я спасаю Лейлу. И не только ее, но и подруг. Шофер гибнет, хотя нет, его я тоже спасаю. И тут же посмеялся над собой — тоже мне всеобщий спасатель!

В вагоне появились Духуна с Цкнапой. Духуна, улыбаясь, смотрел на меня.

— Твоя сестрица идет сюда! Мы встретились с ней в соседнем вагоне.

Я вытаращил глаза — какая сестрица?

— Цуца!

Я улыбнулся, как если бы меня поймали с поличным, — откуда Духуне известно, что она называет меня братом?!

— Мы будем в последнем вагоне, — бросил Духуна и последовал за Цкнапой.

Вскоре появилась Цуца. Она держала в руке большую сумку. Поискав меня глазами, сердечно улыбнулась мне.

— Почему ты не сказал мне, что хочешь побывать в Батуми? Почему не зашел за мной? — она поцеловала меня и села рядом на лавке.

— Я и сам не знал, что поеду, — я огляделся кругом. Пассажиры с любопытством взирали на нас.

— Я купила тебе классные джинсы! — Цуца положила на колени сумку и начала в ней копать.

Я с изумлением смотрел на нее. И когда она вытащила из сумки новенькие джинсы, я подумал, хотя бы они пришлось мне впору.

— Ну-ка приложи к себе, — Цуца как бы прочла мои мысли.

В этот момент поезд остановился и я, воспользовавшись этим, встал и выглянул в окно. За окном стояла приятная прохлада. Я услышал тихий свист и, оглянувшись, увидел Духуну с Цкнапой. Юркнув за багажное отделение, они стали махать мне рукой: скорее, мол, сюда!

«Интересно, что случилось?» — подумал я и только собрался выйти из вагона, как в дверях показались лейтенант милиции и худощавая владелица киноаппарата. У меня вдруг пересохло во рту. Я хотел выйти в другую дверь, но и там уже стоял милиционер. Я почувствовал себя в западне. Снова выглянул в окно. Духуны и Цкнапы уже не было. Я стал успокаивать себя: я не крал, я тут ни при чем, и, сев на лавку, уставился на Цуцу, с изумлением наблюдавшую за мной.

Тем временем лейтенант милиции и женщина подошли ко мне, и она, указав на меня пальцем, сказала:

— Это один из них!

Милиционер, стоявший в дверях, ястребом налетел на меня, схватив за шиворот, поставил на ноги и заломил руки. Слезы брызнули у меня из глаз, от боли я чуть не разрыдался.

Цуца сперва, видимо, растерялась, но тут же пришла в себя и бросилась к милиционеру.

— Что тебе нужно от этого ребенка?! Что он такое сделал?! — кричала она на весь вагон.

Пассажиры испуганно смотрели на нас. Сидевший напротив мужчина поддержал Цуцу:

— Действительно, что вам нужно от этого мальчика?

— Вас это не касается, такие вот мальчики черт знает что вытворяют! — он повернулся ко мне и спросил: — Где киноаппарат?

Я невольно бросил взгляд на полку. Это не укрылось от лейтенанта. Вскочив на лавку, он снял с полки

киноаппарат и, торжествующе улыбаясь, показал его Цуце и остальным пассажирам.

— Видите, это вот украл ваш мальчик!

Тошная кинолюбительница схватила свой киноаппарат, внимательно осмотрела его и, удовлетворенная, перевесила через плечо. Потом взглянула на меня, и ее и без того, как печеное яблоко, лицо совсем сморщилось, когда она растянула перемазанные помадой губы в подобие улыбки.

Опешившая Цуца молча смотрела то на меня, то на владелицу киноаппарата.

— Уведите! — приказал лейтенант.

Милиционер как будто только и ждал этого. Отвесив мне подзатыльник, подтолкнул к выходу. И снова слезы подступили к глазам. Пассажиры загалдели, зашумели. Я же ничего не видел и не слышал, перед глазами у меня стоял отец...

— Чего пристали к ребенку! — кричала Цуца. — Что вы от него хотите?! Арестуйте тех, кого надо арестовать! Они и меня погубили, и этого ребенка впутали в свои грязные делишки!

Тем временем меня вывели в тамбур. Рядовой милиционер спрыгнул с вагона. Теперь рядом со мной стоял лейтенант. Спускаясь по лестнице, я украдкой бросил взгляд на станцию: где сейчас Духуна и Цкнапа?

— Ты что, удрапать собрался, сопляк? — лейтенант схватил меня за плечо.

Куда и от кого мне было бежать?!

— Давай спускайся! — крикнул милиционер. — Нечего глазеть по сторонам!

Я соскочил с последней ступеньки, мне снова заломили руки и повели к милицейской машине.

Так закончилась моя прогулка к морю. Здесь можно было бы поставить точку, но то, что случилось потом, заставило меня по-иному взглянуть на жизнь.

Я решил продолжить учебу в профессионально-техническом училище, как мне советовал отец, овладеть профессией столяра и строить и строить дома. Взять хотя бы наше село — нам надо выстроить клуб, новую ферму... А мои односельчане? Каждый из них мечтает отгрохать себе по новому дому, вот я и буду строить...

В ту проклятую ночь, когда меня привезли в отделение милиции, я не сомкнул глаз, сидел и думал о разных глупостях: перед глазами вставала то тюрьма, то колония. На какой-то миг в голову пришла шальная мысль — разобью себе голову о стену, и делу конец!.. Наутро явился новый дежурный. Как видно, он сразу понял, какой из меня преступник, потому что по-отечески стал расспрашивать, почему меня задержали и что вообще со мной стряслось. Я скупно отвечал на его вопросы. Часов в десять зазвонил телефон. Дежурный долго слушал, время от времени вставляя: «Да, товарищ начальник!» Закончив разговор, он каким-то праздничным тоном объявил мне:

— Да ты, оказывается, ни в чем не виноват?! Можешь идти, ты свободен!

Я разинул рот от неожиданности, никак не думал, что так легко отделаюсь.

— Давай проваливай! — повторил дежурный.

Я вышел на улицу, пребывая в полном недоумении — неужели Духуну и Цкнапу зацапали?! А вдруг они обвинят меня в том, что я их продал! Неподалеку от отделения милиции я увидел черную «Волгу». В ней сидел Духуна. Высунувшись из окна машины, он махал мне рукой. Сердце у меня почему-то учащенно забилось, будто хотело выскочить из груди. Рядом с Духуной сидела девушка, я сперва решил было — Цуца, но, подойдя поближе, увидел, что это Марина, сестра Лейлы. Я остановился как громом пораженный. Неужели и она знает о случившемся?!

— Ну как ты? — спросил Духуна, когда я сел рядом с Шуриком, и хлопнул меня по плечу.

Я повернулся к нему и улыбнулся, искоса взглянув на Марину. Духуна, сощурившись, смотрел на меня. «Интересно, где Цкнапа?» — мелькнуло у меня в мыслях.

— Ты думал, я брошу тебя в беде? — Духуна откинулся на спинку сидения. — Папа сегодня утром с трудом связался по телефону с начальником отделения милиции.

Я был поражен — неужели и до ушей дяди Геронти дошла эта история?!

— Вчера звонил твой отец, — продолжал между

тем Духуна, — мама успокоила его, сказала, что мы в Батуми.

При упоминании об отце у меня защемило сердце.

А Духуна, не останавливаясь, что-то говорил и говорил, временами обнимая Марину и прижимая ее к груди. Марина мне очень понравилась, у нее было доброе и нежное лицо, похожее на фреску в нашей сельской церкви. Я уставился в окно. По обеим сторонам дороги раскинулись чайные плантации, затем пошли мандариновые сады... Где-то в глубине души я уже представлял, как по прибытии в село хвастаю перед друзьями о своем приключении на море...

Внезапно перед большим зданием с колоннами машина затормозила. На лестнице, ведущей к парадной двери, стояли несколько мужчин и о чем-то беседовали. Я узнал среди них дядю Геронти.

Духуна предложил пройтись пешком, и мы вышли из машины. Дядя Геронти, увидев нас, сделал знак рукой — подойдите, мол. Духуна нехотя подошел к отцу, мы — за ним.

— Вот он — наш герой! — Дядя Геронти протянул руку в мою сторону и улыбнулся стоящему рядом майору милиции.

Майор засмеялся в ответ, остальные последовали его примеру.

— Всю ночь я не сомкнул глаз, — продолжал дядя Геронти, — и все из-за какого-то киноаппарата.

— Ничего не поделаешь — ребенок! — громко сказал один из мужчин. — Недавно такие вот, как он, разбили витрину магазина, хотели украсть шоколад, а им досталась бутафория.

Все снова захихикали, причем захихикали явно из желания потрогать начальника. Улыбались и Духуна с Мариной.

— И все-таки, — обратился ко мне дядя Геронти, — какого черта тебе нужен был этот треклятый аппарат?!

— Мне? — воскликнул я, потрясенный. Только сейчас я понял, о чем они тут толковали, и от злости, чуть было не задушившей меня, лишился дара речи. Только тупо смотрел на дядю Геронти.

Мужчины перестали хихикать и удивленно уста-

бились на меня. Духуна побледнел. Дядя Геронти не сводил с меня своих запухших глазок.

Слезы выступили у меня на глазах. Неужели все свалили на меня?! Я же еще должен быть благодарен им, что они вызволили меня из тюрьмы! Я взглянул на Марину, она оторопело смотрела на меня, ничего не понимая.

— Ты-то что потеряла с ними?! — взревел я, уже не владея собой. — Что?! — Больше ничего я не смог сказать и, круто повернувшись, пошел своей дорогой.

Злоба душила меня, слезы катились из глаз. Запыхавшись, я ворвался в нашу комнату, бросился на постель и разрыдался.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

ХРОНИКА

КЛАССИКУ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На Украине создана комиссия по празднованию 150-летия со дня рождения Ильи Чавчавадзе. В программе мероприятий, организованных комиссией, — литературно-художественные вечера и

книжные выставки, радио- и телепередачи...

В составе комиссии — И. Ф. Драч (председатель), А. М. Сливинский (секретарь), З. В. Гончарук, В. Г. Гримич, С. К. Жолоб, О. Н. Мушкудиани, А. Н. Новицкий, Б. И. Олейник, А. П. Синиченко, Г. И. Халимоненко, Д. С. Чердынченко, Р. Ш. Чилачава.

ОТШУМЕЛА страда приемных экзаменов, в высшие учебные заведения — пора повальной лихорадки, всеобщего нервного стресса. Долгая, — иногда в течение года, а то и нескольких лет, — сложная подготовительная кампания достигает в момент приемных экзаменов своей кульминации.

Составлены списки — фамилии, адреса не только домашних, но главное, — «тайных убежищ» — председателей и многочисленных членов экзаменационных комиссий. Затем проводится нелегкая работа по выявлению их друзей и знакомых. Разумеется, самыми надежными представляются те, кто несут ответственность за сдачу всех предметов. Экзаменационной кампании предшествуют поиски репетиторов, которые сами участвуют в приемных экзаменах. В идеальном случае они возглавляют экзаменационную комиссию, хотя репетиторы не имеют права не только быть председателями, но и входить в состав экзаменационных комиссий. К сожалению, и этот порядок, как и многие другие, грубо нарушается.

Сколько абитуриентов может подготовить за сезон один репетитор? Не удивляйтесь, бывает, и по тридцать учеников, которые приходят

Гурам ПАНДЖИКИДЗЕ

«...ВРЕМЯ НЕ ТЕРЯЕТ ВРЕМЕНИ...»

к репетитору домой или на конспиративную — нанятую квартиру. По «рыночному прейскуранту» подготовка одного ученика стоит 1000—1500 рублей, естественно, в зависимости от предмета. Но если репетитор гарантирует «пятерку» — оплата выше. Может ли один человек — пусть даже очень опытный и трудолюбивый — за такой короткий срок (обычно занятия начинаются с января) подготовить на должном уровне столько абитуриентов? Это не удручает родителей, поскольку в основном они заинтересованы не столько в подготовке, сколько в гарантированной высшей оценке на экзамене. Большинство родителей на протяжении многих лет, отказывая себе во всем, мучительно копят деньги на «устройство» в вуз своего чада, которое необходимо обеспечить дипломом. Пусть без образования, но не без диплома!

Какой же притягательной силой обладает этот диплом!

Похвально и достойно уважения любое стремление к просвещению! Но оно предполагает два необходимых условия: способность и трудолюбие.

Американские социологи утверждают: только двадцать процентов человечества способны усвоить программу высшей школы. Если их расчеты верны, то из каждых ста молодых людей только двадцать обладают способностью полноценно овладеть знаниями.

У нас же, в Грузии, из сотни почти все сто стремятся в высшие учебные заведения. Немало обладателей даже двух дипломов: необходимость получения второго диплома была обусловлена сменой профессии.

В свое время великий Илья Чавчавадзе мечтал хотя бы о нескольких специалистах, инженерах с высшим образованием. Ныне же мы, грузины, оказываемся, занимаем первое место в мире по числу людей с высшим образованием.

Я далек от мысли, что в Грузии нет первоклассных ученых, врачей, интеллигенции, но, к сожалению, удельный вес их очень незначителен. Горько и возмутительно, что их очень мало не только среди дипломированных, но и в общем числе ученых, имеющих степень.

Что же происходит? Почему диплом приобрел такую магическую силу? Не вносим ли мы постоянно свою лепту в развитие этого всеобщего психоза?

Молодой человек хорошо поработал на производстве? В награду — лимит на поступление в институт! Молодой человек отслужил в армии? В награду — благоприятные условия для поступления в вуз! Прекрасно, если по своим способно-

стям и знаниям они достойны учиться в высшем учебном заведении. Но я считаю совершенно неоправданным, когда неподготовленный для учебы и малоспособный молодой человек занимает в вузе место талантливого юноши, пусть даже в награду за значительные заслуги.

И все же, почему так велика тяга к высшим учебным заведениям?

Диплом обуславливает в будущем высокий доход? Но мы же хорошо знаем, что квалифицированные рабочие, колхозники, мастеровые получают за свой труд куда большее вознаграждение, чем, скажем, инженер или любой специалист с высшим образованием, кроме отдельных случаев, когда диплом открывает дорогу для вступления в определенную должность, а уж в дальнейшем доход определяется множеством махинаций и незаконных путей.

Лично я думаю, что диплом для молодежи является визитной карточкой для вступления в «высшее» общество, в определенную социальную среду. Психологически еще не преодолен барьер между людьми дипломированными и не обладающими дипломами.

Диплом — самоцель. Не важно, каким путем он добыт, как состоялось поступление в институт или его окончание.

Если в один прекрасный день авторитетная комиссия проверит уровень знаний окончивших вуз, скажем, год назад, боюсь, что достойных диплома окажется не более двадцати процентов.

И разве не жадой диплома можно объяснить, что в политехническом институте города Калинина на факультете разработки торфа учится 89 молодых грузин? Ведь разработка торфа в Грузии почти бесперспективна. Кстати, бесперспективна она и в Калининe. На этот факультет кроме грузин почти никто не поступает. Эти молодые люди заведомо знают, что по своей специальности работать не будут, что никогда не поедут на постоянное жительство в те районы, где разработка торфа имеет будущее. Зато удовлетворены амбиции.

Нельзя не согласиться с министром просвещения СССР Г. Ягодиным, сказавшим, что нельзя мириться с растратой интеллектуального потенциала государства, каждый должен работать в соответствии со своей профессией.

В нашей республике ежегодно заканчивают школу 80 тысяч юношей и девушек, а поступают в высшие учебные заведения только 10 тысяч.

В каком положении оказываются остальные 70 тысяч? Что

мы для них делаем? Насколько мы заботимся о том, чтобы ликвидировать барьер между дипломированными и бездипломными? Почему должным образом не оцениваем труд молодого мастера? Почему не воздаем хвалу его «золотым рукам»?

Существуют специальности, к которым проявляется огромный интерес со стороны как родителей, так и молодежи. После окончания соответствующих вузов они приобретают и диплом, и источник дохода. Хорошо известно, как стремится молодежь на медицинский, юридический, автотранспортный факультеты. Тяга к медицинской и юридической профессиям понятна. Впрочем, и стремление на автотранспортный факультет не составляет тайны: заветная мечта не столько овладеть профессией автоинженера, сколько в форме автоинспектора выйти на трассу...

Я прошу прощения у тех молодых людей, кто поступает на эти факультеты, движимый истинной любовью к профессии.

И разве это не социальная, а если хотите, национальная трагедия, когда родители толкают своих детей поступать на такие факультеты, по окончании которых, не имея призвания к профессии и не отличаясь порядочностью, они смогут легко добывать деньги нечестным путем? Ведь эти родители с самого же начала направляют своих собственных детей по аморальному пути рвачества, грабежа, не заботясь о возможных последствиях, как правило, завершающих этот скользкий путь:

В селах, особенно в горных районах, знают: если их дети получают в Тбилиси высшее образование, то в родной дом они уже не вернуться. Сын или дочь, для которых они сделали все возможное, чтобы поставить на ноги, в лучшем случае раз в год пришлют весточку, или же, когда родителей не станет, придут на погребение, отягощенные дефицитным грузом — «поминальной» рыбой. И все же родители продолжают изо всех сил тянуться, копить деньги на «устройство» своего чада в институт. Главное, чтобы чадо стало обладателем диплома, не ударить бы лицом в грязь перед родственниками, друзьями, соседями!

Не сумели сын или дочь устроиться в Грузии? Беда невелика — страна большая. Транспортных средств куда больше, чем было во времена «тергдалеулни» — «испивших воду Терека».

Едут в Москву, Ленинград, Калининград, Волгоград, Ростов, Харьков... Едут в города, о существовании которых прежде и не слышали. Только бы получить диплом — тут не останется ни невежество, ни подлог, ни взятка, ни подлость.

В настоящее время в республике 89 тысяч студентов, а за ее пределами, вдумайся, читатель, 22 тысячи. Причем, в эти 22 тысячи не входят молодые люди негрузинской национальности, выехавшие на учебу из Грузии, а также и те 260—300 молодых людей, которые в порядке целевой подготовки специалистов направляются из нашей республики в различные высшие учебные заведения страны. Таким образом, за пределами Грузии учится 27 процентов грузинской студенческой молодежи!

Может возникнуть вопрос: что же в этом плохого? Действительно, было бы достойно поощрения стремление молодых людей в вузы различных городов Советского Союза, если бы ими руководила жажда знаний (я вновь прошу прощения перед меньшинством, движимым именно этим желанием).

22 тысячи семей, не утруждая себя серьезными раздумьями, без всякого анализа ситуации, без учета возможностей, призвания и личных склонностей своего наследника отправляют его в далекие края. Так ведь юношам и девушкам уже по 18 лет. Неужто они еще не способны жить самостоятельно?! Увы... Большинство молодежи в результате нашего же неправильного воспитания и многих социальных причин не готово к самостоятельной жизни. Даже когда наши дети живут рядом с нами, под нашим присмотром, мы не можем сладить с ними. Обленившиеся, самодовольные и наглые молодые люди становятся на путь преступлений. Много, очень много юношей и девушек оказалось в трясине наркомании. И таких, по нашей же вине не приспособленных к жизни детей мы отправляем на самостоятельное в течение ряда лет существование!

Не замедлил сказаться логический результат. Из этих 22 тысяч обучающихся за пределами республики 20 тысяч — бездельники, хулиганы, мелкие или крупные преступники, наркоманы.

Только в Харькове за последние два года из высших учебных заведений были исключены 119 студентов-грузин. Аморальное поведение, неуспеваемость по академическим дисциплинам, компрометация имени студента, воровство, хулиганство, наркомания — вот неполный перечень обвинений, по которым они были исключены из вузов. Многие из них «защищают» честь и достоинство республики, нации... в тюрьме!

Исключенные студенты не возвращаются к родному очагу. Они остаются там же, бессовестно обманывая при этом родителей, что они, мол, переходят на следующие курсы. Обрадованные их «успехами» родители посылают своим «славным» де-

тям деньги и обильный провиант. Многие родители только по сообщению из министерства просвещения Грузинской ССР и узнали, что их сыновья отбывают наказание в тюрьме.

Так Грузия теряет тысячи молодых людей. Так за их счет растет преступный мир.

Студент Ростовского транспортного института Ш. Ионаташвили за два месяца ограбил одиннадцать квартир и совершил два разбойничьих нападения. Окончивший Вологодский политехнический институт, то есть дипломированный Д. Швангирадзе не помнил ни о своей родине, ни о родителях. В Вологде он обзавелся квартирой, устроился на работу. Но профессия и работа его не удовлетворяли. Он нашел другой источник дохода — начал торговать наркотиками. «В награду» — 6 лет лишения свободы!

Я не буду больше приводить примеры, скажу только, что они исчисляются не десятками и сотнями, а тысячами. Беда в том, что такие студенты бросают тень на порядочных, способных, жаждущих знаний молодых грузин.

Есть случаи, когда многих способных абитуриентов специально «срезали» на вступительных экзаменах, чтобы дать дорогу детям комбинаторов.

Вот что пишет министерство высшего и среднего специального образования Центральному Комитету Компартии Грузии:

«...Примечательно, что в отношении тех абитуриентов, которые в стихийном порядке едут для получения высшего образования за пределы республики, не существует никакого контролирующего органа. Некоторые высшие учебные заведения Союза ССР широко распахивают двери прибывшим из нашей республики таким абитуриентам, которые ни по своим знаниям, ни своими трудовыми заслугами и ни своим моральным обликом не заслуживают звания студента. В период обучения такие студенты сдают курсовые экзамены с помощью различных махинаций. Некоторые же из них своим поведением и образом жизни позорят всю республику...

Исходя из создавшегося положения, выдвигаем предложения:

1. Создать при министерстве высшего и среднего специального образования определенную службу — подразделение, которое будет контролировать направление абитуриентов из нашей республики в высшие учебные заведения Союза ССР. Для таких подразделений будут необходимы дополнительные штатные единицы.

2. Просим Центральный Комитет партии разрешить об-

ратиться с письмом в министерство высшего и среднего специального образования Союза ССР, чтобы оно предупредило высшие учебные заведения страны допускать приехавших из Грузии абитуриентов на экзамены только в том случае, если у них будут рекомендации городских или районных Советов».

Руководство республики принимает решительные меры для исправления этого плачевного положения. Согласно союзному постановлению, количество студентов по специальностям будет комплектоваться по заказам министерств, а стоимость их обучения — 3.000 рублей за каждого, заплатят сами министерства. И если институты или университеты не сумеют обеспечить окончивших вуз специалистов работой, они вынуждены будут выплатить соответствующие суммы соответствующим министерствам.

Естественно, такие направленные действия поставят руководство высших учебных заведений перед необходимостью строгого и тщательного отбора только самых достойных молодых людей. Хотя небезызвестно, что существует прием и «...в виде исключения», и в обход закона. Тем более, когда на так называемые «дефицитные» факультеты вдруг не находят желающих поступить. В Грузию (как, наверное, и в другие места) приезжают специальные посредники и приглашают молодежь на учебу. При этом они дают стопроцентную гарантию зачисления в институт. Эти приглашения, согласитесь, обусловлены не одной только нехваткой специалистов.

Руководство республики многое предпринимает, чтобы воспрепятствовать этой порочной практике. Но главное — сами родители должны понять, что, когда вокруг столько соблазнов, столько искушений, а родительской руке не дотянутся до избалованного, изнеженного чада, — учиться могут лишь твердые в своих устремлениях, способные, трудолюбивые и обладающие надлежащими знаниями молодые люди, но не те, кто с детства приучен к лени и вседозволенности. Неужели такие студенты, попав в вуз путем всевозможных ухищрений, надеются овладеть сложнейшей программой, да еще на русском языке? Впрочем, им-то нужны дипломы, а не сложнейшие программы! За дипломами ехали они в далекие края, в надежде (и не безосновательно!) получить эти дипломы тем же путем, каким поступили в вуз.

Пора понять, что подобные пути ведут к духовному разращению молодежи.

К той же категории относятся столь популярные у нас фиктивные браки, которые заключают тбилисцы, попав в мед-

институт где-нибудь в России, чтобы получить возможность перевестись на учебу в Тбилиси.

Что ж, видно, нравственные категории достаточно обесценены в глазах многих и многих. Не задумываться над тем, что может последовать за такой нравственной девальвацией уже невозможно. Вероятно, именно эта девальвация нравственных категорий и ценностей является причиной того, что общественность не прореагировала должным образом на неслыханный, омерзительный поступок, совершенный некими «славными» внуками, — они выкопали останки своих бабушки и дедушки, похороненных на «престижном» Вакийском кладбище, и перезахоронили их на Мухатгвердском кладбище, а «высвобожденные» могилы продали какому-то «денежному» человеку.

* * *

Оставим на время родителей, детей и их неумное стремление в высшие учебные заведения.

Итак, мы на первом месте в мире по числу специалистов с высшим образованием. К сожалению, столь триумфальной статистикой мы гордились на протяжении десятилетий, раздражая этим национальный нерв и парализуя сознание. Погруженные в болото совершенно бесосновательного самодовольства и удовлетворения, мы даже не подозревали, что катимся в пропасть.

Подготовка большинства выпущенных нашими вузами специалистов даже не на уровне выпускников техникумов.

Чтобы обратиться к истокам этой беды, думаю, не мешает заглянуть в среднюю школу. Почти повсеместно (за редким исключением) — в селах, районных центрах и городах, в нашей столице — Тбилиси — в каждом классе, как правило, 40—50 ребят. Даже для высококвалифицированного и опытного педагога это не нормальные условия для проведения урока.

Сегодня, как никогда прежде, наша школа остро ощущает дефицит талантливых, истинно образованных, опытных педагогов.

В республике столько нужных и ненужных научно-исследовательских институтов, где сосредоточена большая часть той самой интеллигенции, которая была бы способна принести огромную пользу на благородном педагогическом поприще. Но, к сожалению, они предпочитают работать простым препаратом или лаборантом, нежели педагогом в школе. Школе же остро не хватает педагогов-мужчин, что плохо сказывается на воспитании мальчиков. Дома из-за занятости отцов, воспитани-

ем детей, как правило, занимаются матери. В школе их также наставляют педагоги-женщины, а ведь мужской разговор, мужской пример для юноши имеет неоценимое значение.

Дети, чувствительный барометр моральной атмосферы, безошибочно ощущают всякого рода уродливые явления, проникшие сегодня и в школу. Они прекрасно понимают, кто и каким образом завоевал медаль, кому и как были созданы благоприятные условия для получения отличного аттестата зрелости.

Уже тридцать лет ставится вопрос о создании новых учебных пособий, усовершенствовании программы. Но хороших учебников по сей день нет, а современные методы обучения в нашей школе внедряются так мучительно... Передовые же страны мира давно перешли на компьютерное обучение...

Со всей остротой о беспомощности системы школьного образования говорится в статье И. Рюрикова «Что в колыбели будущего», опубликованной на страницах газеты «Правда» (22 мая 1987 г.): «Три главные области есть у человека — семья, работа, общественная жизнь и три главные роли — семьянин, работник, гражданин. Казалось бы, первейшая обязанность школы — готовить детей ко всем этим ролям. Но школа слабо растит в детях гражданина, плохо — работника и почти никак семьянина».

У школы возник конкурент в виде профессионально-технических училищ, которые по идее должны быть прогрессивной формой обучения, если бы сполна выполняли свое назначение — готовили бы хороших специалистов для нашей промышленности, сельского хозяйства... Но у нас профтехучилища вроде бы служат одной цели — обеспечить своих воспитанников равноценными с золотой медалью «красными» дипломами, открывающими им дорогу в высшее учебное заведение.

Приведу факт. В Тбилиси до двухсот школ. В 1986 году 101 ученик окончил школу с золотой медалью: не в каждой школе были удостоенные золотой медали. В том же году с «красным» дипломом окончили профтехнические училища 3 тысячи учащихся! Только в одном училище «красный» диплом «завоевали» 80 молодых людей. Нуждается ли этот факт в комментариях?!

— В 1986 году из двухсот обладателей «красных» дипломов мы едва отобрали двадцать человек, — сказал мне ректор Грузинского политехнического института Т. Лоладзе. — Об умножении дроби на дробь и говорить нечего. Элементарно из пяти семь вычестить не могли ($5 - 7 = -2$).

За этим последовали жалобы родителей, комиссии, провер-

ки. Были сняты директора училищ. В нынешнем году количество выпускников с «красными» дипломами стало намного скромнее.

Не сумев сдать экзамены в Грузии, «краснодипломники» устремились в Россию. Сейчас они составляют одну треть всех обучающихся там студентов-грузин.

Но, может быть, в высшей школе у нас дела обстоят лучше?

Грузинский политехнический институт, если не ошибаюсь, с 1954 года открывал свои филиалы чуть ли не во всех местах, где только останавливался поезд. В настоящее время в политехническом институте 28 тысяч студентов! Ректорат института уже осуществляет практические шаги по сокращению контингента. Нынче принимается на 630 абитуриентов меньше. В результате исключения неисправимых лентяев количество студентов дополнительно сократится еще на 1.000 человек.

Напомним, что сейчас в Грузии насчитывается 89 тысяч студентов. В 1987—1988 учебном году это число сократится до 85 300.

На VI Пленуме Центрального Комитета Компартии Грузии тов. Д. И. Патиашвили сказал: «В кардинальном омоложении нуждаются наши научные кадры. Среди 26 тысяч научных работников республики, товарищи, только восемь докторов наук в возрасте до 40 лет. А ведь, как известно, союзными органами регламентирован предельный возраст ученых-руководителей всех рангов. Готовы ли мы к предстоящим изменениям? В течение ближайших двух лет ведь в соответствии с возрастными ограничениями должны оставить пост три четверти директоров научных учреждений академии, тринадцать из 21 члена президиума Академии наук».

К сожалению, тысячи студентов оканчивают высшие учебные заведения, так и не прослушав лекций настоящих ученых.

Может создаться впечатление, что такое плачевное положение характерно только для школ и вузов лишь нашей республики. Но стоит проследить за союзной прессой, чтобы ощутить, какой глобальный масштаб приобрел этот негативный процесс. Тревога объявлена по всему Советскому Союзу.

Сегодня, на рубеже двадцать первого века, нельзя больше плыть по течению разрушительной инерции. Нам не простят идущие вслед за нами поколения, если мы срочно, решительно и принципиально не возьмемся за дело прогресса нашего образования, опираясь, разумеется, на поддержку соответствующих союзных органов, — в которой мы нуждаемся, как в

кислороде. — и на глубокий научный анализ существующего положения.

Я хочу обратить внимание читателя на обширную цитату из статьи профессора Д. Урсу «Альма матер», опубликованной в «Правде» 21 июня 1987 года:

«Смущает в связи с этим одно немаловажное обстоятельство. До сих пор Минвуз СССР непосредственно руководил всего лишь чуть более тремя десятками вузов (в том числе четырьмя университетами) из общего количества почти девяти-сот. Они получали львиную долю материальных средств, уникальное оборудование, штаты по потребности. Их преподаватели работали при меньшей учебной нагрузке. Короче говоря, произошло расслоение высшей школы на привилегированные и второсортные учебные заведения.

Сейчас количество вузов в непосредственном подчинении министерства увеличивается. Но делается это келейно, без широкого обсуждения. Остается лишь гадать, каковы критерии отбора. Однако представляется, что они достаточно субъективны, поскольку система университетского образования по-прежнему оказывается искусственно разобщенной на привилегированные учебные заведения (союзного подчинения) и их заштатных республиканских собратьев. С этим вряд ли можно согласиться, поскольку университет в нашей стране должен отвечать своему званию и назначению: государственный — независимо от возраста и места расположения. Иначе он потеряет свое формообразующее значение в высшем образовании.

Разумеется, нельзя игнорировать национальные особенности университетов союзных республик, их роль в формировании и развитии национальной культуры, научных школ, служащих становлению самосознания. Но и преувеличивать эту особенность до обособленности неправильно. Надо признать, что нарушение целостности системы университетского образования ведет к обесцениванию великого достояния советской высшей школы: равенства дипломов. Университетское сообщество следовало бы строить по тем же принципам, по которым соотносятся союзная и республиканские академии наук. Лишь такое единство может служить необходимым условием и достаточной гарантией повышения качества подготовки специалистов и уровня интеграции обучения, производства и науки во всех учебных заведениях».

Со своей стороны я назвал бы еще одну причину, по которой обучение в высших учебных заведениях всей нашей страны не является полноценным.

Несмотря на постоянные протесты и высказывания по этому поводу, вузовские программы по-прежнему остаются искусственно осложненными: на каждом факультете изучается все еще много ненужных предметов. В сумбурном потоке этих предметов теряется все, что непосредственно связано со специальностью. У руководства институтов или университетов нет возможности для творческой работы, для эксперимента. Тогда как сегодня всем ясно, что именно эксперимент и творческая работа должны быть в основе учебного процесса, но ревизоры из вышестоящих органов по-прежнему проверяют работу вузов только по инструкциям.

Один известный ученый так разъяснил мне суть дела: «Занем, ломать голову? И хороший, и плохой жарятся на одной сковороде. Любой тренер, воспитав одного чемпиона сразу же получает звание заслуженного. Может быть, стоит ввести такой порядок и среди ученых? Может, быть, и труд воспитателей следует оценивать по подготовке настоящих учеников и хороших специалистов?». Наверное, прав мой друг.

Во условиях ускорения программы наших высших учебных заведений не соответствуют не только задачам завтрашнего, но даже сегодняшнего дня. Ведь готовить специалистов сегодня необходимо с учетом всех возможных и предполагаемых открытий, которые могут произойти 20—15 лет спустя. Впрочем, вероятно, лучше спуститься с небес на землю и обсудить те элементарные проблемы, которые мы, к стыду нашему, еще не смогли решить.

Так или иначе, тысячи молодых людей кончали и кончают высшие учебные заведения. В 1981—1985 годах 19 процентов окончивших вузы и 39 процентов выпускников средних специальных учебных заведений (всего 55 тысяч человек!) не были распределены по специальности. Это свидетельствует о том, что либо не было никакой кадровой ориентации и прогнозирования, либо осуществлялось это крайне формально, бездумно, без всякого анализа. В республике сегодня избыток филологов, историков, философов, педагогов, психологов, физиков, математиков, востоковедов...

Вопрос прогнозирования кадров не упорядочен во всесоюзном масштабе. Например, Госплан СССР в 1986 году для расположенных в республике заводов, предприятий и объединений союзного подчинения запланировал на 1600 необходимых специалистов меньше (34 процента), исходя из перспективного плана до 1995 года.

Чем же вызваны подобные недоразумения?

Во-первых, союзные министерства утверждают, что заводам не нужно столько людей. Заводы же не могут противопоставить свои требования, основанные на реальном положении дел. Во-вторых, являясь одновременно финансирующим органом, Госплан резко, без учета реальных потребностей ограничивает количество специалистов. В-третьих, Госплан опирается на долгосрочные (до 2000 года) прогнозы, в которых предусматривается значительный рост тяжелой промышленности, особенно машиностроения. В конкретных же разработках пятилетнего плана союзные министерства стыдливо зажимают темпы их роста. Поэтому предварительные прогностические расчеты о количестве специалистов и реальные потребности пятилетки никак не соотносятся друг с другом. Выйти из этого тупика очень нелегко. Естественно, возникает вопрос: нуждается ли республика в таком количестве специалистов с высшим образованием? Нужны ли в таком количестве высшие учебные заведения и такой огромный студенческий контингент?

Не поймите меня так, будто я смотрю на дипломированных специалистов только с позиций кадровой политики. Что может быть прекраснее всеобщей образованности, интеллигентности, тем более в век компьютеризации, роботизации и еще многих неизвестных чудес будущего, когда рабочий не может не быть образованным.

В некоторых странах, например, Японии, уже конкретно стоит вопрос о введении всеобщего высшего образования. Это обусловлено сегодняшним, а тем более завтрашним ритмом жизни.

У нас же вопрос ставится иначе: можем ли мы в нынешних условиях подготовить хотя бы на среднем уровне определенное количество специалистов, обеспечить их работой?

Мне думается, что в сложившейся ситуации надо резко сократить контингент высших учебных заведений, иначе то, что происходит сейчас — это самообман. В республике надо создать учебные заведения, которые станут подлинными научными базами, а руководить учебным процессом в вузах будут истинные ученые и преподаватели. Если мы не примем решительных мер, которые поначалу возможно и не найдут желаемой реакции и поддержки в Грузии, еще более очевидной станет профессиональная девальвация окончивших вузы. Надо стремиться хотя бы в будущем видеть дорогу до того, как арба перевернется...

Сокращение контингента — мера неоспоримая, но, как спросил по этому поводу один мой знакомый, «не вызовет ли

сокращение вдвое количества принимаемых студентов удвоения суммы, затрачиваемой на устройство молодого человека в высшее учебное заведение?».

Безусловно, если за сокращением контингента высших учебных заведений не последуют и многие другие эффективные меры, которые ликвидируют вызванные этим актом вредные мутации, мы ударимся в другую крайность.

Энергичным и разумным, патристическим и честным подходом можно добиться многого. Необходимо отшлифовать структуру приемных экзаменов в высшие учебные заведения, чтобы звание студента завоевали только достойные.

Я далек от мысли, что все движимые здравомыслием и патристическими чувствами сразу разделят мои идеи. Но экзаменационная кухня должна быть стерильно чистой, чтобы проходимцы не имели возможности торговать судьбами молодежи.

С другой стороны, контроль за потоком молодежи, выезжающей на учебу за пределы республики, должны взять на себя соответствующие организации, разумеется, в рамках конституционных прав человека. Нельзя пускать это дело на самотек, нельзя, чтобы нация и республика лишалась тысяч молодых людей, бездумно стремящихся куда-то, лишь следуя примеру своих сверстников.

Что же касается регулирования кадров и сокращения контингента, мне к вышесказанному хочется добавить следующее: если в технических отраслях ориентация и прогнозирование будущих кадров подчиняются логике, плановости с учетом темпов роста индустрии или сельского хозяйства, то в гуманитарной области дело обстоит несколько иначе. Здесь одними лишь расчетами необходимого количества специалистов, как говорится, брода не найдешь. Поэтому я полностью разделяю соображения профессора Рисмага Гордезиани:

«Если мы со всей строгостью подойдем к вопросу планирования и распределения, то именно на гуманитарных факультетах должно произойти существенное ограничение контингента, так как именно здесь мы сталкиваемся с основной трудностью при распределении выпускников. Может возникнуть ситуация, когда ежегодно пойдет в сторону роста стремление молодежи к гуманитарным наукам, а мы постепенно ограничим возможность осуществления этого желания. Это же может отрицательно сказаться на пополнении новых поколений нашего общества достойными гуманитариями, поскольку в условиях современной системы приемных экзаменов мы не име-

ем никакой гарантии, что добьемся подлинно оптимального подбора гуманитариев по призванию. А весомость и значимость для каждой нации гуманитарной интеллигенции общезвестны.

Мы сегодня более или менее точно можем установить, сколько инженеров, агрономов, педагогов требуется в том или ином регионе. Но такой подход никак не оправдан при решении вопроса, сколько представителей гуманитарных наук, сколько деятелей культуры, литературы нужны тому или иному народу. В определении масштабов высшего гуманитарного образования нужна большая осторожность, и решение этого вопроса нельзя доверить компетенции равнодушного чиновника».

Несмотря на то, что проблемы просвещения являются, как я уже отмечал выше, всеобщими для всей нашей страны, в различных ее регионах они отличаются друг от друга. Правда, общая картина повсюду дает основание для грустных раздумий.

Я сослался на странный факт — в Грузии не многие защищают диссертации. А казалось, что защита диссертации стала такой же модой, как и получение диплома. Объясняется это тем, что талантливые ученые и педагоги занялись репетиторством: количество докторов и кандидатов наук резко сократилось в тех отраслях, где возникла нужда в репетиторах.

Совсем иначе обстоит дело на Украине. Эта история... «началась еще в 1976 году, когда ученый секретарь Украинской сельскохозяйственной академии доктор исторических наук И. Шульга обратился в партийные органы, сообщив об угрожающем неблагополучии в этом вузе, где обучается более 14 тысяч человек. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС с участием Комитета народного контроля СССР и Комиссии партийного контроля при ЦК Компартии Украины провел проверку и вскрыл крупные недостатки в работе академии. В частности установлено, что в академии неправомерно и щедро раздавались ученые степени. За три года — 356 докторов и кандидатов наук — каждые три дня по одному ученому.

Взятые на проверку девять диссертаций оказались полностью или в значительной степени списанными с чужих работ, в том числе докторские диссертации ректора академии В. Юрчишина и секретаря парткома В. Ключникова». («Известия» 16 мая 1987 года. Аркадий Сахнин. «Неоконченная история»).

Тяжелая картина. В таких условиях трудно воспитать полноценную интеллигенцию.

Мы не должны забывать, что сегодняшние и последующие поколения учащейся молодежи — кадры двадцать первого века. Какими же вступаем в него мы, грузинский народ, или, если говорить более масштабно, — вся наша великая страна? Профессор В. Межуев, выступая по вопросам образования в «Литературной газете», считает, что эффективность среднего образования во многом определяется тем, насколько оно дает ученику ориентацию для продолжения образования либо в высшем учебном заведении, либо путем самообразования. Школа не может дать гарантию поступления в вуз, но она обязана подготовить ученика к этому и не передоверять свою роль репетиторам, иначе, по мнению ученого, сейчас происходит самораспад среднего образования. Нельзя также смешивать задачи средней школы и профтехкума, считает В. Межуев. Рабочие профессии нужны, но разве только они нужны стране, которая желает идти путем научно-технического и социального прогресса? Во всех странах растет число людей, имеющих высшее образование, то есть тех, кто работает головой, а не только руками. Не напрасно в Японии уже говорят о введении всеобщего высшего образования. А как же может быть иначе в условиях компьютеризации и роботизации производства! Мы же пока дошли только до идеи «ранней профессионализации», что в действительности означает отождествление средней школы с ремесленным училищем. Какую можно дать профессию на уровне средней школы XX века? Идея политехнизации средней школы и вовлечения учащихся в производственный труд не имеет ничего общего с идеей ранней профессионализации ни у Маркса, ни у Ленина. Вряд ли нужны особые доказательства тому, что сегодня всякого рода физический труд не может считаться производительным — таковым можно посчитать только труд, сочетаемый с современным уровнем знаний. У нас же зачастую труд учеников и полученные на уроках теоретические знания не имеют друг с другом ничего общего — с таким же успехом можно приучить человека к труду и тем, чтобы разжигать огонь трением. Почему на заводе или в мастерской низкоквалифицированный труд считается производительным, а умственный труд любого вида — непроизводительным?

В то же время американцы, завоевавшие в мире репутацию мастеров по подготовке первоклассных специалистов, едут с чрезвычайной миссией в Японию, чтобы изучить систему и методику японских педагогов, добившихся ошеломляющих успехов в деле подготовки кадров.

Очень интересную статью «Чистый лист, или японский

принцип подбора кадров» опубликовали в «Известиях» (С. Агафонов и И. Лаптева (6 мая 1987 года)).
«У специалистов период начального обучения нередко проходит что называется, на грани фола, когда изнеженного и разболтанного, с точки зрения руководства компании, выпускника университета или колледжа отправляют на пару недель в спецлагерь с казарменным режимом и так называемой шоковой терапией. Наиболее известное из подобных учреждений в Японии — «адский тренировочный лагерь», который обычно приводят как пример жесткого воспитания.

Это — школа для менеджеров средних и мелких компаний. Созданная шесть лет назад, она в настоящее время приобрела колоссальную популярность. Почему же «адский лагерь»? Да потому, что основные компоненты здесь — железная дисциплина, 17-часовой учебный день с подъемом в 4.30 утра, бесконечная зубрежка, маршброски с полной выкладкой, изнурительная экзаменовка. Цель обучения — привить полнейшую лояльность к начальству и воспитать стойкость для действий в самых сложных ситуациях».

Одно дело окончить университет, а другое — начать службу. Торжества, оркестр, газетные статьи, посвященные принимаемым специалистам, приветствия владельцев фирмы — этих всемогущих людей. Весь церемониал проводится с величайшей серьезностью и ответственностью. Японцы ничего, даже самый простой ритуал, не совершают формально.

Фирмы имеют свои гимны и знамена, представьте себе, даже собственную охрану, чтобы со всей очевидностью доказать принцип: фирма — это государство в государстве! И стать пусть даже незначительным винтиком в механизме этого всемогущего «государства» — большая честь для каждого японца.

Мы живем в социалистической стране и не заинтересованы вырастить и выковать лишь винтики для большого механизма. Наша задача — воспитать гармонично развитых людей и высококвалифицированных специалистов. А это значительно усложняет задачи, поставленные перед нашей системой образования. В период развернувшейся идеологической и экономической борьбы величайшая роль отводится не только воспитанию кадров, но и их ориентации и прогнозированию.

Как выясняется, во всей стране с трудом найдется несколько высших учебных заведений, оснащенных на уровне современных научных требований, а подготовка ученых и

студентов никак не соответствует тому, что диктует время завершения нынешнего века.

Какие же усилия и целенаправленные действия предпринимаются для установления порядка в период сдачи приемных экзаменов в вузы, во имя того, чтобы выявить и не выпустить из рук каждого способного молодого человека?

Пока что вездесущи взятка и протекционизм, — именно то, что строжайше запрещено законом и подлежит суровому наказанию.

Было время, когда в наши вузы по специальным спискам «спортсменов» принималось ежегодно по 400 и более абитуриентов. Для них экзамены проходили в отдельно выделенной аудитории, при поддержке дружелюбно улыбающихся экзаменаторов, и — по облегченной программе.

В 1985—1986 годах приемные экзамены сдавали 180 «спортсменов». В нынешнем году число «спортсменов» снизилось до 90.

Стоит заинтересоваться, где и чем заняты сейчас эти молодые люди, устроившиеся в вузы за последние семь лет по «спортивным» спискам, каковы их спортивные достижения?

Несправедливо выдаются и лимиты для поступления в вуз. В том редком случае, когда лимита удавалось не познакомиться, строго учитывались социальное положение абитуриента, трудовые показатели, дисциплина, семейные условия и тысяча других показателей — все, кроме таланта и способностей.

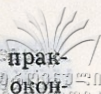
С несправедливостью сталкиваемся и во время приема на подготовительное отделение.

Показатели аттестата об окончании средней школы, практика которых так развратила школу, в конце концов отменили. Но на некоторых факультетах продолжает действовать так называемый «эксперимент», при котором вновь торжествуют показатели аттестата зрелости.

Никакой критики не выдерживает требование двухлетнего стажа работы, породившее лишь новый источник преступлений. Подавляющее большинство молодых людей, имеющих трудовой стаж, ни разу не вышло на работу. «Добывание» фиктивного стажа обходится достаточно дорого, тем более, если это «стаж по профилю» будущей специальности.

Мер по выходу из критического положения принимается много. Но беда в том, что каждая новая мера превращается в очередной источник «бизнеса».

И еще один вопрос, который меня очень волнует. Я лич-

но согласен с теми специалистами, которые считают, что практика призыва студентов в армию из вуза (или после его окончания) вредна, и думаю, следует со вниманием отнестись к соображениям члена-корреспондента Академии наук СССР М. Волькенштейна, выступившего по этому поводу в «Литературной газете».

Одним словом, проблем в этой области, как и в других, еще очень много, и все они трудно разрешимы. Но все они — чрезвычайной государственной важности, и потому надо не щадить никаких средств и возможностей для их разрешения.

У порога XXI век, и мы не имеем права понапрасну терять время. Пока что мы очень много тратим его на разговоры — правда, разговоры профессиональные, принципиальные, откровенные, — действуем же не столь быстро, масштабно и эффективно, как того требует дело, забывая при этом, что само «время не терять времени» (Ренар).

НА СЦЕНЕ — ИЛЬЯ...

НЕБОЛЬШАЯ светлая борода, придающая лицу особую солидность, делает знакомый облик народного артиста Грузинской ССР, лауреата премий имени К. Марджанишвили Котэ Махарадзе почти неузнаваемым. Он готовится воплотить на сцене образ Ильи Чавчавадзе. В январе нынешнего года началась работа над сценарием, или драматургией представления, которое посвящено великому грузинскому поэту и общественному деятелю. С этой композиции начнет свою жизнь «Театр одного актера» — единственный в Грузии.

— Создание такого театра — очень давняя моя мечта, — рассказывает К. Махарадзе. — Никак не могу сказать, что я как актер обижен вниманием театральных режиссеров или пытаюсь убежать из театра. Нет. Но сверхзадачей такого театра, как этот, мне представляется возрождение общественной роли актера, да и вообще ценности и значения личности. Я буду стремиться призывать зрителей к осознанию повышенной ответственности каждого человека за то, что происходит и в мире, и с нами, и в нас. Гоголь прекрасно сказал: «Театр — это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». В связи с этим я и обратился к личности одного из самых бескомпромиссных и стойких деятелей грузинской культуры, каким являлся Илья Чавчавадзе, жизнь которого — пример для каждого истинного гражданина своей страны.

Сценарий нашего представления мы составили вместе с известным литератором Атакием Бакрадзе. Я в основном выстраивал действие, а мой соавтор подыскивал фактический материал. Мы использовали также фрагменты из его книги об Илье. Я был счастлив работать с таким талантливым и бескомпромиссным человеком, как А. Бакрадзе. Мне особенно импонирует его стремление быть принципиальным до конца.

Композиция наша будет идти на специально приспособленной для сценического действия площадке в церкви царицы Дареджан, в одном из уголков старого Тбилиси. Пока прошло всего три просмотровых представления по пригласительным билетам, но все уже давно готово к показу спектакля широкому зрителю.

...В темном храме тихо и торжественно. В центре, на обитой темнокрасной материей сцене — скромное кресло, справа — круглый стол, заваленный бумагами, везде — на полу, на стенах, на столе — документы, газеты — свидетельства прошлого. Рассказывая о своем герое, Котэ Махарадзе то и дело поднимается на сцену, берет странички документов, перечитывает их. В беспорядке, царящем на сцене, заключен для него особый смысл.

— Константин Иванович, что побудило вас первую программу театра посвятить именно Илье Чавчавадзе?

— На мой взгляд, в последнее время сложился некий стереотип образа Ильи — мы представляем его себе лишь как стойкого, негибаемого борца. Мне же хотелось показать его живым человеком — и любящим, и больным, и страдающим. Насколько это удалось, судить зрителю.

— А что для вас важнее — творчество, личность или общественная деятельность Ильи?

— Все одинаково важно. А есть и объединяющая мысль — его гражданственность. Вот почему наше представление и называется — «Что враждой разрушено...» То есть, главное для меня — то, что Илья Чавчавадзе первым указал на необходимость устранения вражды между своими соотечественниками. Эта тема — единение грузин, единение людей — мне особенно близка и дорога.

В целом же, поскольку «Театр одного актера» — сплав публицистики и поэзии, то это — театрализованный портрет великого сына нашего народа.

— А как соотносятся три компонента — музыка, поэзия И. Чавчавадзе и драматургия?

— Представление об Илье — единое действие, которое основано прежде всего на его поэтическом наследии. Я читаю 24 стихотворения великого поэта, из них 5—6 — малоизвестные. Излишеств в использовании средств театральной зрелищности я пытаюсь избегать. Единственное, что показалось мне необходимым, — это музыкальное сопровождение. Для участия в постановке приглашен женский октет «Самеба», исполняющий вокальные произведения на стихи Ильи.

— Наверное, фрески, полумрак, сама обстановка древнего храма способствуют вашему хорошему творческому самочувствию в роли?

— Да, конечно. Но идея создать такой театр в церкви возникла еще до того, как композиция эта была подготовлена. Валерий Асатиани, министр культуры Грузинской ССР, с самого же начала сочувствовавший моему замыслу, усадил меня однажды в машину и в поисках подходящего помещения объездил со мной все действующие церкви, находящиеся под охраной государства.

Выбор пал на церковь царицы Дареджан. Те, кто был на наших первых просмотрах, говорят, что внешний антураж — мягкий полумрак церкви, высвеченная прожектором иконопись усиливают эмоциональное воздействие исполняемого.

В теплое время года в качестве сцены может быть использована также площадка у храма. Отремонтировали мы и помещение находящегося неподалеку от церкви дворца царицы Дареджан. Там вполне можно оборудовать артистическое кафе.

Хотелось бы привлечь к нашему делу побольше творческой молодежи, а для этого надо устраивать в нашем театре турниры молодых поэтов, вечера поэзии.

— Видимо, ваше начинание шире, чем только создание «Театра одного актера»?

— Возможно, со временем наш театр станет театром, в котором будут осуществляться актерские мечты. Я уже многим актерам — и родного театра, и руставелевского, а также русского и грузинского ТЮЗов предлагал написать и поставить на сцене «Театра одного актера» свои оригинальные программы. Пока никто не решает. — видимо, сделать это непросто...

Возвращаясь к постановке об Илье, хочу добавить, что наш театр стремится внести нечто новое в обрисовку личности Ильи Чавчавадзе. По нашему замыслу, перед сегодняшним зрителем он должен предстать без «хрестоматийного глянца». Мы с Акакием Бакрадзе используем мало знакомые широкой аудитории материалы, раскрывающие подробности жизни и обстоятельства смерти этого великого сына грузинского народа.

— Что видите вам самым главным в вашем начинании?

— Основное желание — поделиться со зрителем тем, что наболело, воплотить выношенные идеи, создать новаторские формы... И в этом мне пошло навстречу и руководство республи-

ки, и творческие организации. «Театр одного актера» был создан за сравнительно короткий срок.

— Значит, никаких сложностей не было?

— Без этого, конечно, не обошлось. А кроме того, я не устаю поражаться сложностям, которые зачастую возникают из ничего. Когда мы уже получили разрешение на переоборудование храма в театр, пришлось неоднократно добиваться новых разрешений на переделку каких-то незначительных деталей. Но, к счастью, все это уже позади.

— А каковы планы театра?

— В конце октября я собираюсь устроить вечер, посвященный творчеству двух великих поэтов XX века — Маяковского и Галактиона Табидзе. Для меня эти два человека во многом сродни друг другу. Но ищу я в них не только общее, но и противоположное. Хочу показать, как каждый по-своему, хотя во многом и схоже, высказывались они по одному и тому же поводу. И еще одна задача — показать Маяковского не только как «трибуна революции», но и как тонкого и нежного лирика.

Следующая программа — «Витязь в тигровой шкуре» на русском языке. Хотя я считаю, что лучшим поэтическим воплощением поэмы на русском языке является перевод Константина Бальмонта, читать я буду перевод Шалвы Нуцубидзе. К этому понуждают меня мой грузинский акцент и близость этого перевода к первоисточнику, к самому ритму руставелевского стиха.

— В композиции о Чавчавадзе, — продолжает Константин Иванович, — у меня есть три эпизода, которые я специально не заучиваю наизусть. Каждый раз иду на импровизацию, делаю и говорю то, что будет продиктовано в нужный момент моим внутренним состоянием, моей актерской интуицией. Это, надеюсь, поможет мне нащупать верные ходы, войти в образ, ощутить и самого Илью как человека, и время, в которое он жил и творил.

Хочу признаться, что такой творческой радости, какую я испытывал, когда приходил сюда после спектаклей в театре Марджанишвили и начинал в одиночестве репетировать, вновь и вновь постигая многогранный и сложный творческий и человеческий характер Ильи, мне прежде испытывать не приходилось.

Беседу вела Анна ФАЛИЛЕВА

Леван ДОЛИДЗЕ

«Грузия подарила мне долголетие и неиссякаемую фантазию...»

Эти слова принадлежат выдающемуся польскому скульптору, лауреату многих национальных и зарубежных премий, профессору Станиславу Горно-Поплавскому. Маститый ваятель объехал почти весь мир, с его самобытным искусством знакомы во многих странах и неизменно его произведения привлекали самое пристальное внимание публики, специалистов, прессы. Не так давно в Гданьске с большим успехом завершилась его персональная выставка — (четырнадцатая по счету!). По этому поводу известный польский искусствовед София Ватрак писала в газете «Дзиенник Балтички», что «Станислав Горно-Поплавский — это художник, произведения которого — исключительное и нерушимое достижение польской скульптуры, а он сам является ее живой легендой. В польской скульптуре им создан стиль, который оказал плодотворное влияние на многих художников...».

О жизни, творчестве и судьбе Станислава Горно-Поплавского можно написать увлекательную книгу. Родился он вдали от родины своих предков — в Кутаиси 14 июля 1902 года, куда после восстания в Польше в 1863 году вместе с семьей переехал его дед, спасаясь от преследования царских властей. В грузинском городе его хорошо знали как губернского врача. Отец скульптора был офицер Куринского полка. В Кутаиси по улице Акакия Церетели (бывшая Балахванская) сохранился одноэтажный дом, где жили Горновские. Позже пан Станислав, объединив фамилии матери и отца, стал Горно-Поплавским. Семья их отличалась прогрессивными взглядами, в доме Горно-Поплавских часто собирались представители местной интел-

лигенции. Дружеские отношения сложились у нее с семьей Маяковских. Станислав ребенком хорошо знал будущего поэта Революции.

Грузия для польского скульптора не просто географическое понятие, не только место его рождения. Здесь он рос, учился, постигал азы искусства, а самое главное, как считает сам, впитал вместе с молоком матери живительную щедрость и мудрость замечательного грузинского народа, суровость, нежность и величавость неповторимой природы Кавказа, что и по сей день вдохновляет его творчество.

Юношей он вернулся в Польшу, зная наряду с родным польским русский и немного грузинский языки. В 1923 году поступил в Варшавскую Академию художеств. Совершенствовал свое мастерство во Франции. В тридцатые годы пришли к нему первые успехи, премии. Офицером польской армии он встретил вторую мировую войну. Храбро сражался с фашистскими оккупантами, перенес ранение, плен, прошел все круги ада гитлеровского концлагеря, был освобожден в победном сорок пятом советскими воинами в числе десятков тысяч польских патриотов, томившихся в фашистских лагерях смерти.

После войны Станислав Горно-Поплавский был профессором университета имени Коперника в Торуне, а затем долгое время преподавал в Гданьске в Институте искусств. «Золотой строкой» польского скульптора явилось его активное участие в возрождении молодой Польской Республики. Города и села Польши в годы войны были превращены в руины. Предстояло отстроить их заново, одновременно возрождая самобытное национальное искусство. В 1951 году его назначают главным проектантом по восстановлению разрушенного немцами старинного города Гданьска. За короткий срок была выполнена огромная разнообразная работа. Гданьск стал краше прежнего. О том, как он поднимался из руин, о подвиге горожан и строителей в свое время, уже в Москве, мне рассказывал, будучи тогда председателем Советского Комитета ветеранов войны, дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов, армия которого в 1944 году освободила город от фашистов. Позднее П. И. Батов был избран почетным гражданином Гданьска.

Благодарные жители города увековечили имена тех, кто отличился в труде по его восстановлению. На главной городской арке среди других есть и скульптурный портрет Станислава Горно-Поплавского.

В Гданьской Академии художеств он воспитал не одно поколение молодых польских скульпторов. В этом же городе был избран депутатом в Польский сейм. Сейчас скульптор живет неподалеку, в Сопоте, и, несмотря на свой почтенный возраст — ему 85 лет, — продолжает творить чудо: оживлять гранитные глыбы.

Мне посчастливилось не только познакомиться с ним и семьей Горно-Поплавских, но и быть его гостем в Сопоте, посетить мастерскую скульптора, видеть прекрасные произведения мастера, встречаться вновь в Тбилиси. Постоянная переписка еще больше сблизила меня с этим «грузинским поляком», как любовно зовут его у нас, и «польским грузином», как именуют в Польше. Он всегда настроен на тонкий юмор, лирику, философски оценивает пройденное, крутые виражи и зигзаги нашего сложного и интересного XX века.

Польский скульптор всем сердцем разделил боль и трагедию в Чернобыле, с душевной остротой отреагировал на стихийные бедствия, обрушившиеся нынешней зимой на Грузию — его вторую родину...

Горно-Поплавский работает, в основном, с гранитом, о котором может говорить долго, считая его для художника самым красивым и вечным камнем. Время не властно над гранитом, и капризная мода уже не одно столетие хранит ему верность. Вечен и красив отделочный материал из этого природного камня, но без особой обработки он — лишь серая глыба. Давнишний друг пана Станислава выдающийся грузинский скульптор Мераб Бердзенишвили как-то сказал: «Гранит — это самый трудный для обработки камень, но и самый благородный. Станислав Горно-Поплавский в работе с гранитом достиг вершины творчества художника».

Как не вспомнить строки из стихотворения «Трава и камни» большого друга Грузии Бориса Леонидовича Пастернака, которое было им написано в связи со столетием со дня смерти Адама Мицкевича, но в котором воспеваются Польша и Грузия:

С действительностью иллюзию,

С растительностью гранит

Так сблизили Польша и Грузия,

Что это обеих роднит.

Если собрать воедино всё то, что создано натруженными руками польского ваятеля, получится длинная галерея скульптур из гранита, в каждую из которых им вложен кусочек свое-

го сердца. И так естественно в этом образном созвездии гранитных творений существуют скульптуры Шота Руставели и Нико Пиросмани, Витязя в тигровой шкуре и Колхиды, Техуры и Всадника, грузинской девушки и юноши.

Грузинская тема, грузинские мотивы в творчестве профессора пана Станислава занимают особое место. Он горячо влюблен в Грузию и всегда с особой задушевностью вспоминает время, проведенное на грузинской земле. Его персональные выставки устраивались в Варшаве, Москве, Берлине, Белграде и во многих городах мира, но две, прошедшие в Тбилиси в 1967 и 1978 годах, запомнились ему на всю жизнь. Первую открыл двадцать лет тому назад Ладо Гудиашвили, а Уча Джапаридзе зачитал перед собравшимися поклонниками таланта Станислава Горно-Поплавского многочисленные телеграммы, в том числе от его больших и добрых друзей Екатерины Белашовой и Сергея Коненкова из Москвы, Союза польских художников из Варшавы. С этой выставки одна его скульптура «Голова грузинки» была преподнесена в дар родному Кутаиси, другая — гранитная композиция «Техура» — Государственной картинной галерее Грузии.

Вторая тбилисская выставка Станислава Горно-Поплавского прошла с еще большим триумфом. Открывая ее, тогдашний председатель Правления Союза художников Грузии Нодар Джанберидзе особо подчеркнул талант и самобытность польского скульптора, работающего на труднейшем материале — граните и достигающего душевной выразительности своих произведений.

У пана Станислава в Грузии много друзей и товарищей, среди которых известные мастера резца Мераб Бердзенишвили и Валико Мизандари. Он нежно любил сына своей двоюродной сестры Хельты Горновской из Кутаиси — Бондо Мерквиладзе — старшего научного сотрудника Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма, безвременную кончину которого пережил тяжело. Светлой памяти Бондо посвящена одна из лучших его работ — Нико Пиросмани. С тех пор это так и отмечается в каждом каталоге польского скульптора.

Станислав Горно-Поплавский очень популярен в Польше. Он автор монументальных скульптур — Адама Мицкевича, перед Дворцом культуры и науки в Варшаве, Генрика Сенкевича — в Быдгоще, Кароля Шимановского — в Слупске и многих других. Есть среди его работ одна, которой художник особенно гордится. Эта скульптура Владимира Ильича Ленина, за которую он получил Государственную премию своей страны.

Пережитое самим паном Станиславом и его родным народом в годы второй мировой войны навсегда запечатлелось в сердце и в творчестве художника. Отсюда и неоднократное обращение к образу советского воина-освободителя.

Отмеченный высшими наградами Польской Народной Республики, Станислав Горно-Поплавский — дважды лауреат Государственной премии I степени, обладатель наград Министра культуры, Министра обороны ПНР, первых призов и золотых медалей международных выставок и биеналле — в высшей степени прост и скромн, строг к себе и к своему творчеству, необычайно добр к своим друзьям и товарищам, к простым людям. Ярый противник лести, лжи, фальши, он всегда стремился быть предельно честным, прямым, и весьма ценит эти качества в человеке. Это чуть ли не кредо всей его интересной и долгой жизни.

В одном из своих последних писем пан Станислав написал: «...Готовится новая моя выставка. Она была задумана сначала скромно (касалась последних трех лет моего творчества), теперь разрослась в ретроспективу. В связи с этим много проблем, решений. Надо подвести итог! Решить, что ненужное — разбить, что — окончить, что следовало бы «сохранить от забвения». Время — лучший судья, когда-то сделает это безошибочно...».

Художник не уходит на пенсию. Как прекрасно сказал Борис Пастернак:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Станислав Горно-Поплавский полон планов и замыслов, полон оптимизма и любви к человеку, чему всегда служило и служит его самобытное прекрасное творчество, в котором он достиг вершины искусства как оригинальный скульптор, замечательный гражданин и большой интернационалист.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР

В ТЕЛАВИ и Кварели прошла Всесоюзная научная конференция, посвященная исследованию творческого наследия Ильи Чавчавадзе и его влияния на литературы народов СССР. Конференция была организована по инициативе Музея дружбы народов АН Грузинской ССР, Института грузинской литературы имени Ш. Руставели АН Грузии, Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Института русской литературы АН СССР.

Словом об Илье конференцию открыл президент АН Грузии, член-корреспондент АН СССР А. Н. Тавхелидзе. На пленарном заседании с докладами выступили: вице-президент АН ГССР, академик АН республики Г. Н. Джибладзе — «Особенности эстетики И. Чавчавадзе», председатель правления СП Грузии, директор Института грузинской литературы им. Ш. Руставели, член-корреспондент АН ГССР Г. Ш. Цицишвили — «Теоре-

тические воззрения И. Чавчавадзе по вопросам литературы и искусства», ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, доктор филологических наук Н. С. Надъярных — «Творчество И. Чавчавадзе и общероссийский литературный процесс», главный научный сотрудник Института русской литературы АН СССР, доктор филологических наук А. Н. Иезуитов — «И. Чавчавадзе и общероссийское революционное движение (вопросы методологии)» и другие.

На заседаниях секций были прослушаны доклады и сообщения: «Прижизненные переводы И. Чавчавадзе на русский язык» заведующего отделом Музея дружбы народов АН ГССР, доктора филологических наук, профессора И. С. Богомолова, «И. Чавчавадзе в армянских переводах» директора Государственного музея литературы и искусства Арм. ССР имени Е. Чаренца, доктора филологических наук А. В. Исаакяна, «Из опыта перевода стихотворений И. Чавчавадзе на киргизский язык» члена Международной ассоциации ли-

тературных критиков, кандидата филологических наук К. Б. Бобулова (Фрунзе), «Лирика И. Чавчавадзе и русская поэзия» старшего научного сотрудника ИМЛ им. А. М. Горького АН СССР, кандидата филологических наук А. И. Чагина, «Отшельник» И. Чавчавадзе и русская литературная традиция» ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, кандидата филологических наук В. Э. Вацура, «И. Чавчавадзе и Латвия» заведующего отделом Института языка и литературы имени А. Упита АН Латв. ССР, доктора филологических наук В. А. Вавере (Рига) и другие.

В их выступлениях особо говорилось о гражданском пафосе и подлинном интернационализме писателя.

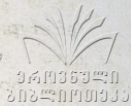
Сегодня, когда литература обретает столь действенную роль в социальном и культурном развитии нашей страны, опыт деятелей прошлых эпох имеет особую ценность и значимость. Национальная классика благодаря развитию переводческого искусства и расширению творческих контактов становится интернациональным достоянием и активно способствует взаимообогащению литератур и культур различных народов.

Одним из свидетельств этого стал и юбилей Ильи Чавчавадзе.

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

Сдано в набор 28.08.87 г. Подписано к печати 12.10.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10800. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.000. Заказ 2049. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь),
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

ИНДЕКС 76/17

26-87

87-685

საქართველოს
საბავშვო ბიბლიოთეკა

